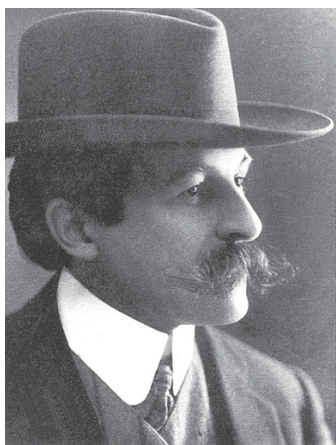

Морис Леблан

[3]

ИЛ 4/2024

Грандиозное событие

Роман

Перевод Яны Арьковой, Марии Вантеевской,
Александры Лобачевой, Наталии Смирновой,
Веры Соловьевой, Татьяны Филиной,
Валерии Фридман, Юлии Шаповаловой

Вступление Кирилла Чекалова

Роман “Грандиозное событие” был впервые опубликован осенью 1920 года на страницах парижского журнала “Je sais tout”, того самого, который пятнадцатью годами ранее открыл публикацию цикла детективных произведений об Арсене Люпене — и тем самым обеспечил Морису Леблану славу сначала во Франции, а затем и во всем мире. Издатель журнала Пьер Лафит заказал писателю остросюжетную новеллу, чем привел ранее не подвизавшегося на этой ниве Леблана в некоторое замешательство. Как показало время, решение Лафита было снайперски точным.

Случилось так, что образ элегантного “джентльмена-взломщика” во многом затмил своего создателя. Весьма показательный факт: известный парижский журнал “Europe”, который систематически публикует тематические номера, посвященные крупным писателям (в том числе и представителям

© Яна Арькова, Мария Вантеевская, Александра Лобачева,
Наталия Смирнова, Татьяна Филина, Валерия Фридман,
Юлия Шаповалова. Перевод, 2024

© Вера Соловьева, наследники. Перевод, 2024

© Кирилл Чекалов. Вступление, 2024

Перевод выполнен участницами Вольного переводческого семинара под руководством Натальи Мавлевич.

массовой литературы), напечатал выпуски “Александр Дюма” (№ 490—491), “Гастон Леру” (№ 636), “Эжен Сю” (№ 643—644), “Жюль Верн” (№ 909—910), однако вместо номера “Морис Леблан” подготовил выпуск, посвященный его знаменитому герою — “Арсен Люпен” (№ 604).

Поначалу Леблан, чье литературное творчество на рубеже 1890-х—1900-х годов развивалось в традициях психологической прозы, сопротивлялся навязанной ему установке на массовое чтение, но в послевоенные годы, кажется, смирился с амплуа “отца Арсена Люпена”. В этот период он интенсивно работает и печатается. После публикации журнальной версии научно-фантастического романа с элементами детектива “Три глаза” (июль—сентябрь 1919 года) он выпускает очередной том из цикла похождений Люпена — роман “Остров тридцати гробов”; тогда же с существенным опозданием выходит в свет другой эпизод люпенианы — написанный Лебланом еще в 1914 году роман “Зубы тигра”; кроме того, в соавторстве с Франсуа де Круассе Леблан сочиняет комедию “Возвращение Арсена Люпена” (правда, она так и не была поставлена).

Приступая к чтению романа “Грандиозное событие”, читатель без труда заметит, что он сильно отличается от перечисленных выше произведений. Спору нет, детективное зерно в нем тоже присутствует, но доминируют совсем другие жанровые структуры. Начинается книга в духе морского приключенческого романа: разбушевавшаяся стихия Атлантики, погибшие корабли, чудом уцелевшие во время кораблекрушения главные герои... Но это лишь начало чрезвычайно увлекательного повествования. Леблан непринужденно варьирует жанровую и тематическую палитру, уверенно переходя от салонного любовного нарратива к злободневной социально-политической проблематике: над романом начинает витать “дух единой Европы”, что вполне отражает послевоенные чаяния человечества. Сама природа решает задачу, о которой давно мечтали люди. Соединение — в результате мощного тектонического сдвига — Англии с Францией обширным перешейком (“кусоч суши, равный двум не самым маленьким французским департаментам и двум английским графствам”) — событие действительно грандиозное, одновременно и оптимистическое, и катастрофическое (“страшная разруха”, “общественная и экономическая жизнь замерла”, “полный мрак и хаос”). Думается, здесь перед нами не только ранний эскиз постапокалиптического романа-катастрофы, но и символическое предвосхищение тех острейших проблем, с которыми столкнулась объединенная Европа много позже, в начале XXI века.

Как-то совсем мельком в романе упоминается об “обрушении туннеля под Ла-Маншем”. Эта мимолетная деталь, наряду с собственно геологическим допущением (его в романе обосновывает чудаковатый папаша Мезозой, несомненно, родственник верновских ученых-оригинов), приближает книгу к научной фантастике (известного нам термина в ту пору еще не существовало — говорили о “романе научных чудес”). Проекты строительства туннеля, к реализации которых приступили еще в 1870-е годы (позднее работы оказались свернуты), с новой энергией стали обсуждаться как раз в 1919 году, так что и данная тема выглядела в период публикации “Грандиозного события” весьма злободневной. Но у Леблана туннель уже построен!

И все-таки ни общественно-политическая, ни научная проблематика не становятся структурными доминантами книги. Достаточно неожиданно для всех поклонников таланта Мориса Леблана писатель пускается по стезе жанра, в пристрастии к которому он ранее не был замечен. Хотя его сестра Жоржетта в своих мемуарах упоминает о том, что в детские годы Морис с упоением читал Гюстава Эмара и Фенимора Купера — но кто из французов (да и не только французов!) его поколения не упивался романами об индейцах и бледнолицых? И вот традиции вестерна воскресают в “Грандиозном событии”. Главный герой романа, выносливый и спортивный Симон, осваивает вновь образованную незаселенную территорию на манер куперовских пионеров; противостоит жестоким законам возникших на месте Ла-Манша “прерий”; при поддержке индейцев (среди которых, правда, обнаруживаются и предатели) лихо несется по следу негодяя и убийцы Ролстона (ему уготована жестокая, но справедливая, вполне соответствующая известным индейским традициям смерть!).

Здесь, правда, писатель с вообще присущим ему чувством меры соблюдает ироническую дистанцию по отношению к залихватским коллизиям вестерна. И то сказать, его индейцы — кинематографические, да и влюбленная в Симона прекрасная мексиканка Долорес — в прошлом танцовщица, ставшая киноактрисой. Аллюзий на кинематограф в романе встречается немало, причем имеется в виду в первую очередь зрелищное, постановочное немое кино. Автор “Грандиозного события” был не чужд “десятой музе”; писатель посещал кинозалы в том числе и благодаря Жоржетте Леблан, в прошлом оперной певице, которая со временем ушла со сцены и стала активно сниматься в фильмах. На ее счету, например, главная роль в работе выдающегося режиссера Марселя Л’Эрбье “Бесчеловечная” — фильм, правда, был снят уже после выхода в свет “Грандиозного события”. Следует также иметь в виду, что с 1909 года начинают выходить первые экранизации походов Арсена Люпена, и к некоторым из них писал сценарии сам автор. А в 1916 году Леблан сочинил киноман “Красный круг” на основе одноименного фильма американского режиссера Шервуда Макдональда. Итак, не подлежит сомнению, что Леблан хорошо знал современный ему кинематограф, в разных его проявлениях, и виртуозно отразил это знание в одном из лучших своих сочинений — “Три глаза”. Вполне закономерно поэтому, что, когда 2 августа 1919 года Леблан был удостоен звания офицера ордена Почетного легиона, одна из газет написала: “...он станет представлять в составе Легиона будущность кинематографа и прошлое романа-фельетона”¹.

Внимательный читатель обнаружит в “Грандиозном событии” и другие жанровые структуры. Так, когда заносчивый аристократ лорд Бэйкфилд предписывает незадачливому претенденту на руку его дочери пройти через достойные средневекового рыцаря испытания, он действует вполне в русле сказочного монарха.

1. Le Ruban rouge // “L’Homme libre”, 1919, 04.08. — P. 2.

И наконец, нельзя не упомянуть еще об одном смысловом пласте публикуемого романа. Здесь без труда узнается рука автора “Полой иглы” и “Острова тридцати гробов”. Морис Леблан не раз стремился привнести в остросюжетный авантурный нарратив некоторую трансцендентную составляющую за счет обращения к тайнам национальной истории. В “Полой игле” (1908—1909) Люпен ищет сокровища французских королей и расшифровывает документ эпохи Вильгельма Завоевателя. В “Грандиозном событии” Симон, ранее посрамленный будущим тестем за недостаточно благородное происхождение, благодаря случившемуся катаклизму едва ли не становится вровень с тем же знаменитым нормандским герцогом, ставшим королем Англии: “...он Симон Дюбоск, потомок старинного нормандского рода, ступил на землю Англии в том самом месте, где в XI веке высадился Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии! Гастингс... Король Гарольд и его возлюбленная Эдита Лебединая Шея... Знаменательные события древних времен повторяются! Новые земли опять завоеваны, и завоевал их опять нормандец!”.

Как тут не вспомнить о “джентльмене-взломщике”, смело поставившем свое имя в один ряд с правителями Франции, и не только Франции: “На одной из стен одно под другим были выгравированы имена: ‘Цезарь; Карл Великий; Роллон; Вильгельм Завоеватель; Ричард, король Англии; Людовик Одиннадцатый; Франциск Первый; Генрих Четвертый; Людовик Четырнадцатый; Арсен Люпен”.

“Грандиозное событие” перекликается и с совершенно забытым ранним романом Леблана “Армель и Клод” (1897). Симон, пылко влюбленный в Изабель, успешно противостоит весьма откровенному ухаживанию со стороны Долорес; ему удается сохранить верность невесте, как Клоду — одолеть страстный порыв и поддерживать исключительно целомудренные отношения с Армель, этим “воплощением изящества и чувственности”. Сходство с “Армель и Клод” видится еще и в том, что значимую роль в обоих романах приобретает мотив длительного, многотрудного движения, только Симон совершает свой утомительный марш-бросок по сновидческой ничейной территории, выросшей из вод на месте Ла-Манша, а Армель и Клод отправляются в самое сердце овечьей старинными легендами Бретани (совсем не случайно им приходится двигаться через Броселиандский лес, квинтэссенцию “*matière de Bretagne*”).

Есть в “Грандиозном событии” и полет Симона на аэроплане (параллель к аналогичному эпизоду в романе “Зубы тигра”), и предмет воцелений криминальных персонажей книги — золотой источник (антонимическое предвосхищение Источника молодости в романе “Зеленоглазая девушка”, 1927)...

Стало быть, приходится признать: роман “Грандиозное событие” не столь уж ограничен от других книг писателя, как может показаться на первый взгляд. Хочется надеяться, что читатели журнала “Иностранная литература” по достоинству оценят это пусть и не самое известное, но чрезвычайно оригинальное сочинение Леблана.

Предисловие

Грандиозное событие 4 июня повлияло на отношения двух крупных европейских держав гораздо сильнее, чем Великая война; целых полвека оно служило темой для всевозможных романов, мемуаров, научных трудов, вымышленных историй и документальных рассказов. Свидетели делились впечатлениями. Газеты выпускали статьи. Ученые публиковали результаты своих исследований. Писатели выдумывали небылицы. Поэты слагали стихи. Сегодня известно абсолютно все, что случилось в тот роковой день, что происходило до и после него, известно, как в течение всего XX века сказывались на судьбах мира его последствия — моральные и социальные, экономические и политические.

Не доставало только свидетельства Симона Дюбоска. Не странно ли, что о том, какую роль сыграл во всем этом человек, который благодаря сначала случаю, затем — своей безудержной храбрости и, наконец, прозорливости и энтузиазму оказался в самом центре событий, мы знаем лишь из репортажей, да еще и не самых правдивых?

Не пора ли теперь, когда над местом великой битвы возвышается памятник герою и вокруг него собираются толпы, дополнить легенду подлинными фактами? Это несколько ее не испортит. Кто-то сочтет, что рассказ о реальных событиях слишком затрагивает личную жизнь героя, но что из того?

Симон Дюбоск — человек, впервые воплотивший дух единой Европы, и все, что его касается, — достояние Истории.

Часть первая

Вильгельм Завоеватель

1. Сватовство

— **Н**ЕВЕРОЯТНО! — воскликнул Симон Дюбоск. — Взгляните-ка, Эдвард! Молодой человек увлек друга в укромный угол террасы клуба “Нью-Гольф”, подальше от тесно расставленных столиков, показал ему листок “Экстренных новостей”, который только что доставил курьер на мотоцикле, и прочитал набранную жирным шрифтом телеграмму:

29 мая, Булонь. По сообщению капитана и команды возвратившегося в порт рыбацкого баркаса, сегодня утром они виде-

ли, как посреди пролива, на равном расстоянии от английского и французского берегов, гигантский водяной смерч подхватил большой пароход, который буквально поднялся на дыбы, потом рухнул носом вниз и за несколько секунд исчез в морской пучине. Совершенно спокойное до этого море так разбушевалось, поднялись такие невиданные волны, что рыбакам пришлось поработать веслами, чтобы их не затянуло в водоворот. Из порта на место крушения незамедлительно были направлены два буксира.

— Что вы об этом скажете, Ролстон?

— И вправду невероятно, — проговорил англичанин. — Позавчера “Виль-де-Дюнкерк”, сегодня еще одно судно, опять в тех же водах. И при сходных обстоятельствах...

— Именно об этом говорится во второй телеграмме, — сказал Симон и продолжил читать:

15.00, Лондон. Затонувший между Фолкстоном и Булонью трансатлантический лайнер “Брабант” принадлежал компании “Роттердам-Америка”, на его борту находились тысяча двести пассажиров и восемьсот членов экипажа. Выживших не обнаружено. Тела жертв начали всплывать на поверхность. Вне всякого сомнения, эта страшная катастрофа, как и гибель парохода “Виль-де-Дюнкерк”, случившаяся позавчера, были вызваны загадочными явлениями, которые уже неделю наблюдаются в Па-де-Кале. Ранее их жертвами чуть не стали еще несколько судов.

Друзья какое-то время стояли молча, облокотившись о балюстраду, и вглядывались в безбрежную морскую гладь, растилающуюся за обрывистыми скалами. Море совсем не казалось грозным и таящим опасность, напротив, оно выглядело приветливым и безмятежным. Ближе к берегу переливалось зеленым и желтым, дальше было чисто-голубым, как небо, а совсем у горизонта, под неподвижными облаками — серым, как огромная грифельная доска.

Над Брайтоном вдруг проглянуло солнце и бросило из-за холмов последние лучи на море, которое заискрилось золотыми бликами.

— Коварная, коварная стихия! — прошептал Симон Дюбоск (он отлично понимал английский, но со своим другом всегда говорил по-французски). — Но как же она прекрасна и притягательна! Просто не верится, что она способна, поддавшись злобному капризу, крушить и убивать! Вы все-таки пересекаете пролив сегодня вечером, Эдвард?

— Да, рейсом из Ньюхейвена в Дьепп.

— Все будет хорошо, — сказал Симон. — Море уже насытилось — оно получило две жертвы. Но почему вы так торопитесь с отъездом?

— Завтра утром в Дьеппе у меня встреча с экипажем. Нужно снарядить яхту. Оттуда к вечеру постараюсь добраться до Парижа. И уже через неделю мы уходим в плавание вдоль норвежских берегов. А вы-то сами, Симон?

Симон Дюбоск не ответил. Он повернулся к зданию клуба, окна которого, увитые виноградом и жимолостью, отражали лучи заходящего солнца. Игроки ушли с площадок и устроились кто где под большими разноцветными зонтиками. Все пили чай. Листок “Экстренных новостей” переходил из рук в руки, его оживленно обсуждали. За одними столиками сидели молодые люди, за другими — девушки, за некоторыми расположились супружеские пары или почтенные джентльмены, опустошавшие тарелки с бисквитами и тостами.

Слева, за корзинами с геранью, начинался зеленый бархатный газон игрового поля, вдали маячил силуэт запоздавшего игрока, за ним неотступно следовали два кэдди.

— Дочь лорда Бейкфилда и три ее подруги не сводят с вас глаз, — заметил Эдвард.

Симон улыбнулся.

— Мисс Бейкфилд смотрит на меня, поскольку знает, что я от нее без ума. А ее подружки — потому что знают, что я без ума от мисс Бейкфилд. Влюбленный мужчина всегда представляет собой интересный объект для наблюдения. Той, кого он любит, приятно на него смотреть, другим — досадно.

Ни тени тщеславия не было в его словах. Он вообще отличался редким безыскусным обаянием и природной привлекательностью. Выражение лица, голубые глаза, улыбка, какое-то неотразимое сочетание силы и мягкости, здоровой веселости, уверенности в себе и в жизни — все это придавало ему особое очарование, которому всякий невольно поддавался.

Страстный любитель спорта, он, как и его сверстники, молодые французы послевоенной поры, с юности отдавал дань физической и духовной культуре. Регулярные телесные упражнения вкупе с напряженной работой мозга, изучение искусства и обостренное чувство красоты сделали его движения изящными, а манеры утонченными.

По окончании учебы он, в отличие от многих, не отказался от умственной деятельности. И хотя ввиду избытка сил щедро тратил их на спортивные соревнования, пожиная лавры на стадионах Европы и Америки, никогда не позволял телу взять верх над интеллектом. В любых условиях он ежедневно уединялся на два, а то и три часа — посвящал это время

чению и размышлению, чтобы дать пищу уму. Он продолжал учиться с рвением студента, который не желает расставаться ни с аудиторией, ни со спортивным залом, пока обстоятельства не вынудят его выбрать что-нибудь одно.

Отец, с которым его связывали самые теплые чувства, бывало, спрашивал:

— Скажи Симон, к чему ты стремишься? Чего хочешь достичь?

— Я просто упражняюсь.

— Но для чего?

— Этого я не знаю. В жизни каждого человека однажды наступает решающий момент, и нужно быть к нему готовым, встретить его во всеоружии: с ясной головой и сильными мышцами. Я буду готов.

И вот пошел тридцатый год его жизни. В самом начале этого года, в Ницце, благодаря Эдварду Ролстону, он познакомился с мисс Бейкфилд.

— В Дьеппе я непременно увижусь с вашим отцом, — сказал Эдвард, — он будет сильно удивлен, если вас не будет со мной, ведь мы договаривались приехать вместе. Что прикажете сказать ему?

— Скажите, что я остался здесь еще ненадолго... или нет, лучше не говорите ничего... Я сам ему напишу... может быть, завтра... или послезавтра...

Тут он схватил Эдварда за руку.

— Как ты думаешь (иногда он обращался к приятелю на “ты”), если я попрошу руки мисс Бейкфилд у ее отца, что он на это скажет?

Ролстон не сразу нашел что ответить и, помолчав, проговорил:

— Отец мисс Бейкфилд носит титул лорда, а ее мать, несравненная леди Констанс, покинувшая этот мир шесть лет назад, была — чего вы, возможно, не знаете — правнучкой одного из сыновей Георга III. А это значит, что кровь в ее венах на одну восьмую королевская.

Это было сказано с таким благоговением, что Симон, непочтительный француз, не мог удержаться от смеха:

— На одну восьмую! Неужели? Значит, мисс Бейкфилд может похвастать одной шестнадцатой частью королевской крови, а дети ее станут счастливыми обладателями одной тридцать второй! Мои шансы тают! Что касается королевской крови, то тут я могу похвалиться только прадедушкой-колбасником, который голосовал за казнь Людовика XVI. Но этой крови, сдается мне, будет явно недостаточно.

Он отвел друга в сторону:

— Мисс Бейкфилд сейчас одна. Сделай одолжение, отвлеки ее подруг, чтобы я мог поговорить с ней наедине, несколько минут, не больше...

Эдвард Ролстон, товарищ Симона по спортивным занятиям, был долговязым и бледным молодым человеком. Роста такого высокого, что все время горбился.

Симон хорошо знал все его недостатки: Ролстон любил хлебнуть виски, пробежаться по кабакам и вообще жил не по средствам. Однако он был хорошим другом, и Симон ценил его преданность.

Они направились к девушкам. Эдвард завязал разговор с тремя подругами, а мисс Бейкфилд пошла навстречу Симону. На ней было муслиновое платье простого покроя, без всяких новомодных излишеств. Ее обнаженная шея, руки, которые не скрывала прозрачная ткань, лицо и открытый лоб имели тот теплый оттенок, который порой появляется у блондинок, что проводят много времени на солнце и свежем воздухе.

В черных глазах ее плясали золотые искорки, а волосы, уложенные на затылке плотным жгутом, отливали металлическим блеском.

Но все эти мелкие детали нельзя было заметить сразу, а лишь спустя какое-то время, когда проходило первое, ошеломляющее, впечатление от ее красоты.

Симон Дюбоск пока не мог разглядеть таких мелочей.

Он все еще бледнел и смущался под взглядами мисс Бейкфилд, хотя всякий раз, когда она смотрела на него, ее глаза были полны нежности.

— Вы не раздумали, Изабель? — спросил он.

— По крайней мере, со вчерашнего дня я не изменила своих намерений, — сказала она с улыбкой, — а завтра, когда настанет пора действовать, буду настроена еще более решительно.

— Но все же... мы с вами знакомы не более четырех месяцев.

— И поэтому?..

— Поэтому, прежде чем мы совершим решительный шаг, я взываю к вашему разуму...

— Почему не к чувствам? С тех пор как я полюбила вас, Симон, у меня нет разлада между разумом и чувствами. Так что завтра утром я еду с вами...

— Изабель...

— Вы хотите, чтобы завтра вечером я уехала вместе с отцом? В путешествие, на три или четыре года... вот что он предлагает, вот чего требует. Что ж, выбор за вами!

Это был очень важный разговор, но чувства, бурлившие у обоих внутри, совершенно не отражались на лицах. Создава-

лось впечатление, что стоило молодым людям оказаться рядом, как они обретали умиротворение, дающее одновременно покой и силу. Изабель, как и Симон, отличалась стройностью и высоким ростом. Они идеально подходили друг другу, и обоих не покидало смутное предчувствие, что им предначертана судьбой незаурядная, особенная жизнь, полная страстей и благородных порывов.

— Хорошо, — согласился Симон, — но позвольте мне поговорить сначала с вашим отцом. Ведь он ничего не знает...

— Он все знает, Симон. Но отец против нашей любви, а мачеха — тем более, поэтому он и хочет нас разлучить.

— И все же я настаиваю, Изабель.

— Тогда поговорите с ним, но, если он вам откажет, не ищите со мной встречи сегодня. Завтра ближе к полудню я буду в Ньюхейвене. Ждите меня у трапа парохода.

— А вы читали “Экстренные новости”? — спросил Симон.

— Да.

— И предстоящее путешествие вас не пугает?

Она улыбнулась, и он, не проронив больше ни слова, склонился и поцеловал ее руку.

Лорд Бейкфилд, британский пэр, после смерти первой жены, той самой правнучки Георга III, женился на герцогине Фолконбридж и теперь к собственным замкам, поместьям и целым деревням добавил владения супруги, так что он мог проделать почти весь путь от Брайтона до Фолкстона, не покидая своих угодий. Это и был тот одинокий игрок в гольф, который теперь медленно приближался, фигура его то появлялась, то исчезала в изгибах ландшафта.

Симон решительным шагом направился ему навстречу, не желая упускать случай. Несмотря на предостережение возлюбленной и рассказы друга о нраве и предрассудках лорда Бейкфилда, он помнил, как тепло всегда принимал его отец Изабель.

Вот и на этот раз его ожидало сердечное рукопожатие. Округлое лицо лорда Бейкфилда, слишком полное для такого худого и длинного тела, чересчур румяное и немного даже вульгарное, но которому нельзя было отказать в некой изящности черт, оживилось.

— Что же, молодой человек, вы, должно быть, узнали о нашем отъезде и пришли проститься?

— Верно, лорд Бейкфилд, и в связи с этим я бы хотел сказать вам несколько слов.

— Превосходно! Слушаю вас.

Подойдя к стартовой площадке, он наклонился, насыпал горку из песка, положил сверху мяч, потом выпрямился, взял клюшку, которую ему протянул кэдди, и уверенно встал в

стойку: ноги полусогнуты, левая чуть впереди. Пару раз замахнулся, намечая направление удара, помедлил, прикидывая расстояние, и вот уже клюшка поднялась, опустилась и ударила по мячу.

Мяч взмыл в воздух, по дуге облетел купу деревьев и, миновав это препятствие, упал на газон в нескольких метрах от лунки.

— Браво! — воскликнул Симон. — Отличный удар.

— Недурной, — согласился лорд Бейкфилд и двинулся дальше.

Начало разговора не располагало к серьезным объяснениям, но Симона это не смутило. Он сразу перешел к делу:

— Лорд Бейкфилд, вам известно, что мой отец — судовладелец из Дьеппа, которому принадлежит крупнейшая во Франции торговая флотилия. Впрочем, вы про него и так все знаете.

— Месье Дюбоск — выдающийся человек, — сказал лорд Бейкфилд. — В прошлом месяце я был в Дьеппе и имел честь пожать ему руку. Выдающийся человек.

Симон, воодушевившись, продолжил:

— Теперь обо мне. Я единственный сын своих родителей. Покойная матушка оставила мне в наследство состояние. В двадцать лет я совершил беспосадочный перелет на аэроплане через Сахару. В двадцать один побил рекорд в беге на милю. В двадцать два занял на Олимпиаде первое место по фехтованию и плаванию. В двадцать пять стал чемпионом мира по десятиборью. Кроме того, я участник военной кампании в Марокко, лейтенант запаса, у меня четыре благодарности за службу, Военная медаль и Медаль спасения. Кажется, всё. Ах нет, совсем забыл. Еще я бакалавр искусств и обладатель премии Французской академии за исследование канонов красоты в Древней Греции. Теперь точно всё. И мне двадцать девять лет.

Лорд Бейкфилд покосился на него и пробормотал:

— Неплохо, юноша, неплохо.

— Что касается будущего, — продолжал Симон, — буду краток. Я не люблю строить планы. Мне предлагают выставить свою кандидатуру на выборах в парламент в августе, однако политика меня не слишком привлекает. Впрочем, если в том будет необходимость... Так или иначе, я еще молод и всегда смогу найти себе место под солнцем. Не так ли? Вот только... По крайней мере, для вас, лорд Бейкфилд, это может иметь особое значение. Меня зовут Симон Дюбоск, Дюбоск в одно слово, без всяких частиц, даже без намека на титул. Так уж вышло.

Он говорил без тени смущения, шутливым, беззаботным тоном. Лорд Бейкфилд слушал его невозмутимо, с тем же любезным выражением лица. Симон рассмеялся.

— Я все прекрасно понимаю и рад бы предложить вам более внушительное генеалогическое древо — с гербом, девизом и дворянскими грамотами. Но увы, это невозможно. Хотя при желании историю нашего рода можно проследить до XV века. Да, лорд Бейкфилд, в 1452 году Матье Дюбоск, батрак на ферме в имении Бланмениль, неподалеку от Дьеппа, за кражу был приговорен к пятидесяти ударам палкой. На протяжении последующих веков все мужчины рода Дюбоск возделывали землю. Та ферма, ферма “Дю Боск”, существует и по сей день, название ее происходит от слова “боске” — роща...

— Да-да, я знаю, — перебил его лорд Бейкфилд.

— Знаете? — переспросил юноша чуть растерянно.

По тону пожилого джентльмена Симон понял, что сейчас услышит что-то крайне важное.

— Да, знаю, — кивнул лорд Бейкфилд. — Удивительное совпадение... В прошлом месяце я был проездом в Дьеппе и провел небольшие изыскания о своей семье, которая происходит из Нормандии. Возможно, вы не знаете, что “Бейкфилд” — это искаженное на английский лад имя “Баквиль”. А некий Баквиль значился среди соратников Вильгельма Завоевателя. Знаком ли вам миленький городишко с таким названием в самом сердце Пеи-де-Ко? Так вот, существует указ XV века, составленный в Баквиле и утвержденный в Лондоне, согласно которому граф Баквиль, барон д’Опгар и де Гурель, наделяет своего вассала, владельца Бланмениля, правом вершить суд на ферме “Дю Боск”, той самой, где бедолага Матье был бит палками. Забавное совпадение, не правда ли, молодой человек?

Симона словно подстрелили на взлете. Невозможно было представить себе более высокомерного ответа, данного в столь учливой и обходительной манере. Без лишних слов, под видом коротенькой выдержки из родословной лорд Бейкфилд дал понять, что молодой Дюбоск значил для него едва ли больше, чем батрак пятнадцатого века для могущественного английского сеньора, сюзерена Бланмениля. Все титулы и подвиги Симона, чемпиона мира, победителя Олимпиады, лауреата Французской академии, знаменитого спортсмена, не имели равным счетом никакого значения, когда пэр Англии, с высоты своего положения, судил о претендентах на руку дочери. Все эти достоинства заслуживали самое большее снисходительной вежливости и дружеского рукопожатия.

Это было столь очевидно, и натура старого джентльмена со всеми его предрассудками, гордыней, суровостью и упрямством показала себя так явно, что Симон, не желая терпеть унижительный отказ, заговорил слегка насмешливым и даже дерзким тоном:

— Разумеется, лорд Бейкфилд, я не претендую на то, чтобы стать вашим зятем вот так, в одночасье, ничем не заслужив такой великой чести. Я лишь хотел бы обговорить условия, которые необходимо выполнить Симону Дюбоску, потомку батрака, чтобы получить согласие на брак с представительницей рода Бейкфилдов. Полагаю, что Бейкфилды, среди предков которых значится соратник Вильгельма Завоевателя, повелели бы Симону Дюбоску что-нибудь завоевать... скажем, королевство... или совершить, по примеру Бастарда¹, триумфальный поход на Англию. Это могло бы как-то поднять молодого человека в глазах потомков благородного рода, не так ли?

— Что-то в этом роде, юноша, — произнес в ответ старый лорд, несколько озадаченный таким напором.

— Может быть, — продолжал Симон, — следует также проявить неимоверную доблесть, совершить некое деяние на благо всего человечества? Сперва повторить подвиги Вильгельма Завоевателя, а затем Геракла или Дон Кихота... И после этого, быть может, мы придем наконец к согласию?

— Вполне возможно...

— И это все условия?

— Не совсем.

И лорд Бейкфилд, к которому вернулось его хладнокровие, добродушно пояснил:

— Я не могу связывать мисс Бейкфилд обязательствами слишком надолго. Для ваших триумфальных свершений придется установить срок. Вы не сочтете меня излишне требовательным, месье Дюбоск, если я дам вам на все про все два месяца?

— Это даже слишком щедро с вашей стороны, лорд Бейкфилд, двадцати дней будет достаточно. Двадцать дней — это все, что нужно, чтобы я смог проявить себя равным Вильгельму Завоевателю и посоперничать с Дон Кихотом! От всего сердца благодарю вас, и до скорой встречи, лорд Бейкфилд.

Посчитав, что беседа со старым джентльменом прошла вполне успешно и они обо всем договорились, Симон развернулся и направился к клубному павильону. Имя Изабель так ни разу и не прозвучало за время разговора.

— Ну что, — поинтересовался Эдвард Ролстон, — вы попросили руки Изабель?

1. Бастард — прозвище Вильгельма Завоевателя (ок. 1027–1087), внебрачного и единственного сына герцога Нормандии Роберта II Великолепного и Герлевы, дочери зажиточного горожанина из Фалеза. Титул правителя Нормандии Вильгельм унаследовал в семилетнем возрасте и смог удержать его благодаря поддержке соратников отца. (Здесь и далее — прим. перев.)

— Почти.

— И какой же результат?

— Превосходный, Эдвард, превосходный. Нет ничего невозможного в том, чтобы distinguished лорд, который в данный момент вон там отправляет маленький мячик в маленькую лунку, стал тестем Симона Дюбоска. Для этого всего-то и нужно... ну... какое-то невероятное, грандиозное событие, которое перевернет мир.

— Но, Симон, подобные события крайне редки.

— Тогда, мой добрый Ролстон, пусть оно свершится по нашей с мисс Бейкфилд воле.

— Что вы имеете в виду?

Симон не ответил. Он заметил выходящую из павильона Изабель.

Увидев его, девушка остановилась. Она стояла шагах в двадцати от него и улыбалась. Они смотрели друг на друга, и в их взглядах было все, что два любящих существа на заре совместной жизни могут пообещать друг другу: счастье, нежность, верность и преданность.

2. Рейс через Ла-Манш

На следующий день Симон Дюбоск узнал, что в море близ Сиффорда, пристани в нескольких километрах от Ньюхейвена, накануне около шести часов вечера затонул баркас с восемью рыбаками. С берега видели водяной столб.

Поднявшись перед отплытием на палубу парохода, Симон подошел к капитану, с которым был знаком еще в Дьеппе.

— Что вы об этом думаете, капитан? Еще одно крушение. Вам не кажется, что это уже внушает некоторую тревогу?

— Увы, так и есть! — ответил капитан. — Пятнадцать человек отказываются плыть. Им страшно. Но все-таки это не более чем случайности.

— Случайности повторяются и теперь уже по всему Ла-Маншу.

— Месье Дюбоск, на Ла-Манше одновременно находятся, наверное, несколько тысяч судов. Риск есть всегда, но, согласитесь, он невелик.

— Ночные рейсы прошли благополучно? — спросил Симон, думая о своем друге Эдварде.

— Да, в обе стороны, и наш пройдет спокойно. “Королева Мария” — прекрасное судно, мы одолеем шестьдесят четыре мили за каких-нибудь два часа. Отчалим и причалим, не сомневайтесь, месье Дюбоск.

Уверенность капитана хотя и приободрила молодого человека, но не развеяла опасений, которые при обычных обстоятельствах вряд ли бы у него возникли. Он выбрал две каюты, разделенные салоном, а затем, поскольку предстояло ждать еще двадцать пять минут, отправился на морской вокзал.

Там царил переполох. Возле касс, в баре и в зале, где на черную доску переписывались телеграфные сообщения, снова встревоженные пассажиры. Люди обступали тех, кто лучше осведомлен, гомонили, размахивали руками. Многие пытались сдать билеты и требовали, чтобы им вернули деньги.

— Да это же папаша Мезозой! — пробормотал Симон, узнав среди сидящих в баре своего старого школьного учителя.

Обычно, завидев его где-нибудь на улице в Дьеппе, молодой человек старался незаметно улизнуть, на этот же раз подошел и сел рядом с ним.

— Как поживаете, дорогой учитель?

— А, это ты, Дюбоск?

Напоминавший карикатуру на священника круглолицый учитель с дряблыми щеками, которые свисали на фальшивый воротничок сомнительной чистоты, носил порыжевший от времени цилиндр, вместо галстука на шее у него висел шнурок, жилет и сюртук были в пятнах, а на выцветшем зеленом пальто на вид еще более древнем, чем шляпа, не хватало трех пуговиц из четырех.

Папаша Мезозой — только так его и звали ученики — четверть века преподавал естественные науки в коллеже в Дьеппе. Он был хорошим геологом, а прозвище свое получил благодаря тому, что, несмотря на преклонный возраст (ему было под шестьдесят), много лет упорно изучал осадочные породы побережья Нормандии, проводя исследования даже на морском дне. Еще год назад в сентябре Симон видел, как неукротимый Мезозой, грузный, заплывший жиром и разбитый ревматизмом, надев на себя тяжелый скафандр, совершил свое сорок восьмое погружение близ Сен-Валери-ан-Ко. На всем Ла-Манше, от Гавра до Дюнкерка, от Портсмута до Дувра не осталось места, которое ускользнуло бы от его внимания.

— Вы возвращаетесь в Дьепп, дорогой учитель?

— Напротив, я только что оттуда. Переправился этой ночью, как только узнал о крушении английского баркаса... ну, знаешь... между Сифордом и устьем Кукмера. Я уже начал исследование этим утром и поговорил с туристами, которые осматривали там остатки римского лагеря и были свидетелями произошедшего.

— И что же? — живо спросил Симон.

— В миле от берега они видели бурлящие пенные волны, которые очень быстро образовали колоссальную воронку. Из ее жерла взметнулся столб воды, смешанной с песком и камнями, и фейерверком обрушился вниз. Это было великолепное зрелище.

— А баркас?

— Баркас? — недоуменно переспросил Мезозой. Казалось, эта деталь не имела для него значения. — Ах, баркас! Ну, он исчез.

Симон, помолчав, спросил:

— Дорогой учитель, скажите откровенно, как по-вашему, насколько опасно сейчас переправляться через пролив?

— Ты спятил? Это все равно что спрашивать, не нужно ли запереться в комнате на время грозы. Черт возьми, молния может ударить куда угодно, но вокруг много места. К тому же ты отличный пловец! Случись что, прыгай за борт, да и все... Бояться нечего!

— А как вы, дорогой учитель, объясняете все эти несчастные случаи?

— Очень просто. Для начала напомним тебе, что в 1912 году на Сомме были толчки, настоящие землетрясения. Это во-первых. Во-вторых, эти толчки совпали с подземными колебаниями в районе Ла-Манша, которые прошли почти незамеченными, но привлекли мое внимание и стали отправной точкой всех моих последних исследований. Одно из таких колебаний, в котором я усматриваю предвестника нынешних смерчей, произошло напротив Сен-Валери. И именно поэтому, помнится, однажды ты застал меня ныряющим в том самом месте. Из этого всего следует...

— Что же?

Мезозой внезапно замолчал, а затем схватил молодого человека за руку и пылко продолжил:

— Скажи-ка, Дюбоск, ты читал мою брошюру о прибрежных скалах Ла-Манша? Наверняка нет. А если бы читал, то знал бы, что сейчас сбывается то, что я описал в главе под названием: “Что случится в Ла-Манше в 2000 году”. Я все предсказал, слышишь! Не эту мелочь с крушениями и водяными смерчами, а то, что они предвещают. Да, Дюбоск, произойдет нечто неслыханное, ошеломляющее и в то же время совершенно закономерное, а уж когда это случится... может, в 2000 году, может, в 3000-м, а может, через неделю.

Учитель воодушевился. Капли пота блестели у него на лбу и щеках, он вытащил из внутреннего кармана сюртука длинную узкую сафьяновую папку с замочком, всю потертую и залатанную, так что ее вид удивительно гармонировал с зеленоватым пальто и порыжевшей шляпой, и воскликнул:

— Хочешь знать правду? Она здесь. Все мои наблюдения и гипотезы в этой папке.

Пока он вставлял ключ в замочек, со стороны вокзала слышались крики. Столы буфета тут же опустели. Симон, забыв о Мезозое, помчался вместе с толпой в зал с доской для телеграфных сообщений.

Пришли две телеграммы из Франции. В одной из них сообщалось о крушении каботажного судна “Пресвятая Дева”, которое еженедельно курсировало между Кале, Гавром и Шербуром, а также о том, что обрушился туннель под Ла-Маншем и, к счастью, обошлось без жертв. В другой, которую переписывали на доску и тут же зачитывали вслух, говорилось: “Смотритель маяка Айли, расположенного недалеко от Дьеппа, рано утром видел пять выбросов воды и песка, которые почти одновременно произошли в двух милях от берега и взволновали море между Вёлем и Пурвилем”.

Послышались полные ужаса возгласы. Разрушен подводный туннель, пропали десять лет трудов и вложенные миллиарды... несомненно, это катастрофа. Но насколько страшнее зловещие слова второй телеграммы! Вэль! Пурвиль! Дьепп! Именно там пролегал путь судна, через два часа оно должно было очутиться в тех местах, где наблюдались смерчи! В начале рейса Гастингс и Сифорд, в конце — Вэль, Пурвиль и Дьепп!

Толпа ринулась к билетным кассам, пассажиры высаживали кабинеты начальника станции и его заместителей. Двести человек бросились к пароходу за своими тюками и чемоданами, а затем в панике, сгибаясь под тяжестью багажа, штурмовали отходящие поезда, будто дамбы, набережные и скалы не могли защитить их от ужасной катастрофы.

Симон вздрогнул. Ему тоже стало страшно. Что значит эта загадочная цепь явлений, для которых, кажется, нет естественного объяснения? Что за невидимая сила вздымает волны из неподвижных глубин моря? Почему все эти смерчи и водовороты возникают только на этой узкой полосе?

Суматоха нарастала. Симону особенно тяжело было видеть сцену, происходившую у него на глазах, поскольку участники ее говорили по-французски и он понимал каждое слово. Это была семья: еще молодые родители и шестеро детей, самому младшему, спящему на руках у матери, было всего несколько месяцев. Жена в отчаянии умоляла мужа:

— Останемся, прошу тебя. Нас ничто не вынуждает...

— Нет, дорогая, ты же читала письмо моего компаньона. Пойми, нет поводов для беспокойства.

— Умоляю! У меня предчувствие. Ты знаешь, оно меня никогда не обманывает.

— Ты хочешь, чтобы я ехал один?

— Ох, конечно, нет!

Дальше Симон слушать не стал. Но он навсегда запомнил и этот возглас любящей супруги, и горестный взгляд матери на шестерых детей.

Симон ушел. Часы показывали половину двенадцатого, и мисс Бейкфилд, вероятно, была уже в пути. Выйдя на набережную, он увидел выехавший из-за поворота автомобиль, а внутри белокурую головку Изабель. Тут же все черные мысли рассеялись. Симон ждал возлюбленную только через двадцать минут, и хотя он не думал, что будет сильно страдать, но предполагал, что эти последние минуты будут довольно мучительными. Вдруг Изабель не сдержит обещание? Или возникнут непредвиденные препятствия? Но вот она уже здесь.

Накануне влюбленные решили из осторожности не подходить друг к другу, пока не поднимутся на борт, но стоило Симону увидеть Изабель, как он поспешил ей навстречу. Она была закутана в серое пальто и держала в руках перетянутый ремнем плед, а саквояж передала подошедшему помочь ей матросу.

— Простите меня, Изабель, — сказал Симон, — но дело настолько серьезно, что я должен спросить ваше мнение. Поступают сообщения о череде катастроф как раз там, где проходит наш путь.

Изабель ничуть не встревожилась.

— Ваш спокойный тон, Симон, не вяжется с вашими словами.

— Я так счастлив! — прошептал он.

Они стояли, не в силах оторвать друг от друга глаз.

— Что бы вы сделали, если были бы один? — спросила девушка.

Симон замешкался, и тогда она ответила сама:

— Вы бы поехали. И я тоже.

Изабель ступила на трап.

Полчаса спустя “Королева Мария” уже покидала порт Ньюхейвена. И тут Симон, которому никогда, даже в самые критические минуты, не изменяло самообладание, почувствовал, что у него задрожали колени, а на глаза навернулись слезы. Испытание счастьем оказалось слишком сильным.

Симон никогда раньше не любил. Он терпеливо, не торопя события, дожидался любви и не считал нужным готовиться к ней, умножая интрижки, которые способны лишь притупить остроту чувств.

Любовь, говорил он, должна быть частью жизни, а не ее придатком. Это не цель, а главная пружина всего, что мы делаем, лучший из всех жизненных принципов.

С первой встречи он был ослеплен красотой мисс Бейкфилд и вскоре понял, что отныне все другие женщины перестали для него существовать. Девушку влекло к Симону то же непреодолимое глубокое чувство. Изабель выросла на юге Франции и говорила на французском языке, как на родном, поэтому между ними не возникало чувство неловкости, неизбежное между людьми разных культур. Общего у них было намного больше, чем различий.

Удивительно, но за четыре месяца, пока их любовь крепла, словно молодое деревце, на котором распускаются все новые прекрасные цветы, они не вели долгих любовных бесед, не расспрашивали друг друга, не пытались заглянуть друг другу в душу. О себе каждый говорил мало и редко, оба предпочитали, чтобы все неизвестное постепенно открылось само собой.

Симон знал только, что Изабель не была счастлива. В пятнадцать лет она потеряла любимую мать, а отец, скупой на ласку и заботы, утешить ее не смог. Кроме того, лорд Бейкфилд очень скоро снова женился — на герцогине Фолконбридж, надменной, тщеславной и деспотичной. Почти все время она проводила на своей вилле в Каннах или в замке Баттл близ Гастингса, но находила возможность всячески, в разговорах или письмах, находясь рядом или вдали, докучать мужу и падчерице, которую изводила болезненной ревностью.

Вполне естественно, что Изабель и Симон полюбили друг друга, а, столкнувшись с непреклонной волей лорда Бейкфилда и ненавистью его жены, пришли к единственно возможному решению — уехать. Это было предложено без громких фраз и принято без терзаний и сомнений. Молодые люди сами сделали выбор. Им казалось, что все очень просто. Честно решив продлить помолвку до того времени, когда все препятствия будут устранены, они шли навстречу будущему, словно в приветливый светлый край.

Когда пароход вышел в открытое море, подул ветер, поднялось легкое волнение. На западе собирались облака, но они были далеко, это внушало уверенность, что плавание будет спокойным, а погода солнечной. Волны разбивались о борт, и, казалось, никакая сила не могла сбить судно с заданного курса.

Изабель и Симон сидели на кормовой палубе.

Изабель сняла пальто и осталась в легкой батистовой блузке. Она сидела с непокрытой головой, подставляя ветру руки и плечи. В лучах солнца волосы ее отливали чистым золотом. Серьезная и задумчивая, она была воплощением молодости и счастья. Симон не мог налюбоваться ею.

— Вы ни о чем не жалеете, Изабель? — тихо спросил он.

— Ни о чем.

— И вам не страшно?

— Как мне может быть страшно рядом с вами? Нам ничто не угрожает.

Симон указал рукой на море.

— Возможно, опасность там.

— О нет.

Симон рассказал Изабель о своем разговоре с лордом Бейкфилдом и трех условиях, на которых они сошлись. Это позабавило ее, и она спросила:

— Могу я также поставить вам условие?

— Какое же, Изабель?

— Верность, — ответила она серьезно. — Абсолютная верность. Никаких послаблений. Я ничего не прощу.

Симон поцеловал ее руку.

— Не бывает любви без верности. А я люблю вас.

Вокруг них было мало людей — панике поддались в основном пассажиры первого класса. Но и оставшиеся, все, кроме влюбленных, так или иначе выдавали свою тревогу. Справа стояли трое пасторов, два пожилых и один помоложе. Они держались безмятежно, словно герои, певшие псалмы, пока тонул “Титаник”. Однако их руки были молитвенно сложены. Рядом с ними была та французская пара, чей горестный разговор подслушал Симон Дюбоск. Отец и мать, прижавшись друг к другу, лихорадочно всматривались в горизонт. Четыре старших мальчика, краснощекие, пышущие здоровьем, постоянно отлучались и приносили какие-нибудь новости. Маленькая девочка сидела у ног родителей и молча плакала. Мать кормила шестого ребенка, который время от времени поглядывал на Изабель и улыбался.

Ветер свежел. Симон наклонился и спросил свою спутницу:

— Вам не холодно, Изабель?

— Нет... я привыкла.

— Вы оставили багаж внизу, но взяли с собой плед. Почему вы его не развернете?

Действительно, плед лежал, перехваченный ремнем, и девушка даже пристегнула его кожаным шнуром к железной ножке палубной скамейки.

— В моем саквояже нет ничего ценного, — сказала она.

— Полагаю, что и в пледе тоже?

— Напротив.

— Неужели! Что же там?

— Миниатюра, которой очень дорожила моя покойная матушка. Это портрет ее бабушки, казненной при короле Георге.

— Эта миниатюра дорога вам лишь как память?

— Не только, она окаймлена лучшими мамиными жемчужинами, и поэтому сегодня бесценна. Мама предвидела, что дела могут обернуться по-разному, и подарила мне целое личное состояние.

Симон рассмеялся:

— Хороший же у вас сейф...

— Да, пожалуй! — Изабель тоже засмеялась. — Миниатюра спрятана в середине этого пледа, между ремнями, где никто не додумается ее искать. Что поделаешь? Я становлюсь суеверной, когда речь заходит об этом украшении. Оно для меня как талисман.

Молодые люди надолго замолчали. Береговая линия исчезла. Волны становились сильнее, и “Королеву Марию” немного качало. Они обогнали белоснежную прогулочную яхту.

— Это “Кастор” графа Боже, — крикнул один из мальчиков. — Он направляется в Дьепп.

Два господина со своими дамами обедали под тентом. Изабель опустила голову, чтобы ее не заметили.

Этот невольный жест был ей неприятен, и через мгновение она сказала (все слова, которыми влюбленные обменялись в те минуты, навсегда остались в их памяти):

— Симон, вы уверены, что я имела право уехать?

Он удивился:

— Разве мы не любим друг друга?

— Конечно, любим, — прошептала девушка. — К тому же я жила с женщиной, которой доставляло особую радость оскорблять память моей матери...

Изабель замолчала. Симон накрыл ее руку своей, и это нежное прикосновение приободрило девушку.

Четверо мальчиков прибежали с известием:

— Вдали появилось судно той же компании, которое отплыло из Дьеппа в то же время, что и мы из Ньюхейвена. Оно называется “Пеи-де-Ко”. Мы встретимся через четверть часа. Видишь, мама, опасности нет.

— Да, но что будет дальше, когда мы подойдем к Дьеппу...

— С чего ты взяла? — возразил муж. — Встречное судно ни о чем особенном не сообщило. Эти необъяснимые явления могут переместиться, отступить...

Женщина ничего не ответила. На ее лице застыло отчаяние. Девочка у ее ног все так же молча плакала.

Мимо прошел капитан и поздоровался с Симоном.

Прошло еще несколько минут.

Симон нашептывал Изабель нежные слова, которые она не очень отчетливо слышала. Непрекращающийся плач девочки тревожил ее.

Но вскоре налетел ветер и море забурлило. В этом не было ничего удивительного — чем сильнее ветер, тем выше волны. Но почему море волновалось только в определенном месте, именно там, где им предстояло плыть?

Супруги-французы вскочили, остальные пассажиры подбежали к бортам. Капитан поднялся на ют.

Все произошло стремительно и неожиданно.

Не успели Изабель и Симон, увлеченные друг другом, понять, что случилось, как судно потряс многоголосый вопль, душераздирающие крики раздавались отовсюду: справа и слева, с носа, с кормы и даже изнутри, из кают, как будто все только и ждало чего-то ужасного и с самого отплытия высматривали зловещие признаки.

Жуткое зрелище! В трехстах метрах впереди, прямо по курсу судна, взметнулся чудовищный смерч и выбросил в небо куски породы, потоки лавы и струи воды, которые обрушились вниз в грохочущие волны и открывшуюся бездну. Штормовой ветер, словно раненый зверь, ревел над разворачивающимся хаосом.

Над застывшей толпой воцарилась тишина, та мертвая тишина, которая предвещает катастрофы. А потом громовой треск разорвал пространство. Стоя на посту и стараясь перекрыть грохот, капитан отдавал приказы.

На мгновение мелькнула надежда на спасение. Казалось, судно прилагает такие усилия, что сможет по касательной выскользнуть из адского круговорота, в который его затягивало. Но нет! Воронка становилась все шире. Одну из труб разбила каменная глыба.

И снова безумные крики, бестолковая беготня и драки за спасательные шлюпки...

Симон не колебался ни секунды. Изабель хорошо умела плавать. Пришло время испытать судьбу.

— Идемте, — сказал он и приобнял стоящую перед ним девушку, — ну же, пойдем.

Она инстинктивно воспротивилась, и Симон настойчивее повлек ее за собой.

Девушка умоляюще посмотрела на него:

— Это ужасно... эти дети... девочка плачет... Мы не можем им помочь?

— Идем, — твердо сказал молодой человек.

Изабель все еще не решалась. Тогда Симон обхватил ее лицо и поцеловал в губы.

— Пойдем, любимая, пойдем.

Девушка уступила. Симон взял ее на руки и шагнул через борт.

— Ничего не бойся. Положись на меня.

— Я не боюсь, — ответила Изабель. — С тобой мне ничего не страшно.

И они бросились в воду.

3. Прощайте, Симон!

Через двадцать минут их подобрала прогулочная яхта “Кастор”. Что же до шедшего из Дьеппа “Пеи-де-Ко”, его экипаж и пассажиры, как позже установило следствие, под дулом револьвера вынудили капитана изменить курс. Зрелище гигантского смерча, судна, взмывшего над волнами, поднявшегося на дыбы, а затем рухнувшего в разверстую, словно пасть, воронку, и бушующего моря, которое, казалось, сначала расступилось под напором какой-то неистовой силы, а потом закрутилось в безумный вихрь, всех так перепугало, что некоторые женщины лишились чувств, а мужчины наставили на капитана револьверы.

“Кастор” тоже собирался было уплыть, но граф Боже разглядел в бинокль Симона, размахивающего белым платком, и, несмотря на отчаянные протесты друзей, приказал матросам направить яхту к нему, по возможности держась подальше от опасного места.

Море между тем успокаивалось. Извержение длилось не больше минуты, и казалось, что чудовище мирно отдыхает, насытившись наконец своей добычей, словно дикий зверь после охоты. Ветер прекратился. От огромной воронки остались лишь мелкие водовороты, которые сталкивались друг с другом, пока не исчезли окончательно. Море больше не волновалось и не пенилось. Водяная гладь казалась безобидной и лишь слегка подернулась рябью, укрывая собой, словно саваном, затонувшее судно и пятьсот загубленных жизней.

Стихия утихомирилась, и спасти Изабель и Симона не составило большого труда. Они могли бы продержаться в воде еще несколько часов, когда их подобрали. На яхте их проводили в каюты и дали сухую одежду. Изабель сохраняла присутствие духа. Яхта легла на свой курс. Всем не терпелось скорее покинуть проклятое место, ведь внезапный штиль пугал не меньше, чем буря.

До французского берега доплыли без происшествий. Угрожающее затишье всех тяготило. Переодевшись, Симон Дюбоск присоединился к графу и его друзьям. Не зная, как объяснить присутствие мисс Бейкфилд, он сказал, что они были знакомы и случайно встретились на судне, а в момент катастрофы находились вместе.

Впрочем, никто его и не расспрашивал. Все с тревогой думали лишь о случившемся и боялись того, что еще произойдет. Что-то явно назревало. Казалось, рядом блуждает невидимый, коварный, замышляющий новые злодеяния враг.

К каюте Изабель Симон подходил дважды. Дверь была заперта, и оттуда не доносилось ни звука. Симон понимал, что Изабель, хоть и успела отдохнуть и отвлечься, должно быть, до сих пор не оправилась от ужаса. Его и самого неотступно преследовали чудовищные видения, казавшиеся скорее ночным кошмаром, чем явью. Неужели нет больше в живых ни пасторов с суровыми лицами, ни четырех мальчишек, таких счастливых и веселых, ни их родителей, ни плачущей девчушки, ни младенца, который улыбался Изабель, ни капитана и вообще никого?

К четырем часам небо затянулось тяжелыми черными тучами. Со стороны Атлантики дул яростный ветер, а в узком Ла-Манше его разрушительная мощь смешивалась с силами загадочными, восходящими из глубины моря. Горизонт заволкло черной мглой.

Приближались к Дьеппу. Граф и Симон Дюбоск смотрели в подозрительные трубы и вдруг вскрикнули, пораженные увиденным. Вдоль широкого берега, похожие на высокую крепостную стену, тянулись кирпичные и каменные постройки. Крыша и верхний этаж двух самых высоких — отелей “Империял” и “Астория” — были разрушены. Приглядевшись, они увидели, что и другие дома покосились, накренились, потрескались и наполовину обрушились.

Вдруг одно из них полыхнуло огнем. Вмиг начался пожар.

На берег с разных сторон высыпали люди. Они стекались со всех улиц и с безумными воплями бежали к морю.

— Видимо, произошло землетрясение, — пробормотал граф, — толчок мощной силы, который и вызвал смерч, потопивший “Королеву Марию”.

Приблизившись, они увидели, что от береговых построек и причалов почти ничего не осталось, — вероятно, их смыло волной. Все было покрыто илом, повсюду валялись обломки.

Не было больше ни причала, ни маяка, волнорез разрушен, а лодки унесло в открытое море.

По радио передали о крушении “Королевы Марии”, и это только усилило панику.

Люди предпочитали оставаться на берегу — никто не решался искать спасения в море. Семьи пассажиров в бессмысленном и безнадежном ожидании сгрудились на набережной и обломках причала.

В этой суматохе никто не заметил прибытия яхты. Люди были поглощены своим горем. В толпе лихорадочно шныря-

ли несколько журналистов, а портовое начальство ограничилось беглым опросом Симона и графа. Симон всячески старался уклониться от ответов. Освободившись, он проводил мисс Бейкфилд в отель неподалеку и, как только она устроилась, попросил у нее разрешения отлучиться ненадолго, чтобы навести кое-какие справки. Он думал, что отец его в Дьеппе, и тревожился за него.

Дом Дюбосков находился за первым поворотом налево, там, где дорога поднималась вверх по склону. Скрытый в гуще деревьев, увитый растениями, с террасами в итальянском стиле, он стоял высоко над городом и морем. Симон с облегчением вздохнул, узнав, что отец задержался в Париже и в Дьепп придет только завтра. Впрочем, в этой части города люди ощутили лишь слабое колебание почвы.

Симон вернулся в отель к мисс Бейкфилд. Но Изабель, желая отдохнуть, заперлась в своей комнате и попросила передать, что до вечера хотела бы побыть одна. Это удивило Симона, но истинный смысл ее слов тогда ускользнул от него. Он зашел к своему другу Эдварду, но, не застав того дома, пошел к себе, поужинал и решил пройтись по городу.

Разрушения были не такими серьезными, как показалось вначале. Первое дьеппское землетрясение свелось к двум слабым толчкам, за которым сорок секунд спустя последовал еще один более сильный, сопровождавшийся чудовищным грохотом и взрывами. Вот, собственно, и все. Обошлось даже без жертв. А обрушившаяся на берег волна, хоть о ней и говорили как о цунами, на самом деле оказалась не такой большой и не такой мощной. Однако очевидцы, с которыми удалось поговорить Симону, за эти короткие секунды испытали такой ужас, что и через несколько часов не могли прийти в себя. Одни бежали куда глаза глядят, другие — и таких было большинство — пребывали в состоянии полного оцепенения, не отвечали на вопросы или отвечали совсем бессвязно.

И правда, в этих спокойных краях, где рельеф многие века оставался неизменным и всякая мысль о вулканической активности представлялась невероятной, подобное происшествие казалось ошеломительным, нелогичным, ненормальным, оно противоречило законам природы и нарушало право на безопасность, которая дана нам свыше.

Симон уже сутки наблюдал всеобщее смятение. Он помнил недосказанные пророчества Мезозоя, собственными глазами видел, как “Королеву Марию” засосало в гигантскую воронку, и теперь думал об одном.

Что происходит? Что еще произойдет? Откуда и от кого ждать нападения в следующий раз?

Он бы уехал из Дьеппа нынче же ночью или на другое утро, но такой поспешный отъезд напоминал дезертирство, особенно сейчас, когда должен был вернуться отец и когда все говорило о неизбежности последней битвы.

“Изабель даст мне совет, — говорил он себе. — Мы вместе решим, что делать”.

Между тем стемнело. В девять часов Симон вернулся в отель и попросил предупредить мисс Бейкфилд о своем визите. Однако ему сообщили, что час назад Изабель покинула отель, а ему оставила письмо на стойке у портье. Новость эта ошарашила его. Растерянный, он пытался выяснить какие-то подробности. Но никто ничего не знал. Только один посыльный сказал, что она ушла в сопровождении матроса, который ждал ее на улице.

Взяв письмо, Симон вышел из отеля, хотел зайти в кафе и прочесть его там, но не утерпел, вскрыл его прямо на улице и под фонарем прочел следующее:

Симон, пишу Вам в полной уверенности, что Вы поймете меня, и даже если сначала слова мои причинят Вам боль, не затаите обиду и не станете отчаиваться.

Мы заблуждались, Симон. Да, мы искренне и крепко любим друг друга. Да, любовь эта заполняет все наши мысли и составляет смысл нашей жизни, но она не должна стать единственным законом и руководством к действию. Вот так взять и уехать, как это сделали мы, дозволительно только тем, кому судьба отказывает в малейших радостях, разрушает все мечты; тем, для кого неповиновение и побег — единственный выход, а иначе смерть. Разве мы можем сказать это про себя, Симон? Что мы сделали, чтобы заслужить счастье? Через какие испытания мы прошли? Какие усилия приложили? Сколько слез мы пролили?

Я много думала, Симон. Думала о тех несчастных, кого уже нет в живых — от одной мысли о них я вся дрожу; о нас с Вами, о маме, которая умерла на моих глазах. Помните, я рассказывала Вам о ней и о том, что перед смертью она подарила мне свои украшения. Они пропали, и это так удручает меня!

Симон, я не хочу считать эту потерю и тем более все печальные события этого ужасного дня неким знаком свыше. Но хочу, чтобы отныне мы иначе смотрели на жизнь и все выпавшие на нашу долю препятствия преодолевали мужественно и с достоинством. То, что мы — Вы и я — спаслись, а все остальные погибли, запрещает нам любую слабость, ложь, малодушие — словом, наши помыслы должны быть кристально чистыми.

Вы должны завоевать меня, Симон. Я же своим упорством и верой постараюсь заслужить право на Вашу любовь. А если мы

будем достойны друг друга, значит, добьемся своего. И нам не придется стыдиться заслуженного счастья.

Не ищите встречи со мной, прошу Вас!

Ваша невеста

Изабель.

[29]

ил 4/2024

Несколько секунд Симон пребывал в полной растерянности. Как и предположила мисс Бейкфилд, слова ее больно его ранили. Мысли разбегались, и ему никак не удавалось их собрать. Понял ли он побуждения Изабель, согласился ли с ними? — этих вопросов он себе не задавал. Но страдал, как никогда прежде.

Вдруг в голове его вспыхнула догадка. Ну конечно же! Изабель решила подчиниться отцу и вернуться к нему, пока о ее побеге не узнали. Но как ей это удастся сделать? И тут Симон вспомнил, что отель она покинула самым необычным образом, неожиданно, пешком в сопровождении матроса, который нес ее чемодан. Причал, от которого отходили пассажирские суда по маршруту Дьепп — Ньюхейвен, был неподалеку от отеля. Ближайший ночной рейс — через час или два.

— Неужели... — пробормотал он, с ужасом вспоминая о беснующемся море и крушении “Королевы Марии”.

Симон бросился к причалу. Несмотря на запрет Изабель, ему хотелось ее увидеть и, даже если она и противилась его любви, отговорить ее от опасной поездки.

Он вышел на набережную и тут же увидел за морским вокзалом трубы парохода. Изабель, конечно же, была там, в одной из кают. Вокруг толпились люди, громоздились чемоданы. Симон направился к трапу, но его остановил служащий пароходства:

— Билета у меня нет, — сказал Симон. — Я ищу одну даму, она уже на борту, отправляется ночным рейсом.

— Пассажиров на борту нет, — ответил контролер.

— Нет? Почему?

— Рейс отменяется. Из Парижа распорядились приостановить всю навигацию.

— Ах вот как! — обрадовался Симон. — Приостановить!

— Да, по крайней мере, все рейсы нашей компании отменены.

— А есть другие?

— Позвольте, наша компания отвечает только за свои суда. Если другие решаются выйти в море, это их дело. Помешать мы им не можем.

— Полагаю, — проговорил Симон с нарастающим волнением в голосе, — что после случившегося желающих нет?

— Отчего же? Одно судно нашлось — отплыло час назад.

— Час назад? Вы его видели?

— Да, один англичанин на прогулочной яхте.

И тут Симона осенило.

— Не Эдвард ли Ролстон, случайно? — прокричал Симон.

— Как вы сказали? Ролстон? Да, точно! Он только что снарядил свое судно и отплыл.

Симону вдруг открылась вся правда. Задержавшийся в Дьеппе Эдвард случайно узнал о приезде мисс Бейкфилд, зашел к ней и по ее просьбе устроил отъезд. Да и кто, кроме него, мог подрядить матросов пойти за хорошую плату на столь опасное предприятие?

Поступок Эдварда доказывал его преданность и смелость, поэтому Симон тотчас же обуздал страх. Он перестал тревожиться и решил, без всякой обиды, довериться другу.

На город напоздали тучи. Они плыли совсем низко и были, что называется, чернее самой ночи.

Симон вернулся на набережную и оперся о балюстраду. Вдалеке пенились и накатывали на песок тяжелые волны, со страшным грохотом разбиваясь о скалы. Обещанная буря все не начиналась. Казалось, она собиралась с силами, чтобы грянуть во всю мощь.

“Изабель успеет доплыть прежде, чем разразится буря”, — подумал Симон.

Теперь он был спокоен и верил, что ничего дурного не случится. Симон согласился с решением Изабель и больше не терзался из-за разлуки.

Итак, пришло время действовать.

Теперь он наконец осознал единственную цель, к которой стремился всю жизнь: завоевать любимую женщину и ради нее добиться достойного положения. Достаточно накопил он сил и знаний. Теперь пора расходовать эти запасы, щедро тратить, как обладатель несметных сокровищ раздает их, зная, что они неисчерпаемы.

— Да, пришло время действовать, — повторил Симон. — Если я чего-то стою, если я не зря готовился и копил силы, пора это доказать.

Симон высоко поднял голову, расправил плечи и уверенно зашагал, каблуки его гулко стучали по мостовой. Свирепствовал ветер. Яростно хлестал дождь. Но для такого, как Симон Дюбоск, то были мелкие помехи. Привыкший всегда, в любое время года, одеваться легко, он не боялся непогоды. Не чувствовал он и усталости, даже на исходе тяжелого дня.

Симон знал, что неуязвим для обычных немощей. Бесконечно выносливые, натренированные мускулы способны были выдержать самый мощный натиск. Острое зрение, тонкое обоня-

ние и слух чутко воспринимали все импульсы внешнего мира. Ни малейшего изъяна в организме. Стальные нервы. Несгибаемая воля. Готовность ринуться в бой при первой же тревоге. Обостренная, но контролируемая разумом чувствительность. Живой ум. Ясная логика. Симон Дюбоск был во всеоружии. И как атлет в наилучшей форме, жаждал выйти на арену и совершить нечто невероятное. Что ж, события складывались так, что он мог проявить свою доблесть. Каким образом? Он пока не знал. Когда? И этого не мог сказать. Но предчувствовал, что перед ним вот-вот откроются все пути.

Полный надежд, он весь последующий час пребывал в приподнятом настроении. Вдруг огромная волна захлестнула берег и хлынул дождь. Началась буря, а Изабель была еще в море.

Симон передернул плечами, стараясь отогнать беспокойные мысли. Не за тем они спаслись после крушения “Королевы Марии”, чтобы потом один из них поплатился за эту неслыханную милость. Что бы ни случилось, Изабель доберется до берега. Судьба защитит влюбленных.

Под потоками дождя Симон добрался до виллы Дюбосков. Какая-то невероятная сила поддерживала его. Он с гордостью думал о своей бесстрашной невесте, которая не побоялась ринуться в пугающую ночь.

4. Катаклизм

Страшные бедствия последующих пяти дней навсегда останутся в памяти потомков. Шквальные ветры, грозы, наводнения, разливы рек, штормы на море — стихия обрушилась на все побережье Ла-Манша с невообразимой, ужасающей силой. Самый мощный удар пришелся на Фекан, Дьепп и Ле-Трепор.

С точки зрения ученых, никакой связи между чередой бурь и грандиозным событием 4 июня, которым завершились те пять дней, не существовало. Просто удивительное совпадение. Однако вряд ли кто-нибудь поверил, что эти эпизоды не были частью одного явления.

В Дьеппе и его окрестностях, то есть в эпицентре первых сейсмических толчков, творился настоящий ад. Эта точка на карте стала местом, где сошлись смертоносные силы, которые громят, взрывают, опустошают все вокруг и лишают жизни. Смерчи, водовороты, вышедшие из берегов реки, вырванные с корнем деревья, обрушающиеся скалы и стены домов, сорвавшиеся церковные колокола, падающие фабричные трубы, всевозможные обломки, поднятые в воздух шквальным ветром — все это множило число жертв.

В первый день страшная утрата постигла двадцать семей, во второй — уже сорок. Узнаем ли мы когда-нибудь точное число жертв того сильнейшего землетрясения — предвестника грандиозного события 4 июня?

Как это бывает во времена тяжелых испытаний, когда каждый беспокоится только за себя и своих близких, Симон представлял масштаб катастрофы лишь по происходящему вокруг него и вряд ли мог осознать полную картину бедствий. Телеграмма, полученная от Изабель, успокоила его, и он просматривал газеты, только чтобы убедиться: никто не догадался, что они с мисс Бейкфилд бежали вместе.

Статьи, в которых журналисты в подробностях описывали крушение “Королевы Марии”, восхищались храбростью и мужеством Симона и Изабель и приводили научные объяснения землетрясениям на Ла-Манше, ему совершенно некогда было читать.

Он неотлучно находился рядом со своим отцом, к которому был глубоко привязан. Симон поведал ему о своей тайной любви, рассказал обо всем, что произошло с ним накануне, и о своих дальнейших планах. Вдвоем они предпринимали вылазки в город и окрестности — промокшие до нитки, почти ничего не видя перед собой, бродили под проливным дождем, то и дело уворачиваясь от летящих на них обломков черепицы или шифера. Порывы ветра едва не сбивали с ног. На дорогах, словно скошенные колосья пшеницы, валялись поверженные деревья и телеграфные столбы. В ураганном вихре с легкостью опавших листьев кружились клочья соломы, поленья, обломки изгородей. Казалось, что природа, охваченная страстью к разрушению и истреблению, ведет беспощадную войну сама с собой.

Гигантские волны с оглушительным грохотом одна за другой накатывали на берег. Сообщение между Францией и Англией было полностью разорвано. Экипажи больших пассажирских судов, направлявшихся из Америки и Германии, получали радиогаммы с предупреждением об опасности, и ни одно из них не осмеливалось войти в эти дьявольские воды.

Во вторник, 3 июня, за день до катаклизма, наступило затишье. Природа готовилась к решающей атаке. Дюбоск-старший, совершенно обессилевший, лег после обеда и не выходил из своей спальни. Симон тоже рухнул на кровать одетым и проспал до вечера. В девять часов всех разбудил сильный толчок.

Молодой человек подумал, что это порыв ветра с силой распахнул окно в его комнате. Второй, более мощный удар выбил дверь, и Симон почувствовал, как пол под ним зашатался, а стены спальни заходили ходуном.

Он быстро спустился вниз, выбежал в сад и обнаружил там отца со слугами. Все пребывали в панике, бормотали что-то

бессвязное. Одни хотели куда-то бежать, другие бросились на колени прямо на землю. Так продолжалось какое-то время, но хлынувший ливень с градом заставил всех вернуться в дом.

В десять вечера сели за стол, Дюбоск-старший подавленно молчал. Слуги были бледны и дрожали от страха. Симон и сам до конца не оправился, после того как почувствовал, что земля буквально уходит из-под ног.

В десять часов пятьдесят минут все ощутили новые толчки. Они были не сильными, но частыми, похожими на колокольный перезвон. Фаянсовые тарелки слетели со стен на пол, маятник часов внезапно остановился.

Все снова высыпали на улицу. Хлестал косой дождь, людям пришлось прятаться под крытым соломой навесом.

Через полчаса толчки возобновились и уже не прекращались. Они накатывали волнами из глубин земли, то усиливаясь, то слабея, словно судороги лихорадочного озноба, сотрясающие тело больного.

Это становилось настоящей пыткой. Кое-кто из слуг рыдал. Дюбоск-старший обхватил сына за шею и, обезумев от страха, бормотал что-то бессвязное. Да и сам Симон уже не в силах был выносить этот ужас: тряска не прекращалась, земля под ногами шаталась. Ему казалось, что мир развалился на куски и все, что он видит и слышит, — какая-то дикая фантазмагория, а его мозг фиксирует нереальность происходящего.

Со стороны города слышались крики толпы. Мимо них, по дороге, ведущей к возвышенности, бежали люди. Церковный колокол разносил по округе зловещий звук набата. Городские часы пробили полночь.

— Скорее! Надо спастись! — вскричал месье Дюбоск.

— Отец, постой, это бессмысленно. Нам здесь ничего не угрожает!

Но всех уже охватила паника. Каждый действовал, как в наваждении, машинально, будто сломавшаяся механическая кукла. Слуги вернулись в дом и растерянно оглядывали жилище, которое вот-вот покинут. Симону казалось, что он бредит. На его глазах один из слуг принялся складывать в холщовую дорожную сумку позолоченные канделябры и коробки со столовым серебром, за которые он отвечал в хозяйстве. Другой набивал карманы хлебом и печеньем.

Сам он, по какому-то наитию, прошел в небольшую гардеробную комнату на первом этаже, надел кожаную куртку и сменил обувь на тяжелые охотничьи ботинки. Отец окликнул его:

— Вот, возьми мой бумажник, там деньги, много денег... пусть лучше будут у тебя...

В эту секунду во всем доме погас свет и вдалеке раздался какой-то странный раскат грома, совершенно непохожий на тот, что обычно сопровождает вспышку молнии. Послышался еще удар, меньшей силы, под землей что-то клокотало, все сильнее и сильнее. Наконец, один за другим грянули несколько взрывов, более мощных, чем выстрелы из пушки.

Все выскочили из дома и кинулись к дороге. Но не успели они добежать до ограды сада, как разразилась та страшная катастрофа, которую возвещали все предшествующие природные явления. Земля под ними вздыбилась, потом прогнулась, а затем снова вздыбилась, словно бьющийся в конвульсиях зверь.

Симона и его отца сперва бросило друг на друга, потом с силой трянуло и отшвырнуло в разные стороны. Вокруг все рушилось, грохотало, погружалось в хаос. Казалось, ночь стала вдвое чернее обычного. Вдруг уже совсем рядом послышался шум, треск, и откуда-то из самых земных недр раздался крики.

Симон бросился к отцу и схватил его за руку с криком:

— Стой! Стой!

В шаге перед ними разверзлась огромная пропасть, оттуда доносились вопли слуг, которые только что были рядом.

Еще три подземных толчка...

Через мгновение Симон почувствовал, как отец, вцепившись в его руку, с невероятной силой тянет его за собой. Они вдвоем ощупью, как слепые, пробирались через завалы, образовавшиеся из-за землетрясения.

Дюбоск-старший решил, что нужно подниматься на Код-Кот — там, на самой высокой точке берега, на открытом плато, они будут в безопасности. По дороге туда они встретили толпу перепуганных людей, от которых узнали, что холм обрушился и многие погибли. Теперь оставался только один путь — низом, вдоль моря. Дюбоск с сыном пошли вместе с другими в сторону Пурвиля, городка в трех километрах от Дьешпа. Дойдя до места, они увидели такую картину: жители толпились на эспланаде пляжа или укрывались от дождя под опрокинутыми кабинками для переодевания, которые ураган раскидал по берегу. Некоторые спустились по гальке к морю, отступившему на отливе далеко к горизонту, и, преодолев полосу песка, добрались до твердой каменистой поверхности, как будто только там можно было избежать опасности. В неясном свете луны, пробивавшемся сквозь завесу облаков, эти люди походили на блуждающих призраков.

— Пойдем и мы туда, Симон, — позвал месье Дюбоск.

Но молодой человек остановил его:

— Тут вполне спокойно, отец. И вообще, кажется, все стихает. Отдохни!

— Ну хорошо... если ты так хочешь, — ответил Дюбоск-старший. Он вконец обессилел. — А потом нам непременно нужно будет вернуться в Дьепп. Я должен убедиться, что мои суда не слишком пострадали.

Начинался ураган с ливнем.

— Побудь здесь и никуда не уходи, — сказал Симон, — я заметил недалеко отсюда пляжную кабинку. Пойду посмотрю.

В кабинке, привязанной к опоре эспланады, уже укрывались трое. Тут появились еще люди, которые тоже стали претендовать на это убежище. В ход пошли кулаки. Симон хотел было вмешаться, но земля вдруг снова содрогнулась, и со всех сторон послышался треск и грохот — это начали обваливаться скалы.

Симон поспешил туда, где оставил отца. Там уже никого не было. Он окликнул его несколько раз, но голос тонул в шуме ветра. Где теперь искать месье Дюбоска? Может быть, охваченный паникой, он двинулся дальше к морю? Или, беспокоясь о своих судах, как и собирался, пошел обратно в Дьепп? В какую же сторону отправиться на поиски?

Казалось, выбор Симона был случайным. Однако можно ли считать случайным то неосознанное, спонтанное, на первый взгляд, решение, которое толкает нас на путь, предначертанный судьбой? Симон пустился бежать через пляж — сперва по гальке, потом по песку, он карабкался по скользким камням, его ноги увязали в сетях водорослей и проваливались в ямы с водой... Наконец он добрался до людей, которых заметил еще с берега.

Симон вглядывался в лица, подходил то к одному, то к другому, но отца среди них не было. Он уже собирался вернуться на пляж, но тут вышла полная луна, и ее необычайно яркий свет, пробивавшийся сквозь рваные облака, осветил всю округу. Симон решил пойти правее, в сторону Дьеппа. В лунном свете ему открылась картина чудовищных разрушений — берег был завален гигантскими обломками скал, они громоздились друг на друга, образуя белоснежные меловые горы. Метрах в трехстах от берега он увидел огромную глыбу и сперва подумал, что это кусок скалы, откатившийся в море. Но вскоре понял, что ошибся, — слишком велико расстояние от берега. Тогда что же это за гигантский силуэт, напоминающий присевшего на задние лапы исполинского зверя? В детстве он сотни раз рыбачил в этих краях на своем ялике и собирал креветки на отливе, поэтому точно знал, что в этом месте никогда ничего не выступало из воды.

Что же это? Песчаный бугор? Но неровные очертания и серый цвет напоминали, скорее, утес — голый утес, не покрытый ни водорослями, ни тиной.

Подталкиваемый жгучим любопытством, Симон направился к нему. Но не только любопытство заставляло его идти вперед. Как он осознал впоследствии, им овладела еще и другая, гораздо более мощная, необъяснимая сила — страсть к приключениям.

Эта страсть толкала его туда — к новой, неизведанной земле, которая, как он догадывался, возникла в результате катаклизма.

Итак, он пошел к утесу. Далеко позади остались прибрежная полоса песка, потом каменистая поверхность, а дальше началась та часть песчаного дна, которая никогда не обнажается при отливах. В зыбучих песках то тут, то там торчали валуны. Перескакивая с камня на камень, Симон не без труда добрался до новой тверди.

Это действительно была твердая суша, состоящая из морских отложений и других осадочных пород, как сказал бы Мезозой. И тут Симон понял, что из-за мощных подземных толчков и необъяснимых пока природных явлений морское дно резко вздыбилось и отдельные его участки поднялись настолько, что торчали из воды даже во время самых сильных приливов.

Новый утес оказался довольно узкой полосой, идущей параллельно берегу; в неверном свете луны Симон смог разглядеть волны, плескавшиеся по обе стороны от него. Это было возвышение, неравномерное по ширине: в начале метров тридцать-сорок, а дальше сто или даже все двести.

Симон, не раздумывая, пошел вперед. Бугристая поверхность, усеянная ямами с водой и валунами, принесенными сюда морем, сменилась более ровной, и он смог идти быстрее. Мешал только наполовину ушедший в песок мусор — старые ведра, консервные банки, поломанная домашняя утварь и ржавые железяки, облепленные водорослями и ракушками.

Спустя несколько минут справа показался Дьепп. Взору Симона предстала ужасающая картина разоренного города. О полном масштабе бедствия он скорее догадался, чем увидел его, — в отблесках догорающих пожаров город выглядел так, будто в нем неделями бесчинствовали варвары. Как оказалось, достаточно лишь основательной встряски земли, чтобы все кругом погрузилось в хаос, куда более страшный, чем после варварских набегов.

В этот момент рваные свинцовые тучи сменились плотной пеленой серых облаков, и луна исчезла. Симон остановился в нерешительности. Как же он будет ориентироваться в полной темноте, если все береговые маяки разрушены? Он подумал об отце, который наверняка беспокоится о нем. Но с гораздо большим волнением думал он о своей невесте, которая была теперь так далеко и которую ему еще предстояло завоевать. Ему почему-то казалось, что это завоевание должно быть связано с невероятными

приключениями и всяческими опасностями, и он твердо уверился в том, что не ошибся, ступив на этот путь. Идти дальше означало идти навстречу пугающей неизвестности. Только что возникшая суша могла обрушиться в любой момент, а отошедшее от берегов море — нахлынуть вновь и отрезать ему все пути к отступлению. Под ногами внезапно могла разверзнуться земля. Да, идти дальше было настоящим безумием. Но он все же пошел.

5. Девственная земля

Было около часа ночи. Буря уже не так неистовствовала, ветер поутих, и Симон ускорил шаг, насколько это было возможно: он шел в потемках, то и дело обо что-то спотыкаясь. Впрочем, если шум моря усиливался с той или с другой стороны, он сразу понимал, что отклонился от прямого пути.

Симон миновал Дьепп и продолжал двигаться вперед, огибая разные препятствия, но, как ему представлялось, по-прежнему параллельно нормандскому побережью. Первое время он шагал почти машинально, стремясь пройти как можно дальше и убежденный в том, что эта его экспедиция вот-вот закончится. Ему и в голову не приходило, что он идет по бескрайней территории, он стремился добраться до края чудом возникшего полуострова, но цель, которая, казалось, была так близка, постоянно ускользала.

“Вот и все, я дошел до конца...” — думал он. Но новая земля простиралась и дальше во мраке.

— Вон там... вижу, волны смыкаются, — прошептал он немного спустя. Но, дойдя до пенной кромки, находил новый проход, по которому шел дальше.

Два часа ночи... Половина третьего. Порой он шел по колесу в воде или увязая в плотном песке. Впадины становились все глубже, он опасался, что не сможет их преодолеть. Но это только побуждало его идти быстрее. Путь преграждали холмы высотой метров в десять-пятнадцать. Он проворно взбирался по ним и спускался с другой стороны. Ему уже казалось, что он потерялся, стал пленником простиравшегося вокруг моря из твердых застывших волн, по которым он бежал и бежал.

Вдруг он остановился. Далеко впереди в темноте мелькнула огненная точка. Затем последовали еще четыре вспышки с равной периодичностью. Не прошло и минуты, как серия вспышек повторилась, и за ней снова пауза.

— Маяк, — прошептал Симон. — Чудом уцелевший маяк.

Очередной гребень, по которому он шел, вел прямо к этому свету. Если это маяк в устье Соммы, что было вполне веро-

ятно, то Симон мог попасть в Ле-Трепор или севернее. В таком случае идти ему оставалось часов пять или шесть.

Однако мигающий свет исчез так же внезапно, как показался. Напрасно вглядывался Симон в ночь — его окружала гнетущая плотная тьма, он задыхался и, кажется, утратил всякую надежду вырваться из этих тисков и найти желанную разгадку таинственного явления. Что он тут делает? Где он? Не напрасны ли все его усилия?

— Вперед! — воскликнул он. — Прочь сомнения. Я потом все пойму, когда доберусь до конца. А пока — надо просто идти и идти, ни о чем не задумываясь.

Симон говорил вслух, чтобы сбросить с себя оцепенение. Он устыдился своей слабости и наперекор ей зашагал вперед бодрым спортивным шагом.

Был уже четвертый час. Утренняя свежесть взбодрила Симона. Тьма становилась прозрачнее, отступала, рассеивалась, как туман.

Забрезжил рассвет. День быстро брал свое, и глазам Симона вновь предстала новая земля, серая, с полосами желтого песка и заполненными водой ложбинами, в которых бились в агонии самые разные рыбы. Увидел он также неровные отмели, разбросанные по берегу кучи гальки, островки растительности, пологие волнистые холмы.

Повсюду валялось множество бесформенных предметов: одни блестящие, другие покрытые слизью, одни облеплены наростами, другие, наоборот, изъедены, обточены, побиты и раскрошены. То были обломки тысяч и тысяч кораблекрушений, накопившиеся за многие месяцы, годы и даже века. Сколько же дерева и железа, сколько десятков и сотен человеческих жизней поглотила стихия! Каждый такой обломок означал чьи-то сломанные судьбы, утраченные надежды, загубленные молодость и здоровье, означал также боль и горе оставшихся в живых, скорбь матерей и жен.

Все дальше и дальше простиралась эта нива смерти, это невиданное, необъятное, ужасающее кладбище с бесконечными рядами склепов, могильных плит и памятников. С правой и с левой стороны от воды поднимался густой туман, который застилал горизонт, словно ночная мгла, и дальше ста шагов уже ничего не было видно. Но из пелены не переставали появляться новые земли, это было так фантастично и невероятно, что Симону почудилось, будто эти земли поднимаются из пучины прямо у него под ногами, чтобы он мог по ним пройти.

В пятом часу снова начался шторм, напоззли тяжелые тучи, которые принесли с собой дождь и град. Ветер раздвинул дымку, появившийся просвет стал расширяться к северу и югу, и

вскоре справа от Симона, там, где розовая полоса отделила водную гладь от черного неба, вырисовалась береговая линия.

Линия размытая, которую вполне можно было принять за тонкий шлейф неподвижных грозовых туч, но Симон прекрасно знал места и ни минуты не сомневался: то были крутые берега Нижней Сены и Соммы между Ле-Трепором и Кайо.

Он несколько минут передохнул, потом облегчил свою экипировку, избавившись от слишком тяжелых ботинок и кожаной куртки, в которой успел запариться. Вытаскивая из куртки бумажник отца, он обнаружил в кармане два печенья и кусочек шоколада, которые сам же, машинально, и положил.

Подкрепившись, он воспрянул духом и снова отправился в путь, теперь уже не как разведчик, который взвешивает каждый шаг и бережет свои силы, а как спортсмен, который знает свой маршрут и следует ему несмотря на все препятствия и трудности. Настало время пустить в ход накопленный за многие годы запас сил во имя пока неведомой, но исключительно важной цели. Вскинув голову, он легко шел вперед. Босые ноги оставляли на песке слабый след. Ветер дул путнику в лицо и раздувал волосы. Чистое наслаждение!

Четыре часа Симон отшагал в таком быстром темпе. А для чего беречь силы? Он все ждал, что полоса новой земли свернет направо и приведет его на берега Соммы, и потому не беспокоился.

Временами идти становилось трудно. Начался прилив, волны накатывали на песчаные отмели, не отгороженные никакими рифами, в узких местах с обеих сторон появлялись ручьи глубиной почти по колено. Ко всему прочему, у Симона кончилось съестное, его стал мучить голод, и он замедлил ход. Так прошел еще час.

Ветер понемногу стих. Казалось, его заглушил плотный ползучий туман, накрывший и дорогу под ногами. Симон уже не был так уверен в себе, его охватила тревога, и, как ни гнал он усталость, она все же вскоре одолела его.

Он понял, что поступил опрометчиво, но не сдавался, как будто его вел настоящий долг.

— Вперед! — упрямо твердил он себе. — Еще десять минут. Давай! И еще десять!

Справа и слева попадались вещи, которые в другое время пробудили бы в нем живое любопытство. Кованый сундук, три старых пушечных ствола, ядра, оружие, подводная лодка. На песке бились выброшенные из воды огромные рыбыны. В небе кружили белые чайки.

Так он дошел до корпуса большого судна, которое, судя по всему, потерпело крушение совсем недавно. Оно лежало на

боку, киль глубоко ушел в песок, на черной корме виднелись розовые буквы “Пресвятая Дева. Кале”.

Симон тут же вспомнил: так называлось одно из двух судов, о гибели которых сообщалось в телеграммах, обнаруженных на морском вокзале в Ньюхейвене. “Пресвятая Дева” выполняла каботажные рейсы между северным и западным побережьем Франции и, стало быть, затонуло где-то между Кале и Гавром, — неопровержимое доказательство того, что он все еще идет вдоль французского берега, минуя известные ему наперечет обнажившиеся банки.

Десять часов утра. Исходя из своей средней скорости и приняв в расчет многочисленные отклонения, подъемы и спуски, Симон определил, что преодолел по прямой километров шестьдесят и должен находиться примерно на уровне Ле-Туке.

— Чем я рискую, продолжая двигаться вперед? — спросил он сам себя вслух. — В худшем случае через полтора десятка миль попаду в Па-де-Кале, а уж оттуда прямо в Северное море, — незавидная перспектива. Но с куда большей вероятностью я все-таки где-нибудь достигну берега. Будь я неладен, если это не так! Вот только... пятнадцать лье, что вперед, что назад, не пройти с пустым желудком.

Он и правда утомился сверх меры, но, к счастью, проблема с пищей решила сама собой. Он поднялся на борт затонувшего судна, проник в трюм и увидел там множество ящиков, составлявших, скорее всего, часть груза. Почти все были разбиты, разломаны и опустошены. Но нашелся один целехонький. Симон без труда сорвал с него крышку: внутри оказались бутылки с вином и сиропом, а также жестяные банки с мясными, рыбными, фруктовыми и овощными консервами.

— Чудесно! — воскликнул он. — Пожалуйста к столу, месье! Передохну немного, а там — ноги в руки и вперед!

Плотный обед и часок глубокого сна в тени затонувшего судна полностью восстановили его силы. Однако, проснувшись и убедившись, что часы показывают полдень, он пожалел о потерянном времени, ведь и другие, вдруг пришло ему в голову, могли пойти туда же, куда и он. Что, если они догонят и опередят его?! Этого он не желал. А потому он запасся провизией и с новыми силами пустился в путь, чтобы довести свое предприятие до конца, действуя в одиночку, чтобы в будущем ни с кем не делить и никому не уступать свою славу.

“Я непременно дойду, — думал он. — Произошло нечто небывалое, то, что изменит условия существования в этой части мира. И я первым хочу увидеть... Увидеть что? Не знаю, но хочу”.

О эта жажда очутиться там, где не ступала нога человека! Чтобы утолить ее, многие готовы отправиться на край света, в

неизведанные земли, от которых, впрочем, бывает мало толку. Ему же, Симону, открылась возможность пережить подобное в центре старой Европы, в самых обжитых местах. Ла-Манш! Французское побережье! Стать первооткрывателем тут, где много веков развивалась цивилизация! Зреть нечто, чего никто никогда не видел! Галлы, римляне, саксы побывали здесь, но все равно он первым ступил на эту сушу! Открыть дорогу, по которой вслед за ним устремятся миллионы людей!

Час дня. Половина второго. Вокруг все то же: дюны и обломки. Та же туманная пелена. И то же ощущение ускользающей цели. В море обнажались все новые острова. Волны шумели, омывая обширные берега, где-то вдаль, значит, новая земля еще больше раскинулась вширь.

Два часа пополудни. Дюны стали выше, а впадины глубже, так что ноги Симона все больше увязали в грязи. Захваченный мрачным зрелищем торчащей из песка мачты с разодранным выцветшим флагом, который трепал ветер, он бездумно шел вперед. Песок уже доходил ему до колена, потом до бедер. Но он только смеялся, не думая об опасности.

Все же какое-то время спустя он понял, что идти дальше не может, и решил повернуть назад, но не смог. Попытался вытянуть сначала одну, потом другую ногу, но опоры под ними не было. Попробовал опереться о землю руками — руки проваливались.

Его прошиб холодный пот. Страшная истина вдруг открылась ему: он угодил в зыбучие пески.

Все происходило очень быстро. Никакого постепенного погружения, при котором страх еще смягчается надеждой. Симон словно падал в пустоту. Ноги и грудь затянуло в песок. Он вытянул вверх руки, стал размахивать ими, весь напрягся, стараясь замедлить это падение. Напрасно. Песок поднимался, как вода, и доходил уже до плеч, до шеи.

Симон стал кричать. Но кто услышит его вопль на пустынных просторах? Ничто не могло спасти его от страшной смерти. Он закрыл глаза, сомкнул губы, уже ощущая во рту вкус песка, и отдался на волю судьбы...

6. Триумф

Симон так и не понял, как спастся. Кажется, сначала что-то твердое попало ему под ногу, послужило опорой и позволило сделать рывок вверх, потом еще и еще и, наконец, вырваться из могилы невредимым. Как же это получилось? Может, под его ногой очутилась доска, сорванная с затонувшего корабля, чей флаг он заметил? Теперь уж этого не узнать. Но Симон за-

помнил на всю жизнь ту страшную минуту, когда воля его ослабела и силы его истощились настолько, что, едва выбравшись, он рухнул на первый попавшийся обломок какого-то судна, трясясь от озноба и страха.

Он снова двинулся в путь, машинально. Какая-то неумолимая сила заставляла его продолжать исследование новой земли, но прежнего воодушевления уже не было. Теперь Симон постоянно смотрел себе под ноги. Ему мерещились опасные места там, где их не было в помине, он то и дело сворачивал в сторону или отскакивал назад, будто от края пропасти. Его, Симона Дюбоска, одолевал страх.

А тут еще ему попался кусок корабельной обшивки с надписью “Гавр”. Симон забеспокоился: этот порт должен быть позади. Что, если новая земля круто поменяла направление и ведет его в самую широкую часть Ла-Манша?

Симон больше не понимал, где находится и куда направляется, и от этого вдвое сильнее ощутил усталость. Он упал духом, почувствовал себя подавленным, страшно одиноким. Помощи ждать было неоткуда: ни одно судно не рискнет выйти в море, ни один аэроплан в такой туман не поднимется в воздух. Что же с ним будет?

Тем не менее он брел вперед, шел час за часом, а картина вокруг не менялась: все те же унылые дюны, тот же монотонный пейзаж, никогда прежде не знавший солнца.

— Я дойду, — упорно твердил Симон. — Хочу дойти и дойду.

Часы показывали ровно четыре. Он часто на них поглядывал, будто ждал чуда, но не знал, когда оно произойдет. Он едва избежал ужасной смерти и был вконец вымотан: от усталости плечи его поникли, ноги еле двигались, в голове мутилось. Его терзал страх. Он боялся снова попасть в зыбучины, его страшила тьма, буря, но пуще всего пугал голод, ведь все его съестные припасы остались в той песчаной ловушке.

Настоящая пытка! Двадцать раз он был готов повалиться на землю и сдаться. Лишь мысли об Изабель поддерживали его, и он шел, шел вперед...

Вдруг Симон остолбенел — что это? Уж не померещилось ли? Не может быть! Но как не доверять собственным глазам!

Он присмотрелся. Да, на земле и впрямь были следы! Следы босых ног, очень четкие и, похоже, совсем свежие.

Изумление сменилось невероятной радостью, внезапно его осенила мысль: с севера Франции по новой земле ему навстречу шел такой же путник, как он, и, судя по тому, что сам он прошел изрядно, новая земля должна примыкать к континенту где-то недалеко.

Счастливым, что рядом есть кто-то живой, он вспомнил, как Робинзон Крузо на своем необитаемом острове обнаружил отпечаток ступни на песке.

— След Пятницы, — подумал Симон, смеясь. — На моей земле тоже есть Пятница. Что ж, поищем его.

Следы сворачивали влево и, казалось, должны были привести к морю. Это было странно, ведь Симон никого не встречал по дороге и даже вдалеке никого не видел. Но потом он обнаружил, что неизвестный, явно потоптавшись вокруг потерпевшего крушение судна, повернул назад, а значит, шел теперь в том же направлении, что и он сам.

Через двадцать минут перед Симоном возникла протока, и он потерял было следы, но вскоре отыскал их снова: они шли вдоль довольно высоких дюн, которые упирались в скалу.

Симон обогнул ее и отпрянул. На земле ничком, раскинув руки, лежал мертвец, одет он был странно: в короткой кожаной куртке и кожаных же штанах с разрезами внизу, какие носят в Мексике. В спине торчала рукоять кинжала.

Симон перевернул мертвеца: медного цвета кожа, выступающие скулы и черные длинные волосы — да перед ним индеец! Из рта, застывшего в страшной гримасе, вытекала струйка крови. Глаза закатились, так что зрачков не было видно, — одни белки. Пальцы, которыми он впивался в землю, скрючены. Тело еще не успело остыть.

“Его убили не больше часа назад, — дрожа от волнения, подумал Симон. — Но какого черта этот парень делал здесь? Как сюда, на пустынную землю, занесло краснокожего?”

В карманах убитого не было никакого документа. Но рядом с телом, где явно происходила борьба, остались другие следы — от рифленых каучуковых подошв, — идущие в двух направлениях, по ним можно было понять, что здесь кто-то был, а потом ушел. В десяти метрах от этого места Симон обнаружил золотую стофранковую монету 1807 года с изображением Наполеона I.

Симон пошел по этим следам, и они привели его на берег моря — там явно причаливала лодка. Теперь воссоздать драматические события было несложно. Двое высадились на незнакомый берег, разделились и отправились осматривать округу каждый в свою сторону. Один из них, индеец, в трюме затонувшего судна нашел золотые монеты, может, даже целую шкатулку монет. Другой убил своего приятеля, завладел сокровищем и ушел морем.

Вот так, первые признаки жизни, которые Симон обнаружил на девственной земле, свидетельствовали о преступлении, предательстве, алчности, заставляющей взять в руки оружие и

нанести удар, — о зверином начале в человеке. Один находит золото. Другой нападает на своего собрата и убивает его.

Симон поспешил отправиться дальше в полной уверенности, что эти двое здесь не единственные, а просто оказались решительнее прочих и, вероятно, прибыли с континента первыми. Симону не терпелось повстречать других, расспросить, откуда они, каким был их путь, прояснить столько непонятных обстоятельств.

Мысль об этой встрече так грела его душу, что он даже не помышлял о передышке. Хотя столько времени без отдыха вынести непросто! Шестнадцать часов пути от Дьеппа. Восемнадцать часов на ногах, если считать от мощного землетрясения, которое выгнало его из дома. В обычной жизни такой бросок дался бы ему без труда, но не в теперешних ужасающих обстоятельствах.

Симон продолжал идти. Может, все же сделать привал? А если обгонят другие, те, кто вышел из Дьеппа позднее?

Картина перед его глазами не менялась. Он брел среди корабельных обломков, напоминающих надгробия на бескрайнем кладбище, над которым все еще стоял туман.

Через час ему пришлось остановиться. Путь преграждало море.

Море впереди! Симона охватила досада, смешанная с гневом. Неужели дальше дороги нет, неужели в результате всех этих природных бедствий появился лишь полуостров, и он дошел до его края?

Симон смотрел на пену волн, кативших к его ногам, как вдруг различил в отдалении темные очертания, проступающие сквозь туман, и понял, что перед ним заполненная водой ложбина, а дальше продолжается новая земля.

— Что ж, вперед! — воскликнул Симон.

Он снял одежду, скрутил ее в жгут, обмотал вокруг шеи и ступил в воду. Преодолеть эту протоку оказалось сущим пустяком, к тому же почти все время он доставал ногами до дна. Он вышел на сушу и, как только обсох, оделся.

Симон прошел с полкилометра по вполне пологому подъему и очутился на плато, над которым высились настоящие холмы из песка, достаточно плотного, чтобы идти по нему без опаски. Симон поднялся на вершину самого высокого из них.

Здесь, в том самом месте, где теперь воздвигнут гранитный обелиск с начертанными золотом двумя именами и датой, именно здесь 4 июня в шесть часов десять минут пополудни, стоя над огромной ареной, окруженной амфитеатром дюн, Симон заметил идущего ему навстречу человека.

Пораженный Симон застыл. Человек шел медленно, словно просто гулял, осматривая окрестности, и точно знал, куда направляется. Подняв голову и увидев Симона, он удивился и помахал картузом. Тогда Симон, вытянув руки, бросился на встречу незнакомцу с горячим желанием его обнять.

Высокий широкоплечий парень, в рыбацкой одежде — коричневых штанах и блузе — шел босиком.

Симон крикнул ему:

— Я из Дьеппа, а вы откуда? Давно идете? Один?

На обветренном лице рыбака расплылась широкая улыбка.

Они подошли друг к другу и крепко пожали руки.

— Я с часа ночи иду из Дьеппа. А из какого порта вы? — спросил Симон.

Рыбак засмеялся, что-то ответил, но Симон его не понял. Не понял слов, Впрочем, сообразил, что тот говорит на английском, только с местным выговором, вероятно, это был какой-то англичанин, подрядившийся рыбаком в Кале или Дюнkerке.

— Кале? Дюнkerк? — отчетливо, по слогам спросил Симон, указывая пальцем в сторону горизонта.

Парень кое-как повторил за Симоном эти два слова, будто силился понять их значение. Наконец его лицо просветлело, и он замотал головой, мол, нет.

Обернувшись, он махнул рукой в том направлении, откуда пришел, и дважды выговорил:

— Hastings... Hastings...

Симон вздрогнул. В ошеломляющую правду он поверил не сразу, и, хотя мысль об истинном положении дел промелькнула у него в голове, он отогнал ее от себя. Может, этот рыбак родом из Гастингса или там живет. Но откуда он теперь-то идет?

— Булонь? Вимре? — попытался подсказать англичанину Симон.

— No, no, — повторил иностранец, — Hastings... England...

И продолжая показывать все в ту же сторону, дважды повторил:

— England! England!

— Как! Что вы такое говорите! — вскричал Симон и двумя руками схватил его за плечи. — Позади вас Англия? Вы пришли из Англии? Нет! Не может быть!

— England, — повторил рыбак и притопнул в подтверждение, что по этой самой земле он идет из Англии.

Симон был потрясен. Он достал часы и несколько раз обвел указательным пальцем циферблат:

— А когда вы отправились в дорогу? Сколько часов шли?

— Three, — ответил англичанин, показывая три пальца.

— Три часа, — пробормотал Симон, — мы в трех часах ходьбы от английского берега.

На этот раз он осознал ошеломляющую реальность происходящего и понял, в чем просчитался. Там, где Сомма впадает в море, береговая линия поворачивает в сторону Англии. Если придерживаться ее направления, неизбежно окажешься у английского побережья — где-нибудь у Фолкстона или Дувра, а если забрать чуть левее, то у Гастингса. А ведь раньше ему это не приходило в голову. Он трижды за свой путь убеждался, что Франция справа от него, а не позади, и шел в полной уверенности, что она совсем рядом, что французский берег близко, и стоит рассеяться туману, как он его увидит.

А это был английский берег! И встретившийся ему человек — англичанин!

Настоящее чудо! С какой же радостью Симон обнимал рыбака, разглядывал его приветливое лицо! У Симона захватило дух: эта встреча была весьма символичной и сулила грандиозные исторические события.

Рыбак тоже ощутил все величие момента, был преисполнен торжественности и многозначительно кивал. Они стояли лицом к лицу, смотрели друг другу в глаза с особой теплотой, как два соратника, которые вместе сражались и теперь вместе получают награду за общую победу.

Англичанин написал на клочке бумаги свое имя: Уильям Браун. И Симон со свойственной его натуре пылкостью произнес:

— Уильям Браун, мы говорим на разных языках, я едва тебя понимаю, ты не понимаешь меня вовсе, но мы связаны с тобою больше, чем любящие братья. Сейчас трудно осознать всю значимость нашей встречи. Мы представители двух величайших держав мира, и наши объятия — символ единения двух стран.

Симон плакал. В глазах улыбающегося англичанина тоже блестели слезы. Они долго обнимались. От переживаний, невероятной усталости, сильнейших впечатлений этого дня Симон будто охмелел, и у него открылось второе дыхание.

— Давай же, — сказал он рыбаку, увлекая его за собой, — идем, покажи мне дорогу.

Когда на пути попадались трудные места, Симон старался преодолевать их без помощи Уильяма — ему было важно самому, рассчитывая только на собственные силы, завершить это славное, блестящее предприятие.

Финальный отрезок пути занял более трех часов.

Очень скоро им встретились трое англичан, Уильям что-то им сказал — те на ходу ответили удивленными возгласами. Потом к ним подошли двое других, выслушали объяснения Уильяма и развернулись, так что дальше они держали путь

вчетвером. Вдруг они услышали крики, которые доносились со стороны моря, кто-то звал на помощь.

Симон побежал на голос и первым обнаружил молодую женщину: она лежала на песке, омываемая пеной волн.

Она была связана по рукам и ногам: веревки прижимали мокрый шелк блузки к груди и врезались в кожу обнаженных плеч. Черные, довольно короткие волосы, стянутые на лбу золотой цепочкой и обрамляющие ослепительной красоты лицо с алыми губами, смуглая, хранящая жар южного солнца кожа — ее облик сразу поразил Симона, натуру поэтическую, и напомнил ему женщин, каких он встречал в Испании или Латинской Америке. Он живо освободил ее от пут, но расспросить ни о чем не успел, поскольку подошли его спутники, и только накинул на ее плечи свой пиджак.

Тронутая такой деликатностью, она посмотрела на него с признательностью.

— Благодарю! Благодарю вас! — пробормотала она. — Вы же француз, не так ли?

Но к ним уже торопливо подходили люди, их становилось все больше и больше — Уильям уже рассказал о приключении своего нового друга. Симона оттеснили от девушки, и он так о ней ничего и не узнал. Его обступали, о чем-то спрашивали. Окружающая его толпа росла с каждой минутой.

Все эти люди были странно возбуждены. И, как выяснилось, неспроста: английское побережье тоже подверглось землетрясению. Гастингс, как и Дьешп, стал центром подземных толчков и частично был разрушен.

Около восьми часов они подошли к глубокой расщелине шириной не меньше километра. Симону повезло: еще несколько часов назад тут стояла вода, и поэтому смельчаки, которые вышли из Гастингса обследовать новую землю, смогли пройти не много.

Несколько минут — и туман почти рассеялся. Симон различил непрерывную линию домов, тянувшуюся вдоль набережных Гастингса и Сен-Леонарда. Его уже сопровождало человек триста-четырееста, кроме того, по округе бродили с растерянным видом многие другие, которых стихия выгнала из домов.

Вскоре толпа возле него стала такой плотной, что в густых сумерках он различал лишь головы людей. Ему задавали тысячи вопросов, и он, как мог, отвечал. Его ответы передавались из уст в уста и вызывали возгласы удивления и восхищения.

В домах Гастингса уже появился свет, а уставший, но не сдающийся Симон продолжал упорно шагать, будто запасы его энергии и сил по мере того, как он их расходовал, пополнялись сами собой. Внезапная мысль заставила его рассмеяться: он, Симон Дюбоск, потомок старинного нормандского ро-

да, ступил на землю Англии в том самом месте, где в XI веке высадился Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии! Гастингс... Король Гарольд и его возлюбленная Эдита Лебединая Шея... Знаменательные события древних времен повторяются! Новые земли опять завоеваны, и завоевал их опять нормандец! Эта мысль сподвигла его на последний рывок.

“Похоже, судьба мне благоволит, лорд Бейкфилд!” — подумал Симон.

Новая земля начиналась между Гастингсом и Сен-Леонардсом, она словно застыла волнами, ошетилилась утесами и каменными глыбами, среди которых в неописуемом хаосе громоздились обломки снесенных причалов, рухнувших маяков, разбитых кораблей. Но Симон ничего этого не замечал от усталости. Все вокруг было словно в тумане.

Вот и дошли до английского берега. Что же теперь? Симон едва осознавал, как его вели по изрытым улицам между развалин, и в конце концов они оказались у полуразрушенного казино с шаткими стенами и проломленным потолком, но при этом сияющего электрическими огнями. Там уже собрались городские власти, чтобы устроить Симону достойный прием. Все поднимали бокалы с шампанским и samozабвенно распевали гимны. Импровизированный праздник посреди разрушенного города демонстрировал стойкость этого народа. Какое волнующее было зрелище! Все понимали, что стали свидетелями величайшего события, настолько грандиозного, что оно способно затмить ужас катастрофы и страшных потерь: Франция и Англия соединились!

Страны соединились, и вот перед ними человек, который первым прошел от одной страны до другой по земле, восставшей из самых глубин издревле разделяющего их пролива. Как же его не чествовать? Он принес на английскую землю пламенный дух Франции. Он провозвестник неведомого будущего.

Симона встретили бурными возгласами, стали обступать. Его обнимали, пожимали ему руки, умоляли произнести речь, подобающую случаю. Симон и сам был взволнован не меньше, чем окружавшие его люди, и потому пробормотал несколько фраз во славу двух народов.

Исступление вспыхнуло с новой силой, Симона подхватило людским потоком и увлекло в самую гущу толпы, где он затерялся среди тех, кто явился чествовать его. Сейчас он хотел одного — войти в первый попавшийся отель и рухнуть на кровать. Вдруг кто-то схватил его за руку и произнес:

— Идите за мной, я выведу вас отсюда.

Он узнал молодую женщину, которую недавно освободил от веревок. Лицо ее тоже пылало.

— Вы совершили невероятное, — проговорила она. — Не думаю, что кто-либо другой оказался бы способен на такое. Вы превзошли всех.

Тут людской водоворот оторвал их друг от друга, даром что незнакомка изо всех сил цеплялась за его руку. Симон упал на перевернутые стулья, поднялся и с трудом стал пробираться к выходу, как вдруг увидел перед собой лорда Бейкфилда и Изабель. Он выпрямился, от усталости не осталось и следа.

Изабель решительно протянула ему руку:

— Мы были там, Симон, и видели вас. Я так горжусь вами!

От неожиданности он обомлел:

— Изабель! Вы? Возможно ли это?

Изабель улыбнулась, увидев, как он взволнован встречей:

— Очень даже возможно, Симон, и вполне естественно, ведь мы живем в Баттле, в миле отсюда. Катастрофа пощадила нашу усадьбу, но мы приехали в Гастингс помогать пострадавшим и тут узнали о вашем триумфальном прибытии.

Лорд Бейкфилд стоял, не двигаясь, и делал вид, что не замечает Симона. Но тот обратился к нему:

— Могу ли я надеяться, лорд Бейкфилд, что вы сочтете этот день первым шагом к моей цели?

В пожилом джентльмене разыгрались гордыня и негодование, он не ответил, и Симон продолжил:

— Разумеется, Англию я не завоевал, но все произошедшее дает мне право, по меньшей мере, спросить вас, выполнено ли первое из поставленных вами условий.

На этот раз лорд Бейкфилд, похоже, намеревался ответить. Но выражение его лица не сулило ничего хорошего, и дочь не дала ему раскрыть рта:

— Не просите моего отца дать вам ответ тотчас, Симон. Он высоко ценит то, что вы совершили. Но мы с вами слишком сильно его огорчили, и ему трудно так скоро простить вас. Пусть время сотрет это неприятное воспоминание.

— Время, время, — засмеялся Симон. — У меня всего двенадцать дней, чтобы пройти оставшиеся испытания. Теперь, после завоевания Англии, мне еще предстоит заслужить славу Геракла или Дон Кихота.

— Да, но сейчас вам необходим отдых, — ответила Изабель и увела лорда Бейкфилда.

7. Зоркий Глаз

— Ну, что скажешь, мальчик мой? А ведь я знал, что так будет! Все изложено в моей брошюре о Ла-Манше в двухтысячном

году. И, потом, вспомни наш разговор в то утро, на морском вокзале Ньюхейвена. Я ведь все это предсказал! И вот земли срстаются друг с другом, как когда-то в эпоху эоцена.

Внезапно разбуженный Мезозоем Симон, еле разлепив глаза, непонимающе смотрел прямо перед собой. По номеру отеля, где он провел ночь, расхаживал его старый учитель, а в темном углу сидел кто-то еще, очевидно, его приятель.

— Господи! Это который же час? — пробормотал Симон.

— Семь часов вечера, друг мой.

— Что?! Семь часов! Я пришел вчера из казино, лег и до сих пор спал?

— Да еще как! Сегодня утром я бродил по окрестностям и услышал о твоих приключениях. Симон Дюбоск? Да я же его знаю. Я поспешил к тебе. Постучался. Вошел. Ты не проснулся. Я ушел, потом пришел опять, и еще, и еще несколько раз, пока в конце концов не решил устроиться у твоего изголовья и ждать.

Симон вскочил с кровати. В ванной комнате он обнаружил новую одежду и белье. А на стене увидел тот самый пиджак, которым накануне прикрыл обнаженные плечи спасенной им молодой женщины.

— Кто это принес?

— Что именно? — спросил Мезозой.

Симон обернулся к нему.

— Скажите, учитель, пока вы здесь были, никто не заходил в мою комнату?

— Тьма народа! Кого только не было... твои почитатели... просто любопытные...

— А женщина не приходила?

— Признаться, не заметил... А почему ты спрашиваешь?

— Почему? Просто ночью, пока я спал, несколько раз мне казалось, что какая-то женщина подходила к моей постели и склонялась надо мной.

Мезозой отмахнулся: тебе привиделось, мальчик мой. Когда очень устаешь, часто снятся кошмары...

— Какой же это кошмар?! — рассмеялся Симон.

— В любом случае все вздор! — воскликнул Мезозой. — Разве это сейчас важно? Сейчас важно только одно: внезапное срастание... Это же грандиозное событие! Что скажешь? Это тебе не мост, перекинутый с одного берега реки на другой. Это тебе не туннель. Это полное срастание, окончательное слияние, настоящий перешеек! Нормандский перешеек, как его уже нарекли.

— Скорее дамба, - пошутил Симон.

— Что ты мелешь! — вспыхнул Мезозой. — Ты что же, не знаешь, что произошло этой ночью? Ах, нет, черт возьми, он ничего не знает... Он спал! Так ты не заметил, что нас еще трясло... не

сильно, но все же... Нет? Тебя это не разбудило? В таком случае, мальчик мой, ты сейчас узнаешь нечто невероятное, более невероятное, чем все предсказания. Что там полоска земли из Дьеппа в Гастингс... Это было только начало, самое начало. Но потом... О! Потом... мальчик мой, ты меня слушаешь? Ну так вот... Франция от Фекана до мыса Гри-Не... Англия от западного Брайтона до Фолкстона, все это, друг мой, теперь единая суша. Суша... шириной в двадцать пять — тридцать лье. Кусок суши, равный двум не самым маленьким французским департаментам и двум английским графствам. Природа отлично поработала за каких-то несколько часов! Что скажешь?

Симон слушал, пораженный.

— Возможно ли? Вы уверены? Но это чревато неслыханными бедствиями! Представьте только... Что будет с прибрежными городами! А торговля, а навигация!

Симон подумал об отце и его кораблях, запертых в порту Дьеппа.

— Вы в этом уверены? — повторил он.

— Ей богу! — воскликнул Мезозой, которого сейчас ничуть не волновали эти соображения. — Сотни телеграмм, отправленные из различных мест, подтверждают это. Да почитай вечерние газеты... клянусь, это настоящая революция! Землетрясение? Жертвы? О них и не вспоминают. Твой марш-бросок из Франции в Англию? Остался в прошлом! Сегодня по эту сторону Ла-Манша говорят лишь о том, что Англия теперь уже не остров, она сделалась частью европейского континента. Она приросла к Франции.

— Да, это великое... событие в истории, — согласился Симон.

— Величайшее, мальчик мой. С того времени, как появился этот мир и возникли страны и народы, ни одно физическое явление не имело большего значения, чем это. И подумайте только, я ведь все предсказал: и следствия, и причины, которые известны только мне.

— И каковы же они? — спросил Симон. — Откуда взялась земля, по которой я прошел? Как это могло случиться?

Мезозой остановил его жестом, каким когда-то предварял свои объяснения. И, вооружившись вечным пером и листком бумаги, начал:

— Знаешь ли ты, что такое разлом? Нет, не так ли? А горст? Тоже нет. А ведь это из курса геологии в колледже Дьеппа. Похоже, ты только понапрасну терял там время! Ну что же, слушай внимательно, ученик Дюбоск. Я буду говорить коротко и по существу. Земная кора, то есть слой, который окружает раскаленное ядро, состоит из затвердевших элементов вулканической и осадочной породы и представляет собой пласты, лежа-

щие друг на друге наподобие страниц книги. Вообрази, что какие-то силы сбоку воздействуют на кору, сжимая ее слои, в результате чего возникают складки, иногда даже трещины, края которых, наезжая одна на другую, оседают или же вздыбливаются. Такие трещины называют разломами, они перерезают земную кору и разделяют надвое горную породу, части которой сдвинулись относительно друг друга. Таким образом, разлом представляет собой угол или же имеет две кромки — нижнюю, возникшую в результате оседания земной тверди, и верхнюю, возникшую в результате вспучивания. И вот так бывает, что внезапно по прошествии тысяч и тысяч лет эта верхняя кромка под воздействием неумолимых тангенциальных сил вздымается, вздыбливается в виде взбросов, иногда довольно значительных, которые и называют горстами. Это то, что мы имели возможность наблюдать недавно.

Во Франции существует так называемый Руанский разлом, отмеченный на всех геологических картах. Он представляет собой важнейшую дислокацию Парижского бассейна. И простирается на сто двадцать километров от Версаля до Руана параллельно складкам земной коры, которые в этом регионе образовались в известковых и третичных породах на северо-востоке и северо-западе. У Марома он уже не прослеживается, но я все же отыскал его в горных каменоломнях Лонгвиля, а продолжение — недалеко от Дьеппа, и, наконец, я обнаружил его, как ты думаешь, где? В Англии, в Истбурне, между Гастингсом и Ньюхейвеном! Тот же состав, то же залегание пластов. Ошибки быть не может. Разлом шел из Франции в Англию! И проходил под Ла-Маншем!

Уж как я его изучал, этот разлом Мезозоя, так я его окрестил! Изучал, исследовал, анализировал! И вот вдруг, это было в 1912-м, плато Нижней Сены и Соммы поколебали подземные толчки, они оказали влияние на морские течения, у меня есть тому доказательства. Толчки произошли в Нормандии, на Сомме, в открытом море! Ты улавливаешь всю необычайность этого феномена и какое научное значение имеет тот факт, что это произошло на разломе? Разве не логично предположить, что эти подземные толчки, происходящие на разломе, — суть проявление некой огромной силы, которая с трудом сдерживается лишь земной корой и пытается прорваться наружу в уязвимых точках и сокрушить все препятствия на своем пути, которые как раз и располагаются вдоль разлома.

Невероятная гипотеза? Возможно, но в любом случае стоило проверить. Этим я и занялся. Я произвел несколько погружений вдоль французского берега. Во время четвертого, на Дьеппской отмели, на глубине всего двадцати метров, я

обнаружил следы извержения по обе стороны от разлома, состав породы был полностью идентичен составу англо-нормандского разлома.

Я уверился в своей правоте. Оставалось только ждать... лет сто или двести... или же несколько часов. Но для меня было совершенно очевидно, что однажды хрупкое препятствие, противостоящее внутренней энергии, сдастся и произойдет страшный катаклизм. Так и случилось.

Симон слушал с возрастающим интересом. Свой рассказ Мезозой иллюстрировал рисунками, набрасывая их широкими росчерками пера и не обращая внимания ни на чернильные кляксы, которые его манжеты и пальцы оставляли на бумаге, ни на капли пота, струящегося с его лба, поскольку Мезозой всегда сильно потел.

Он повторил:

— Произошел страшный катаклизм, которому предшествовала и сопутствовала череда событий: подводные толчки, вызвавшие страшные кораблекрушения: лодки и корабли подбрасывало в воздух и затягивало в ужаснейший водоворот; затем сейсмические возмущения большей или меньшей силы, циклоны, смерчи, черт его знает что еще; и, наконец, мощнейшее землетрясение. И практически сразу же происходит вспучивание одной губы разлома, через весь пролив, шириной двадцать пять или тридцать лье. По ней-то ты, Симон Дюбоск, пешком пересек пролив. И, возможно, во всей этой истории, мальчик мой, твой переход сыграл не последнюю роль.

— Допустим, — помолчав, сказал Симон, — вы объяснили возникновение перешейка, по которому я прошел, но видел-то я лишь узкую полосу. А откуда, по-вашему, взялся огромный кусок суши на месте Па-де-Кале и части Ла-Манша?

— Вероятно, англо-нормандский разлом имеет ответвление и в результате землетрясения были затронуты другие массивы.

— Говорю вам, я видел только узкую полосу суши.

— Это означает, что ты прошел лишь по верхней части хребта и видел только ее. Но в этом месте дно поднялось целиком, ты должен был заметить, что волны не разбивались о берег, а отступали по мелководью.

— Так-то оно так, однако там все-таки было море, а теперь его нет.

— Его больше там нет, потому что оно отступило. Феномены такого масштаба оказывают влияние далеко за пределами своего непосредственного места действия и вызывают другие явления, которые, в свою очередь, воздействуют на первые. И если в одной части дна, на которой покоится Ла-

Манш, произошел такой большой сдвиг, то в другой он с большой вероятностью мог спровоцировать обрушения и трещины, в которые вода ушла в земную кору. Подумай, ведь достаточно снижения уровня моря на два — три метра, чтобы многие километры берега, едва покрытые водой, окончательно обнажились.

— Это всего лишь предположение, дорогой учитель.

— А вот и нет! — вскричал Мезозой, стукнув кулаком по столу. — Нет! У меня есть точные данные, и в скором времени я буду готов представить доказательства.

Он извлек из кармана легендарную потертую сафьяновую папку с замочком, хорошо знакомую Симону по Ньюхейвену.

— Истина появится отсюда, — провозгласил Мезозой, — вот из этой папки, мальчик, где хранятся мои записи. Четыреста пятнадцать записок, которые необходимо обнародовать. Теперь, когда катаклизм произошел и опроверг множество прежних неправдоподобных гипотез, нового уже никто не узнает, кроме того что видел я своими собственными глазами. Можно строить предположения, делать умозаключения. Но видеть собственными глазами мы уже не сможем, а я это видел.

Симон, который слушал его вполуха, перебил:

— Да-да, но не пойти ли нам поужинать? Я что-то проголодался.

— Благодарю, у меня ночной поезд в Дувр. Хочу добраться до Франции. По моим сведениям, суда возобновили движение по маршруту Дувр — Кале. Я хотел бы без промедления опубликовать доклад со своими выводами.

Он посмотрел на часы.

— Черт, время поджигает... Только бы не опоздать на поезд! До встречи, мальчик мой!

И он ушел.

Человек, который неподвижно сидел все это время в углу и не принимал никакого участия в беседе, к большому удивлению Симона, не двинулся с места и после ухода Мезозоя. Симон включил свет и смог рассмотреть получше своего гостя. Он был поражен его невероятным сходством с мертвецом, которого он видел накануне возле обломков корабля. Тот же кирпичный цвет кожи, такие же выступающие скулы, даже волосы той же длины, такая же одежда из рыжей кожи. Однако этот был гораздо моложе, с благородной осанкой и красивым лицом.

“Настоящий индейский вождь”, — подумал Симон, и мне кажется, что я его где-то уже видел... Да, точно, видел. Но где? Когда?

Незнакомец хранил молчание.

— Что вам угодно? — спросил Симон.

Гость поднялся и подошел к прикроватному столику, куда ранее Симон вытряхнул все, что было у него в карманах. Взял найденную Симоном накануне золотую монету с изображением Наполеона I и гортанным голосом, под стать всему своему облику, но на чистейшем французском произнес:

— Вы ведь подобрали эту монету во время своего перехода, недалеко от тела убитого?

Это было настолько точно и неожиданно, что Симону не оставалось ничего другого, как подтвердить:

— Верно... рядом с трупом мужчины, ему нанесли удар ножом.

— Возможно, вам удалось обнаружить следы убийцы?

— Да.

— Это были следы спортивных туфель на рифленой каучуковой подошве?

— Да, да, — подтвердил Симон, вконец заинтригованный. Но откуда вам все это известно?

— Месье, — продолжал, не отвечая на вопрос, тот, кого Симон окрестил про себя Индейцем, — вчера один мой друг по имени Бадьяринос и его племянница Долорес решили исследовать новую землю, образовавшуюся в результате утреннего землетрясения. Они пробрались среди обломков в порту и обнаружили узкую протоку, которая сообщалась с морем, еще не успевшим отступить. Какой-то человек предложил отвезти их на своей лодке. Они довольно долго шли на веслах и в конце концов заметили обломки корабля. Пристали к берегу. Оставив племянницу в лодке, мой друг пошел в одну сторону, а их провожатый в другую. Час спустя он вернулся один с разбитой старой шкатулкой, полной золота. Один рукав его был в крови, Долорес испугалась и хотела выбраться из лодки. Он набросился на нее, и, несмотря на отчаянное сопротивление, ему удалось ее связать. Он взялся за весла и поплыл обратно вдоль вновь образовавшегося берега. По пути он решил избавиться от девушки и выбросил ее за борт. Ей повезло, ее вынесло на песчаную мель, которая буквально через несколько минут обнажилась и стала сушей, поскольку вода ушла. Однако она бы неминуемо погибла, если бы не вы.

— Ах да, — прошептал Симон, — красавица испанка... Я видел ее вчера в казино.

— Весь вечер, — продолжал Индеец так же невозмутимо, — мы разыскивали убийцу в казино, в барах, тавернах, повсюду. Сегодня утром возобновили поиски. И я пришел к вам в отель, помимо всего прочего, чтобы вернуть одежду, которую вы одолжили племяннице моего друга.

— Значит, это были вы?..

— И вот в коридоре на вашем этаже я услышал какие-то стоны, пригляделся, поскольку там очень темно, и заметил, что поодаль на полу кто-то лежит. Этот человек был ранен и, казалось, при смерти. Коридорный помог мне перенести его в одну из комнат, приспособленную под лазарет. Раненый получил удар ножом между лопаток, так же, как и мой друг! Неужели я напал на след убийцы? В таком огромном отеле, переполненном потоком людей в поисках пристанища, расследование оказалось сложным делом. В конце концов мне удалось установить, что около девяти в отель заходила какая-то служанка с письмом. Она спросила у портье, где остановился месье Дюбоск. Портье указал ей на второй этаж, номер сорок четыре.

— Но никакого письма я не получал, — возразил Симон.

— К счастью для вас, портье ошибся номером. Вы — в сорок третьем.

— Но где же письмо и от кого оно?

— Вот обрывок конверта, который я подобрал, — ответил Индеец, — на нем можно разобрать гербовую печать лорда Бейкфилда. Я поспешил в замок Баттл.

— Так вы видели...

— Лорд Бейкфилд с женой и дочерью уехали этим утром в Лондон в автомобиле. Но я видел ту служанку, которая принесла для вас в отель письмо от своей госпожи. На лестнице ее остановил человек и сказал: “Месье Дюбоск спит, а я охраняю его комнату. Я сам передам ему письмо”. Служанка вручила ему конверт, он дал ей золотую монету. Вот она. Это монета с изображением Наполеона I, выпущена в 1807 году, точь-в-точь такую вы подобрали у тела моего друга.

— И что же? — спросил встревоженно Симон. — Что сделал этот человек?

— Этот человек прочитал письмо, постучался в сорок четвертый номер, рядом с вашим. Ваш сосед открыл ему, тот схватил его за горло одной рукой, а другой всадил ему нож между лопаток.

— Боже милостивый, значит, его убили вместо меня?

— Его вместо вас ударили ножом, это так, но он не умер. Его спасут.

Симон был потрясен.

— Это ужасно, — прошептал он, — опять удар ножом...

Помолчав, он спросил:

— Вам ничего не известно о содержании письма?

— По нескольким словам, оброненным Бейкфилдом и его дочерью, служанка поняла, что речь идет о “Королеве Марии”, корабле, который потерпел крушение и теперь его можно

найти. Вроде бы мисс Бекфилд потеряла на его борту какую-то миниатюру.

— Да, действительно, — задумчиво проговорил Симон, — это похоже на правду. Но как жаль, что письмо не попало в мои собственные руки. Служанке не следовало отдавать его.

— Почему же?

— Ну как же, отдать первому встречному...

— Но он был ей знаком.

— Ей был знаком этот человек?

— Конечно, он часто приходил к лорду Бейкфилду. Это друг дома.

— Так она может назвать его имя?

— Уже назвала.

— И как же его зовут?

— Ролстон.

— Ролстон! — вскричал Симон. — Этого не может быть! Какое-то безумие! Как выглядел тот человек? Каковы его приметы?

— Человек, которого видели горничная и я, очень высокий и благодаря своему росту имеет возможность сверху атаковать свою жертву ударом в спину. Он худой... немного сутулый... очень бледный...

— Замолчите! — воскликнул Симон, взволнованный этим описанием, настолько совпадающим с приметами Эдвардса. — Замолчите! Этот человек мой друг, и я ручаюсь за него, как за себя самого! Ролстон убийца?! Что за чушь!

Симон нервно расхохотался, Индеец же невозмутимо продолжал:

— Помимо всего прочего, горничная рассказала мне, что Ролстон, который не прочь пропустить стаканчик виски, часто захаживал в одну богом забытую, захудалую таверну. По описанию мне легко удалось ее отыскать. Бармен, получив от меня щедрую мзду, поведал, что Ролстон заходил около полудня и нанял с полдюжины головорезов, готовых на любую работу. А цель их экспедиции — останки “Королевы Марии”. С этого момента мне все стало ясно. Запутанное дело получило объяснение. Я сразу же принялся за необходимые приготовления и одновременно постоянно заходил сюда, поскольку хотел присутствовать при вашем пробуждении, нужно было ввести вас в курс дела. К тому же, — добавил Индеец, — я позаботился, чтобы рядом с вами находился ваш друг Мезозой, и также запер в ящик ваш бумажник, который лежал на всеобщем обозрении. Я взял оттуда десять тысяч франков, чтобы использовать во благо нашего общего предприятия.

Симон уже больше не удивлялся поступкам этого необычайного человека. Он мог бы взять из набитого бумажника

все деньги, а довольствовался всего десятью банкнотами. Это был честный малый.

— Наше предприятие? — только и спросил Симон. — Что вы имеете ввиду?

— Я не отниму у вас много времени, месье Дюбоск, — ответил Индеец с видом человека, который знает заранее, что дело в шляпе. — Так вот, во время кораблекрушения мисс Бейкфилд потеряла на “Королеве Марии” миниатюру огромной ценности и в своем письме к вам попросила отправиться на ее поиски. Письмо было перехвачено Ролстоном, таким образом он узнал о существовании сокровища и, как можно предположить, о чувствах, которые вы испытываете к мисс Бейкфилд. Этим же объясняется и удар ножом, которым он хотел угостить вас. Во всяком случае, наняв полдюжины самых отпетых молодчиков, он отправился к обломкам “Королевы Марии”. И вы позволите им это сделать? И никак не мешаете ему, месье Дюбоск?

Симон не спешил с ответом. Он размышлял. Как было не сдать под тяжестью изложенных фактов? Как тут не вспомнить привычки Эдварда, его образ жизни, его склонность к виски и, с другой стороны, его любовь к чрезмерным расходам? Однако он лишь повторил:

— Ролстон неспособен...

— Пусть так! — заметил Индеец. — Но эти люди отправились на разграбление “Королевы Марии”. Вы позволите им это сделать, месье Дюбоск? Я не позволю. Я хочу отомстить за смерть своего друга Бадьяриноса. Не забудьте и о письме мисс Бейкфилд. Следовательно, мы едем. Все готово. Четверо моих товарищей отправятся с нами. Я купил оружие, лошадей и необходимую провизию. Все готово, повторяю вам. Каково будет ваше решение?

Симон снял халат и схватил одежду.

— Я еду с вами.

— Ну-ну, — рассмеялся Индеец, — вы думаете, можно отправиться к приключениям по незнакомой местности вот так, среди ночи! А потоки воды, а зыбучие пески? А все остальное? Не говоря уже об адском тумане, которым все заволочло. Нет-нет, выходим завтра, в четыре утра. А пока подкрепитесь, месье Дюбоск и поспите.

— Спать! — запротестовал Дюбоск. — Но я только этим и занимаюсь последние двадцать четыре часа.

— Этого недостаточно. Вы чертовски устали, а экспедиция будет трудной, очень трудной и опасной. Можете поверить Зоркому Глазу.

— Зоркому Глазу?

— Антонио, или Зоркий Глаз, — так меня зовут, — объяснил Индеец. — До завтра, месье Дюбоск.

Симон повиновался. Когда все вокруг вверх дном, может, и лучше послушаться совета человека, которого первый раз видишь, краснокожего по имени Зоркий Глаз.

Покончив с ужином, он просмотрел дневную газету. Новости были отовсюду и самые ужасающие. Сообщалось, что Саутгемптон и Гавр блокированы, что английский флот застрял в Портсмуте. Закупоренные в своих устьях реки выходили из берегов. Везде царило смятение, сообщение было прервано, порты занесены песком, корабли выброшены на берег. Торговля прекратилась, царили разруха, голод, отчаянье. Власти демонстрировали бессилие, правительства — растерянность.

Поздно ночью Симон наконец забылся беспокойным сном.

Часа через два ему привиделось, будто дверь комнаты открылась, он вспомнил, что не запер ее на засов. Легкие шаги прошелестели по ковру. Затем ему почудилось, что кто-то наклонился к нему. Это была женщина. Он почувствовал на своем лице свежее дыхание, и в темноте еле угадал быстро удаляющуюся тень.

Симон попытался зажечь свет. Безрезультатно.

Тень исчезла. Была ли это освобожденная им девушка? Но зачем она приходила?

8. На троне войны

В четыре часа утра на улицах было безлюдно. Только изредка мимо разрушенных домов и разбитых тротуаров проезжали повозки зеленщиков. Вдруг из-за угла вывернул небольшой отряд. Симон сразу узнал ехавшего во главе всадника на рослом жеребце — это был Мезозой в своем засаленном цилиндре и черном сюртуке, полы которого свисали с обеих сторон. К его седлу были приторочены туго набитые тюки.

Следом ехали Антонио Зоркий Глаз и другой всадник, каждая лошадь тоже была нагружена тяжелыми тюками. За всадниками шли трое пеших, и один из них вел лошадь в поводу. Смуглые и длинноволосые, они были одеты примерно так же, как и Зоркий Глаз: мягкие гетры с кожаными кисточками, замшевые штаны, фланелевые пояса, широкополые фетровые шляпы с яркими лентами. Эта разношерстная компания в пестрых лохмотьях смотрелась весьма колоритно: цирковые ковбой соседствовали с краснокожими из романов Фенимора Купера и искателями приключений Гюстава Эмара. Ружья за спиной, револьверы и кинжалы за поясом.

— Ну и ну! — воскликнул Симон. — Самая настоящая военная экспедиция! Значит, мы отправляемся к дикарям?

— Мы отправляемся туда, — со всей серьезностью ответил Антонио, — где никто не живет, нет никаких постоянных дворов, зато встречаются пришельцы не менее опасные, чем дикие звери, так что мы взяли с собой припасы на два дня: провиант для нас, овес и фураж для лошадей. Это наш отряд. Братья Маццани, старший и младший. Форсетта. Мезозой. Там на лошади мой закадычный друг. А это для вас — Орlando III, почти чистокровный конь, сын Грасиоса и Чикиты.

Индеец вывел вперед статного длинноногого скакуна, нетерпеливо прядавшего ушами.

Симон прыгнул в седло. Происходящее нравилось ему все больше.

— А вы, мой дорогой учитель, — обратился он к Мезозою, — вы тоже с нами?

— Я опоздал на поезд и, вернувшись в гостиницу, встретил Зоркого Глаза, который предложил присоединиться к экспедиции. Я как представитель науки буду отвечать за геологические, географические, орографические, стратиграфические, палеонтологические и другие наблюдения. Так что дело для меня найдется.

— Тогда в путь! — скомандовал Симон.

Он занял место во главе кавалькады рядом с Антонио и спросил:

— Скажите, откуда все-таки родом ваши товарищи? Да и вы сами, Зоркий Глаз? Даже если и не перевелись еще потомки краснокожих, едва ли они расхаживают по Европе. Признайтесь, что вы специально переоделись и загримировались.

— Не совсем так. И я и они, мы действительно родом из Америки. Я внук одного из последних индейских вождей, Длинного Карабина, который выкрал внуку канадского охотника и женился на ней. А моя мать мексиканка. Как видите, даже несмотря на смешение кровей, мои корни не вызывают сомнений.

— Понятно. Но здесь-то вы как оказались? Я никогда не слышал, чтобы английское правительство поддерживало потомков сиу или могижан.

— На английском правительстве свет клином не сошелся.

— Что вы хотите сказать?

— Что есть такие заведения, которые заинтересованы в том, чтобы мы не исчезли.

— Вот как! Например?

— Киностудии.

Симон хлопнул себя по лбу.

— Глупец! Как я об этом не подумал? Так значит, вы...

— Да, всего-навсего актеры. Снимаемся в фильмах о Диком Западе, прериях, ковбоях и бандитах.

— Так вот в чем дело! — воскликнул Симон. — Наверняка я видел вас на экране. Равно как и... я только сейчас понял, что, кажется, видел в кино и прекрасную Долорес. Но что же вы делаете в Европе?

— Меня пригласила английская киностудия, и я взял с собой нескольких своих товарищей, в чьих жилах течет кровь краснокожих, мексиканцев и испанцев. Но лучший из них — остальные, должен признаться, личности весьма ненадежные, и я настоятельно рекомендую вам остерегаться синьора Форсетту и братьев Маццани, — так вот, месье Дюбоск, лучший из них позавчера пал от руки Ролстона. Я любил Бадьяриноса, как родного отца, и поклялся отомстить за него. Вот так.

— Зоркий Глаз, внук Длинного Карабина, мы отомстим за вашего друга, — пообещал Симон, — но Ролстон тут ни при чем.

Симон как опытный авиатор и мореход прекрасно ориентировался на местности и никогда не расставался с компасом, он играючи мог добраться до пункта назначения, почти безошибочно определив широту и долготу. Он взял курс прямо на юг, подсчитав, что им предстоит преодолеть километров пятьдесят, если ничто не заставит их отклониться в сторону.

Небольшой отряд отправился в путь. Оставив слева хребет, вдоль которого Симон двигался накануне, они почти сразу вышли на гряды невысоких дюн, возвышавшихся над бескрайними полями желтоватого ила, покрытого сетью маленьких ручейков. Этот речной ил унесло далеко от берега.

— Превосходные аллювиальные отложения, — отметил Мезозой. — Со временем ручьи сольются в речки, а песок смешается с почвой.

— Через пять лет там, где некогда было морское дно, мы увидим пасущихся коров, — подхватил Симон, — а через десять здесь проложат железную дорогу и возведут роскошные отели.

— Возможно, но пока все не так радужно. Взгляни на эту заметку из вчерашней газеты. Во Франции и Англии страшная разруха. Общественная и экономическая жизнь замерла. Ничего не работает. Письма и телеграммы доходят через раз. Люди в растерянности, отовсюду звучат самые невероятные предположения. Не счесть тех, кто лишился рассудка или покончил с собой. А сколько преступлений! Орудуют как преступники-одиночки, так и банды, а мародеры грабят магазины и церкви. Полный мрак и хаос.

Нанесенный течениями ил выступил наружу, но слой его был не слишком толстым, и путники сочли безопасным пойти прямо по нему. Судя по следам, кто-то уже проходил и здесь, и по влажному песку дон. Отряд миновал остов корабля, вокруг которого какие-то люди разбили лагерь. Одни ломали корпус судна, другие пробирались внутрь по развороченной дымовой трубе, третьи крушили молотком деревянную обшивку. Они разыскивали уцелевшие ящики с провизией. Тут же, сидя прямо на обломках, их ждали измученные, одетые в лохмотья женщины. Рядом бегали и играли дети, в толпе бродил торговец с бочонком пива на спине — первый признак зарождающегося общественного устройства, а две девушки за nasкорo сколоченным прилавком продавали чай и виски.

Вдалеке виднелся еще один лагерь, а кругом блуждали бродяги и группки людей, так же как и наши герои, отправившиеся на разведку.

— Невероятно! — воскликнул Симон. — Перед нами простирается прерия, полная загадок и опасностей. Мы ступили на тропу войны, и ведет нас краснокожий.

Два часа они шли в хорошем темпе. Прерия представляла собой волнистую равнину, где ил чередовался с песком и мелкие ручейки неуверенно пытались проложить русло. Над их головами, будто потолок, висел густой, неподвижный туман.

— Это же самое настоящее чудо, мой дорогой Мезозой! — восторгался Симон, пока они шли по длинной тропе из мелкой гальки, которая вилась перед ними, словно дорожка в парке, петляющая между лужайками. — Такое приключение — это чудо! Кошмарное, конечно, учитывая все катаклизмы, нечеловеческие страдания, потери и смерти, но в то же время это самое потрясающее и невероятное приключение, о каком можно только мечтать в молодости. Это что-то немыслимое!

— Вот именно, немыслимое, — согласился Мезозой, поглощенный своими научными изысканиями. — То, что здесь оказалась эта галька, в самом деле, как ты говоришь, немыслимо! Кстати, взгляни на рыбин с золотистой чешуей, которые лежат вон там кверху брюхом...

— Да-да. Начало новой эры не может обойтись без жертв. Я всматриваюсь в будущее, как иной раз всматриваешься в неизведанные дали, и вижу... О, что я вижу! Чего там только нет! Самая настоящая драма: безумства, страсть, ненависть, любовь, жестокость, великодушие! Мы на пороге новой эпохи, нас распирает энергия, и жажда действий пьянит, как крепкое вино.

Восторженность Симона утомила Мезозоя.

— Да ты с ума сошел со своим Фенимором Купером, мой мальчик! И стал слишком болтливым, — сказал он и с ворчанием отъехал в сторону.

Однако Симон был в трезвом уме. Его переполняла кипучая энергия, и после вчерашних событий его снова тянуло на подвиги.

Всеми его помыслами владел образ Изабель. Он не думал о цели их экспедиции или охоте за сокровищем. Он непременно разыщет драгоценную миниатюру, спрятанную в складках пледа. Ролстон? Его шайка мерзавцев? Удары кинжалом в спину? Выдумка, страшный сон! Настоящая только Изабель. Единственным его желанием было снискать славу рыцаря, сражающегося ради любви своей Прекрасной Дамы.

По пути попадались остовы кораблей, но вокруг них уже не было ни лагерей, ни людей в поисках добычи — одни лишь редкие бродяги, как будто все остальные боялись слишком удаляться от берега. Поверхность становилась все более неровной, она, как объяснил Мезозой, состояла из бывших песчаных пластов, которые сдвинулись от подземных толчков и смешались с осадочными породами. Отряду приходилось огибать бесформенные бугры, пока еще не обработанные временем, которое все упорядочивает, утрясает, всему придает устойчивый вид.

Они пересекли окруженное невысокими холмами мелкое прозрачное озерцо, дно которого было усыпано белыми камешками. Затем спустились по ущелью между двумя крутыми склонами, покрытыми илом, по камням струилась вытекающая из озерца вода. Едва они вышли из ущелья, как лошадь индейца отскочила в сторону, едва не сбив стоявшего на коленях человека с залитым кровью лицом, который стонал и корчился от боли. Рядом лежал еще один, его остекленевший взгляд был обращен к небу.

Антонио и Симон мигом спешили. Раненый поднял голову, и Симон воскликнул:

— Да я же его знаю! Это Уильям, секретарь лорда Бейкфилда. И второй мне тоже знаком, это Чарли, камердинер лорда. На них напали. Уильям, что произошло? Это я, Симон Дюбоск.

— Бейкфилд... Лорд Бейкфилд... — с трудом пробормотал тот в ответ.

— Что с вами случилось, Уильям?

— Вчера... вчера...

— Ясно, на вас напали вчера. Кто это был?

— Ролстон...

Симон вздрогнул.

— Ролстон! Это он убил Чарли?

— Да... А меня ранил... Всю ночь я звал на помощь. И тут появился еще один...

— На вас снова напали, не так ли? — продолжил за него Антонио. — Но на этот раз какой-то бродяга, вознамерившийся вас обокрасть. А когда он услышал, что мы приближаемся, то ударил вас и сбежал, да? Тогда он не мог далеко уйти.

— Там... туда... — запинаясь, проговорил Уильям и слабо махнул рукой.

Индеец указал на следы, которые уходили влево, к склонам холмов.

— Он пошел туда.

— Я догоню его, — сказал Симон, вскочив в седло.

— Но зачем он нам? — удивился индеец.

— Надо же наказать этого мерзавца!

Симон пустил коня галопом. К нему присоединился один из товарищей индейца, тот, что ехал на лошади и чье имя он так и не узнал. Очень скоро они увидели, как шагах в пятистах перед ними, на вершине холма из-за валунов поднялся человек и бросился наутек.

Через пару минут Симон добрался до его убежища и воскликнул:

— Я его вижу! Он огибает озерцо. Вперед, мы его перехватим!

Симон спустился по другому склону и направил коня прямо в воду. Слой ила на дне был такой толстый, что оба всадника с трудом продвигались вперед. Когда они выбрались на противоположный берег, беглец увидел, что преследователей всего двое, развернулся, вскинул ружье и прицелился.

— Ни с места, или буду стрелять! — крикнул он.

Но Симон, скакавший во весь опор, не сумел так быстро остановиться. Когда прогремел выстрел, их с убийцей разделяло не более двадцати метров. Второй всадник ринулся вперед и поднял лошадь на дыбы, заслонив Симона. Пуля попала лошади в брюхо и сразила ее наповал.

— Вы спасли мне жизнь, благодарю вас! — воскликнул Симон, отпустив повод и спешившись, чтобы помочь товарищу.

Тому пришлось несладко: бывшаяся в агонии лошадь придавила его и в любую секунду могла ударить копытом. Симон с трудом вызволил своего спасителя, который даже не пытался помочь ему, — как оказалось, он потерял сознание.

— Надо же, — удивился про себя Симон, — обычно эти ребята не лишаются чувств, упав с лошади.

Он опустился на колени, увидел, что бедняга еле дышит, расстегнул несколько пуговиц на груди и был ошарашен. Только тут Симон впервые всмотрелся в своего товарища: прежде в широкополой шляпе он был неотличим от остальных индейцев из отряда, теперь же шляпа слетела с его голо-

вы. Под ней был повязан оранжевый шелковый платок, который Симон проворно снял. Показались черные кудри.

— Девушка, — пробормотал он. — Долорес...

Его глазам вновь предстала ослепительная красота, к которой то и дело возвращались его мысли вот уже два дня. Он испытывал чистое восхищение без примеси сторонних чувств. Восхищение это столь явно читалось в его взгляде, что не ускользнуло и от очнувшейся девушки. Она улыбнулась.

— Мне уже лучше, просто закружилась голова.

— Вам не больно?

— Нет, я привыкла ко всяким происшествиям. На съемках частенько приходится падать с лошади. Она мертва? Как жаль!

— Вы спасли мне жизнь, — сказал Симон.

— Теперь мы квиты.

Серьезное выражение шло к ее лицу, не лишенному строгости. Есть такие красивые лица, в которых парадоксальным образом сочетаются страсть и целомудренность, благородство и чувственность, задумчивость и дерзость.

— Это вы заходили в мою комнату? — вдруг спросил ее Симон. — Сначала днем, а затем прошлой ночью?

— Да, — покраснев, призналась она.

И добавила, упреждая дальнейшие расспросы Симона:

— Я беспокоилась о вас. В городе и в отеле орудовали убийцы. Я должна была позаботиться о своем спасителе.

— Благодарю вас, — повторил он.

— Не стоит благодарности. Я сама не понимаю, что со мной творится вот уже два дня... Но вы совсем не похожи на других мужчин! Простите, я не должна так говорить.

Она протянула к нему руку, но вдруг замерла, внимательно прислушалась и быстро привела себя в порядок, убрав волосы под платок и надев шляпу.

— Это Антонио, — ее голос чуть изменился. — Должно быть, услышал выстрел. Не говорите ему, что вы меня узнали.

— Почему? — удивился Симон.

— Так будет лучше, — слегка смутившись, ответила она. — Антонио привык командовать. Он запретил мне ехать с вами. И заметил меня, лишь представляя троих индейцев. Поэтому прошу вас...

Она не успела закончить фразу. На гребне показался всадник. Когда он подъехал, Долорес уже успела отвязать свои мешки и теперь навьючивала их на коня Симона. Антонио не задал ни единого вопроса, и никто не стал объяснять, что произошло. Увидев мертвую лошадь, он мигом восстановил ход событий и обратился к девушке по имени, вероятно, чтобы показать, что ей не удалось его провести.

— Ты поедешь на моей лошади, Долорес.

Почему он с ней на “ты”? Простая фамильярность, или так мужчина, столкнувшись с соперником, заявляет свои права — или притязания — на женщину? Он не приказывал, но Симон заметил, что в глазах обоих сверкнули ярость и вызов. Однако ему некогда было выяснять скрытые мотивы Долорес и Антонио, куда больше его волновало произошедшее с секретарем Уильямом.

— Он что-нибудь еще сказал? — спросил он шедшего рядом с ним Антонио.

— Нет, не успел, он умер.

— Как жаль! Значит, вы ничего не узнали?

— Нет.

— Что вы обо всем этом думаете? Уильяма и Чарли отправили к “Королеве Марии” лорд Бейкфилд и его дочь? Отправили мне на подмогу, чтобы найти пропавшую реликвию? Или же они оказались здесь по собственному почину?

Тем временем они вышли к остальным. Мезозой, перебирая ракушки, читал лекцию по геологии трем индейцам. Все трое спали.

— Лошадям нужен отдых, — сказал Антонио Симону. — Давайте я пойду вперед и буду бросать за собой белые камешки — они укажут вам дорогу. Вы отправитесь в путь через час. Поезжайте рысью, мои товарищи побегут следом.

Он уже отошел на несколько шагов, как вдруг вернулся, отвел Симона в сторону и сказал, глядя ему в глаза:

— Остерегайтесь Долорес, месье Дюбоск. Она из тех женщин, которых стоит остерегаться. Я видел немало мужчин, потерявших из-за нее голову.

Симон улыбнулся и, не удержавшись, предположил:

— Вероятно, Зоркий Глаз — один из них.

— Остерегайтесь ее, месье Дюбоск, — повторил индеец, словно вложив в эту фразу все, что он думал о Долорес, и ушел.

Перекусив, Симон прилег и выкурил несколько сигарет. Долорес сидела на песке и распарывала швы на своих широких брюках, чтобы потом смастерить из них что-то вроде юбки.

Через час, когда Симон уже собрался двинуться дальше, внимание его привлекли громкие голоса.

Поодаль друг напротив друга стояли Долорес и Форсетта, один из трех индейцев, и ругались на языке, которого Симон не понимал, а братья Маццани смотрели на них и ухмылялись.

Долорес стояла с гордо поднятой головой, скрестив руки на груди и не двигаясь с места. Индеец, наоборот, бурно жестикулировал, гримасничал и сверкал глазами.

Вдруг он обхватил ее обеими руками, притянул к себе и попытался поцеловать.

Симон вскочил на ноги, но не успел вмешаться: Форсетта мигом отпрянул, стоило кинжалу Долорес коснуться его горла. Она так и продолжала стоять, уперев рукоять себе в грудь и угрожающе выставив вперед клинок.

Тем дело и кончилось. Индеец отошел, что-то бурча себе под нос. Ничего не заметивший Мезозой атаковал Симона новой порцией рассуждений про свой любимый разлом, тогда как Симон, глядя на Долорес, которая подтягивала подпругу лошади, только подивился про себя: “Какая муха их всех укусила?”.

Но он не стал тратить время на прояснение этого вопроса.

Отряд настиг Антонио лишь спустя три часа. Склонившись над землей, тот изучал следы.

— Что же, — сказал он Симону, поднимаясь, — я обнаружил тринадцать пар отпечатков, но все эти люди точно путешествовали независимо друг от друга. Помимо тринадцати бандитов — надо быть не робкого десятка, чтобы отправиться сюда, — ранее здесь прошли два небольших отряда. Сначала четверо всадников, затем, несколько часов спустя — точнее сказать не могу, — семеро пеших, и это точно банда Ролстона. Вот, смотрите, отпечаток рифленой каучуковой подошвы.

— Да, действительно, — ответил Симон, узнав отпечаток, который он уже видел два дня назад. — И что это значит?

— Значит, Ролстон и все остальные — как отдельные путники, так и отряды, направляются к “Королеве Марии”, последнему из больших судов, затонувших поблизости. Подумайте только, какая добыча для мародеров!

— Тогда вперед, — поторопил Симон, обеспокоившись при мысли, что он может не выполнить поручение Изабель.

Постепенно к этим отпечаткам присоединились еще пять отдельных цепочек следов, тянувшихся с севера — из Истборна, как предположил индеец. В итоге они так перемешались, что Антонио сбился со счета. Однако отпечатки каучуковых подошв и следы четырех лошадей время от времени проступали то здесь, то там.

Путники всё шли и шли. Вокруг простирались равнины, песчаные дюны, иловые поля, речушки, мелкие озера, которые остались от схлынувшего моря и где нашли убежище целые стаи рыб. Однообразный пейзаж не поражал ни красотой, ни величием, однако была в нем некая необычность, присущая всему, доселе невиданному и незавершенному.

— Мы уже близко, — сказал Симон.

— Да, — подтвердил индеец, — следы сходятся здесь со всех сторон, а некоторые наверняка принадлежат бродягам, возвращающимся с добычей на север.

Было уже четыре часа пополудни. Ни один солнечный луч не пробивался сквозь толщу неподвижных облаков. Крупные дождевые капли падали на землю. Отряд слышал рев самолета — впервые кто-то пролетал над неизведанной землей. Они двигались вдоль цепочки холмов, как вдруг показалось нечто огромное. Это была “Королева Мария”, переломившаяся пополам, как детская игрушка.

Нельзя представить себе зрелище более плачевное и жуткое, чем эти безжизненные половины одного некогда могучего целого, они олицетворяли собой разрушение и гибель. Вокруг остова корабля не было ни души.

Симон был потрясен, увидев, во что превратился огромный корабль, крушению которого он стал свидетелем. Приближаясь к нему, он испытывал священный ужас, сродни тому, с каким входят в усыпальницу, населенную духами близких людей. Он хорошо помнил трех пасторов, французскую семью и капитана. И вздрогнул, мысленно вернувшись в ту минуту, когда, движимый любовью, он решительно бросился в пучину вместе с Изабель.

Отряд остановился. Симон оставил свою лошадь индейцам и вместе с Антонио пошел дальше пешком. Он спустился по крутому песчаному склону, в котором застряла корма корабля, ухватился обеими руками за канат, висевший вдоль судового руля, и, упираясь ногами, через несколько секунд забрался на палубу.

Хотя судно сильно накренилось на правый борт, а пол был грязным и скользким, Симон бросился туда, где они когда-то сидели с мисс Бейкфилд. Скамьи там уже не было, но железные перекладки остались на месте, и плед, который девушка прикрепила на одну из них, тоже никуда не делся: тяжелый от пропитавшей его воды, аккуратно сложенный — будто и не было никакого кораблекрушения — и перехваченный уцелевшим ремешком.

Симон, как прежде Изабель, просунул руку между мокрыми складками. Ничего не нащупав, он хотел растегнуть ремешок, но кожа распухла, и застежка не поддавалась. Тогда, достав нож, он разрезал ремешок и развернул плед. Украшенной жемчугом миниатюры и след простыл.

На ее месте английской булавкой был приколот листок бумаги.

Симон развернул его. Послание, в спешке набросанное Изабель, явно было адресовано ему:

Я надеялась увидеть Вас. Получили ли Вы мое письмо? Мы провели здесь ночь — до чего жуткое место! — и скоро двинемся дальше. Мне не по себе. Кажется, нас кто-то преследует. О, если бы Вы только были здесь!

— Боже мой! — пробормотал Симон.

Он показал записку подошедшему Антонию.

— Мисс Бейкфилд! — воскликнул Симон. — Она провела здесь ночь вместе со своим отцом, и они отправились дальше. Но куда? Как мне их защитить?

Индеец прочитал послание и задумчиво сказал:

— Они направились не на север. Я бы заметил их следы.

— Тогда куда же?

— Не знаю.

— Но это чудовищно! Антонию, представьте себе только, в какой они опасности! Подумайте о Ролстоне, который их преследует! Об этом диком крае, наводненном бандитами и мародерами! Какой ужас!

Часть вторая *No man's land*¹

1. На разбитом судне

Начавшаяся как яркое, веселое приключение, экспедиция походила теперь на жуткую трагедию. Какие уж тут индейцы из кино, ковбои из цирка, увлекательные открытия в сказочных странах! Путникам грозили подлинные опасности, вокруг орудовали разбойники, которым некому было воспрепятствовать. Что могли сделать Изабель и ее отец, попадись они к этим бандитам?

— Боже милостивый! — воскликнул Симон. — Как неблагоприятно со стороны лорда Бейкфилда отправиться в такое опасное путешествие. Антонию, но ведь горничная сказала вам, что лорд Бейкфилд уехал на поезде в Лондон с женой и дочерью.

— Она неправильно поняла, — сказал индеец. — На вокзал он проводил леди Бейкфилд, а в путешествие отправился с мисс Бейкфилд.

— Без всякого сопровождения?

— Он взял с собой еще двоих. Мы видели следы четырех всадников.

1. Ничейная земля (англ.).

— Какая неосторожность!

— Да, неосторожность. В том перехваченном письме мисс Бейкфилд сообщила вам об их отъезде, рассчитывая, что вы придете на помощь. Кроме того, лорд Бейкфилд приказал своему секретарю Уильяму и слуге Чарли следовать за ними. Именно так эти двое несчастных и оказались в руках Ролстона и его сообщников.

— Этих бандитов я и опасюсь, — сказал Симон с тревогой в голосе. — Удалось ли лорду Бейкфилду и Изабель ускользнуть от них? Успели ли они уехать прежде, чем явились головорезы Ролстона? Как узнать это? Где искать следы?

— Здесь, — сказал Антонио.

— На этом пустом разбитом судне?

— Там внутри наверняка полно народу. Для начала давайте спросим у того мальчишки, что не сводит с нас глаз.

Бледный и худой, вороватого вида парнишка стоял, опершись на сломанную мачту, засунув руки в карманы, и курил огромную сигару.

— Любимые гаванские сигары лорда Бейкфилда, — пробормотал Симон. — Где ты их стащил? — спросил он мальчишку.

— Почему сразу стащил? Ничего я не стащил. Честное слово Джима — так меня звать. Мне ее дали.

— Кто?

— Отец.

— Где он?

— Да вот, слышите?

Они прислушались. Из глубины остова доносился звук, похожий на размеренный стук молотка.

— Это папаша колошматит, — ухмыльнулся мальчишка.

— А ну скажи, видел ты здесь пожилого джентльмена и девушку верхом на лошадях? — спросил Симон.

— Ничего не знаю, — ответил тот развязно, — спрашивайте у отца.

Симон с Антонио стали спускаться по лестнице, которая вела в каюты первого класса. Шедший впереди Симон вдруг обо что-то споткнулся и чуть было не упал. При свете карманного фонарика он разглядел труп женщины. Ее распухшее лицо сложно было узнать. По одежде Симон распознал в ней ту француженку, что была на судне с мужем и детьми. Наклонившись, он увидел, что левое ее запястье отрублено, а на правой руке не достает двух пальцев.

— Несчастная! Мерзавцы не смогли снять с нее кольца и браслеты и покалечили, — пробормотал он и добавил: — Страшно подумать, что Изабель этой ночью была здесь, в этом аду!

Они шли на стук молотка. За поворотом они увидели мужчину. В руках он держал огромную кувалду и яростно колотил ею по стене каюты. Тусклый свет, проникающий через прозрачные стекла потолка, осветил бледное и злобное лицо самого отвратительного злодея, которого только можно себе представить: налитые кровью глаза-щелочки и лысый череп, с которого стекали крупные капли пота.

— Прочь отсюда! Выберите себе другое место. Добра на всех хватит.

— Папаше не до разговоров, — раздался мальчишеский голосок.

Мальчишка пошел за ними и теперь стоял тут, насмешливо пуская огромные клубы дыма.

Антонио протянул ему купюру в пятьдесят франков:

— Ты что-то знаешь, Джим, ну-ка говори!

— Ладно, ответил мальчишка. Я начинаю понимать, о чем вы толкуете. Пошли!

И он куда-то повел Симона и Антонию. Теперь они шли другими коридорами, впрочем, такими же разоренными. В каждой закутке орудовали мародеры со злобными лицами. Они ломали, крушили, грабили все на своем пути. Забирались во все углы, ползали по полу в темноте в поисках добычи. Даже если не было золота или серебра, хватали бронзовые или металлические предметы, которые можно было сбыть.

Они походили на хищников и стервятников, что кормятся на полях сражений. Об их жестокости свидетельствовали покалеченные тела, которых лишили колец, браслетов, часов, бумажников, мужских булавок и женских брошек.

Среди царящего кругом хаоса слышались крики и вопли, оканчивающиеся хрипом. То тут, то там по полу катались, сцепившись, мародеры — боролись не на жизнь, а на смерть.

Джим остановился около просторной каюты. В одной ее части на полу стояла вода, а чуть выше было сухо и находились почти сухие плетеные кресла.

— Здесь они провели ночь, — сказал Джим.

— Кто? — спросил Симон.

— Те трое всадников. Мы с отцом первыми оказались здесь. Я видел, как они прискакали.

— Но их же было четверо.

— Четвертый остался снаружи охранять лошадей. Трое остальных что-то вытащили из пледа — вы там тоже что-то искали, но не нашли, — потом поели и улеглись спать. Утром после их отъезда отец порывлся в каюте и нашел портсигар пожилого джентльмена.

— Значит, они уехали?

Джим молчал.

— Отвечай же! Они уехали на лошадях, прежде чем явились все эти головорезы, ведь так?

Джим протянул руку:

— Две купюры, — потребовал он.

Симону хотелось придушить его, но он протянул мальчишке деньги и вытащил револьвер:

— Говори!

Джим пожал плечами:

— Язык развязывают денежки, а не эта штука... Когда сегодня утром пожилой джентльмен собрался уезжать, он не нашел слугу, что охранял лошадей с той стороны, откуда вы поднялись на борт.

— А где же лошади?

— Испарились.

— Хочешь сказать, их украли?

— Терпение. Пожилой господин, его дочь и тот другой джентльмен, что сопровождал их, пустились на поиски и пошли по следам башмаков вдоль обломков судна. Следы привели их к левому борту “Королевы Марии”, туда, где увязла спасательная шлюпка. А я сидел там, на палубе, как сегодня, и наблюдал за всем, будто в кино. Так вот, позади спасательной шлюпки я увидел, как полдюжины молодчиков набросились на пожилого джентльмена. Командовал ими огромный амбал, вооруженный до зубов. Пожилой господин просто так не сдался. Началась стрельба, кто-то упал.

— Ну а после, после-то что? — прокричал Симон, задыхаясь.

— После? Понятия не имею. Это как в кино, начался новый эпизод. Пришел отец, которому я срочно понадобился, ухватил меня за шкурку и увел за собой. Так что конец фильма я проворонил.

Тут уже Симон ухватил мальчишку за шкурку, потащил вверх по лестнице и, подойдя к тому месту моста, откуда просматривалось вся палуба, спросил:

— Спасательная шлюпка там?

— Там.

Симон скатился вниз по килю и вместе с индейцем и Джимом побежал к спасательной шлюпке — она оторвалась от “Королевы Марии” во время шторма и валялась на песке метрах в двадцати от корпуса. Схватка случилась здесь. Еще видны были ее следы. В углублении показался труп одного из тех молодчиков.

Вдруг с другой стороны шлюпки послышался стон. Обойдя ее, Симон и индеец увидели согнувшегося в три погибели

молодого человека, голова его была повязана пропитанным кровью платком.

— Ролстон! — вскричал Симон и остановился в растерянности. — Эдвард Ролстон!

Тот самый Ролстон, которого все обличало, который и заварил всю эту кашу, нанял в Гастингсе банду мерзавцев, чтобы те отыскиали миниатюру Изабель на затонувшем корабле! Ролстон — убийца дяди Долорес, убийца Уильяма и Чарли! Ролстон — преследователь Изабель!

И все же Симона терзали сомнения. Чтобы не допустить скорой расправы, он схватил индейца за руку:

— Подождите, Антонио. Вы уверены, что это он?

Оба замолчали на несколько секунд. Симон полагал, что участие Ролстона в стычке неопровержимо доказывает его вину. Но тут вдруг Антонио сказал:

— Это не тот, кого я видел в отеле.

— Я был уверен в этом, — облегченно вздохнул Симон. — Даже если все говорило против него, я не мог допустить...

Он кинулся к другу:

— Ты ранен, Эдвард? Ничего серьезного?

Ролстон пробормотал:

— Это вы, Симон? Я вас не узнал. Мутится в глазах.

— Тебе очень больно?

— Еще бы! Меня задела пуля, и вот с самого утра я тут, чуть живой. Но ничего, я выкарабкаюсь.

— А Изабель? Что с ней? — взволнованно спросил Симон.

— Я не знаю... не знаю... — еле выговорил Ролстон.

— Но ты-то как тут оказался?

— Я был с лордом Бейкфилдом и Изабель.

— Так это ты их сопровождал?

— Да, мы заночевали на судне... А утром на нас напали. Мы стали отступать, меня ранили, и я упал. Лорд Бейкфилд и Изабель вернулись к "Королеве Марии", где легче укрыться. Впрочем, в них Ролстон и его банда больше не стреляли.

— Ролстон? — повторил Симон.

— Мой кузен... мерзавец... на все способен... бандит, мошенник... сумасшедший! самый что ни на есть сумасшедший... пьянчуга...

— И внешне вы с ним очень похожи, не так ли? — переспросил Симон, понимая, что произошла путаница.

— Ну да.

— Ему была нужна миниатюра?

— Да, но есть еще одна причина.

— Какая?

— Он влюблен в Изабель. Он просил ее руки, когда еще не пал так низко. Лорд Бейкфилд указал ему на дверь.

— Какой ужас! Что, если Изабель сейчас в руках этого негодяя? — пробормотал Симон.

— Спасите ее, Симон! — проговорил обессиленный Эдвард.

— Но как же ты, Эдвард? Мы не можем оставить тебя тут.

— Спасите сначала ее. Он поклялся отомстить лорду Бейкфилду и заполучить любой ценой Изабель.

— Но что делать? Где ее искать? — воскликнул с отчаяньем Симон.

В этот момент показался запыхавшийся Джим. За ним спешил человек, в котором Симон узнал слугу лорда Бейкфилда.

— Это тот слуга! — кричал Джим. — Тот, что охранял лошадей! Я нашел его в скалах. Он там лежал связанный... вон там, видите?

— Где мисс Бейкфилд? — прервал его Симон.

— Ее похитили вместе с лордом Бейкфилдом, — ответил слуга.

Симон содрогнулся.

— Это банда Ролстона, — продолжил слуга, — Уилфреда Ролстона. Сегодня на рассвете, когда я седлал лошадей, он подошел ко мне и спросил, здесь ли еще лорд Бейкфилд. Потом, не дожидаясь ответа, он и его дружки отволокли меня к скалам. И там принялись обсуждать план нападения на моих господ. Присутствие мое их не смущало, и они свободно переговаривались между собой. Так я узнал, что они напали на Уильяма и моего товарища Чарли, которые шли нам на подмогу и, вероятно, убили их. Узнал еще, что Ролстон задумал оставить мисс Бейкфилд заложницей, а лорда Бейкфилда отправить в Париж за выкупом. Потом они ушли. Прогремели два выстрела. И вскоре бандиты привели связанных милорда и мисс Бейкфилд.

— В котором часу это случилось? — дрожа от нетерпения, спросил Симон.

— Часов в девять.

— Значит, они опережают нас на целый день?

— Вовсе нет. В нашей дорожной поклаже оставалась провизия. Сначала они поели, выпили, потом завалились спать. И только в два часа пополудни, привязав милорда и мадемуазель ремнями поперек седел, увезли их.

— В каком направлении?

— Туда, — показал слуга.

— Антонио, — воскликнул Симон, нужно догнать их, пока не стемнело. Люди Ролстона идут пешком. Три часа галопом, и они в наших руках.

— Лошади порядком устали, — воспротивился индеец.

— Пусть мы их загоним, но все равно настигнем злодеев!

Симон дал указания слуге:

— Спрячьте мистера Эдварда на корабле, позаботьтесь о нем и не оставляйте его одного. Джим, я могу на тебя рассчитывать?

— Да.

— А на твоего отца?

— Ну, если хорошо попросить.

— Он получит пятьдесят фунтов, если не позднее чем через два дня раненый окажется в Брайтоне.

— Сто и ни пенсом меньше, — отрезал Джим.

— Сто фунтов, идет.

В шесть часов вечера Симон и Антонио вернулись на стоянку индейцев. Они быстро оседлали лошадей, и тут к ним подбежал Мезозой, который прохаживался неподалеку, с криком:

— Мой разлом, Симон! Тот, что я обнаружил в Мароме и около Дьеппской отмели, который явился причиной катаклизма! Мы сейчас прямо над ним! Клянусь! Пойдем, я покажу тебе. Тут весьма характерное сочетание эоцена и плиоцена. Ты меня слушаешь, черт возьми?!

Симон бросил на него яростный взгляд и резко ответил:

— Сейчас нет времени на болтовню!

— Что ты говоришь? — пробормотал ошеломленный Мезозой.

— Оставьте, говорю, меня в покое!

Симон вскочил в седло.

— Вы со мной, Антонио?

— Да. Мои друзья пойдут по нашему следу. По дороге я буду оставлять им опознавательные знаки и надеюсь, что уже завтра мы воссоединимся.

Но не успели они отъехать, как их догнала Долорес.

— Нет, — сказал Антонио, — ты сопровождаешь остальных. Профессор не сможет долго идти пешком.

Долорес ничего не ответила.

— Ты остаешься с ними. Это приказ, — сурово повторил индеец.

Но Долорес пустила лошадь рысью и догнала Симона.

Больше часа они ехали на юго-восток, а значит, в сторону Франции. Индеец был с ним согласен.

— Корма для лошадей хватит только до завтрашнего вечера, да и воды у нас немного, поэтому сейчас важно двигаться к побережью.

— Мне все равно, что будет завтра, — ответил Симон.

Они продвигались медленнее, чем ожидалось. И без того не слишком резвые лошади теряли последние силы. Ко всему

прочему, время от времени приходилось останавливаться и разбираться в путанице следов на влажном песке или отыскивать их на каменистой почве. Каждое такое промедление выводило Симона из себя.

Вокруг простирался тот же пейзаж, что они видели в самом начале пути, однообразный, унылый, с небольшими холмами и остовами затонувших кораблей. То и дело им попадались бредущие в разные стороны люди. Антонио обращался ко всем с одним и тем же вопросом. Наконец кто-то сообщил им, что повстречал двух всадников и четырех пеших, те вели двух лошадей, к седлам которых были привязаны мужчина и женщина с длинными светлыми волосами, свисавшими до земли.

— Как давно вы их видели? — спросил Симон охрипшим голосом.

— Не больше часа назад.

Симон прищипорил лошадь и, наклонившись, чтобы не терять из виду след бандитов, помчался галопом. Антонио еле поспевал за ним, а Долорес, ровно держась в седле, с устремленным вперед взглядом и сосредоточенным лицом, не отставала от него ни на шаг.

Тем временем день клонился к закату. Сгущающиеся тяжелые тучи несли с собой ночь. Еще немного, и станет совсем темно.

— Мы их догоним. Непременно! — повторял Симон. — Я уверен, не пройдет и десяти минут, и мы их увидим...

В нескольких словах он рассказал Долорес все, что узнал о похищении своей невесты. Мысль о страданиях Изабель причиняла ему невыносимую муку. В его лихорадочном воображении она представлялась пленницей варвара, которую тот истязает для забавы. Голова ее волочится по земле, ударяется о камни. Он уже видел ее умирающей. Симону казалось, что он бежит наперегонки со смертью. Он так пристально всматривался в горизонт, что не услышал, как позади его резко окликнул индеец.

Долорес обернулась и спокойно сказала:

— Лошадь Антонио пала.

— Он догонит нас, — ответил Симон.

Постепенно пейзаж стал меняться. Вот уже некоторое время они ехали среди дюн с отвесными, будто срезанными ножом, склонами. Крутой склон привел их к длинной впадине, наполненной водой, по краям которой четко проступали следы похитителей. Они двинулись к противоположному берегу, где, как показалось им издалека, тоже виднелись следы.

Впадина была неглубокой, вода едва доходила лошадям до коленей. Когда они перешли ее на треть, Долорес подхлестнула лошадь Симона.

— Нужно торопиться, — сказала она. Посмотрите налево.

Равнина заполнялась растекавшейся пенным потоком водой. Вполне закономерно, поскольку после сильного землетрясения вода естественным образом стремилась заполнить низины. Поднималась она, впрочем, медленно, поэтому опасности не представляла. Однако лошадям становилось идти все труднее. Течение сносило их вправо, а противоположный берег отдалялся по мере наступления воды. Когда наконец Симон и Долорес вышли на берег новообразовавшейся реки, им пришлось подняться еще выше и направить лошадей между двумя холмами высохшего ила, усыпанными мозаикой из тысяч и тысяч ракушек.

Только через полчаса они взобрались на возвышенность, где вода не могла их настигнуть. Лошади отказывались идти дальше.

Сгущались сумерки. Как же выйти на след Изабель и ее похитителей? И как Антонио и его люди найдут их собственные следы, которые вода укрыла своим необъятным покрывалом.

— Мы отрезаны от остальных, — сказал Симон, — и неизвестно, когда сможем вновь воссоединиться.

— Не сегодня уж точно, — ответила Долорес.

— Да, не сегодня.

Этой ночью они были совершенно одни, в самом сердце таинственной земли.

Симон ходил взад и вперед, думая, какое принять решение, и заведомо зная, что оно все рано ни к чему не приведет. Долорес же расседлала лошадей, распаковала сумки и сказала:

— Провизии у нас достаточно, но нет воды: она осталась у Антонио.

И, расстелив конские попоны на земле, добавила:

— Будем спать здесь, Симон.

2. Путь вдоль кабеля

Симон устроился на ночлег рядом с Долорес. Поначалу он долго не мог уснуть, но тихое размеренное дыхание девушки постепенно успокоило его, и он погрузился в сон.

Когда он проснулся, было уже позднее утро. Долорес склонилась к протекавшей у подножия холма речке и умывала свои прекрасные руки и лицо. Потом неспешно вытерла руки насухо, старательно пригладила волосы и грациозным жестом перекинула их через плечо.

Увидев, что Симон пробудился, она наполнила стакан водой и поднесла ему:

— Вот, выпейте. Вода здесь пресная, кто бы мог подумать! Ночью я слышала, как пили лошади.

— Это вполне объяснимо, — сказал Симон. — В первые дни катаклизма речные воды растекались по всей поверхности вновь образованной земли, а потом собрались в один большой поток, который проложил новое русло. Судя по направлению и силе течения, можно предположить, что это воды французской реки, скорее всего Соммы, которые теперь должны впадать в море где-то между Гавром и Саутгемптоном. Если не...

Он говорил без особой уверенности. Небо затянули плотные низкие облака, и, не имея компаса, который так некстати остался у Антонио, он никак не мог сориентироваться. Еще вчера, бросившись на поиски Изабель, он никак не мог понять, в каком направлении они едут, теперь же, когда след был утерян, он окончательно сбился с пути.

Но тут Долорес нашла нечто, положившее конец его сомнениям. Осматриваясь вокруг, она заметила, что русло реки пересекает кабель, который раньше пролегал по дну моря.

— Замечательно! — сказал Симон. — Этот кабель, несомненно, тянется из Англии. Значит, если мы пойдем вдоль него, то окажемся во Франции. Наши враги наверняка туда и держат путь. Он укажет нам верное направление, а раз так, то рано или поздно что-нибудь уточнится.

— Франция далеко, — заметила Долорес, — а лошади наши и полдня пути не выдержат.

— Ну и ладно! — воскликнул Симон. — Пешком дойдем. Главное, поскорее добраться до французских берегов. В путь!

Метров через двести трос показался над водой, он был хорошо замечен на песчаной отмели, потом скрывался из виду и снова появлялся на очередной мели, словно тропинка, которая вьется среди холмов и видится путнику разрезанной на отдельные фрагменты.

— Он приведет вас прямиком в Дьепп, — сказал встретившийся им встречный путник-француз, которого расспросил Симон. — Я только что оттуда. Просто следуйте вдоль него.

Так они и ехали, не произнося ни слова. Молчаливая Долорес если что-нибудь и говорила, то лишь по необходимости. Казалось, она полностью погрузилась в собственные мысли, и заботили ее только лошади да мелкие дорожные нужды. Симон же как будто не замечал ее присутствия. Удивительное дело, он ни на минуту не ощущал неловкости или беспокойства от того, что обстоятельства соединили их — его, молодого человека, и ее, прекрасную девушку. Она оставалась ему безразлична, и странное предостережение Антонио

он успел позабыть. Конечно, он видел, что она ослепительно красива, временами с восхищением поглядывал на нее и порой даже чувствовал на себе ее взгляд, но все это совершенно не занимало его мысли. Он думал только об Изабель и об опасностях, которым она подвергалась.

Теперь эти опасности уже не казались такими страшными. Поскольку план Ролстона состоял в том, чтобы отправить лорда Бейкфилда за деньгами в Парижский банк, можно было предположить, что Изабель станет заложницей и с ней будут хорошо обращаться, по крайней мере до тех пор, пока Ролстон, получив выкуп, не выдвинет новых требований. Но к тому времени Симон уже должен оказаться рядом.

Характер местности, по которой они ехали, переменился совершенно: ни ила, ни песка, под ногами серое плато из слоистого камня. О том, чтобы найти здесь какие-то следы, нечего было и думать, даже железные подковы лошадей не оставляли отметин. Узнать что-то можно было разве что у путников, которые встречались по дороге.

Впрочем, встречались они все чаще и чаще. Шел уже третий день с того момента, как образовалась новая земля, и со всех сторон, из отдаленных уголков прибрежных провинций сюда сходились самые отчаянные смельчаки, головорезы, авантюристы, разбойники и проходимцы всех мастей. А из разрушенных городов тянулся поток обездоленных и голодающих, вперемишку с бежавшими из тюрем заключенными. Вооружившись ружьями и саблями, дубинами и косами, народец этот расхаживал повсюду, имея вид лихой и устрашающий. Таким людям достаточно было лишь бросить взгляд на встреченного незнакомца, чтобы понять, с кем они имеют дело, и приготовиться к нападению или обороне.

На расспросы Симона отвечали они неохотно и невнятно и сразу же удалялись.

— Связанная женщина? Группа всадников? Лошади? Нет, не видели.

Через два часа впереди показались трое путников в пестрых костюмах, за плечами они несли привязанные к палкам узелки. Не индейцы ли это из группы Антонио?

— Да, это Форсетта и братья Маццани, — пробормотала Долорес, а увидев, что Симон хочет их догнать, с нескрываемым отвращением сказала: — Не стоит рассчитывать на этих кретиннов, с ними каши не сварить.

Но Симон уже не слышал ее и, подъехав к индейцам, крикнул: — Эй, Антонио с вами?

Симон и Долорес спешили, а трое путников поставили тюки на землю. Форсетта, здоровенный амбал, сунул в карман

револьвер, который был у него в руке, и поздоровался с Симоном.

— А, это ты, Долорес? Антонио с нами нет. Мы его так и не встретили, клянусь вам, — лицо его скривилось в фальшивой улыбке.

— Выходит, вы с Маццани не нашли ничего лучше, как отправиться грабить суда? — сказал Симон, указав на их тюки.

— Почему бы нет, — ответил Форсетта вызывающе.

— А где же старый профессор, которого вам препоручил Антонио?

— Он потерялся, как только мы покинули “Королеву Марию”. Все искал ракушки, а мы пошли дальше.

Симон начал терять терпение, и Долорес поспешила вмешаться:

— Форсетта, Антонио нанял вас, мы работали вместе все четверо, и если уж вы согласились поехать с нами, чтобы отомстить за смерть дядюшки, то не имели права бросать его!

Индейцы с усмешкой переглянулись. Очевидно, такие понятия, как закон, клятва, обещание, дружба, совесть и честь, моральные нормы и правила приличия, потеряли для них смысл. Во всеобщей сумятице на новоявленной земле оказалось, что все это и гроша ломаного не стоит, имеет значение только удовлетворение собственной алчности.

Такая ситуация была для них в новинку, но они быстро и без лишних разговоров смекнули, какие выгоды сулит сложившееся положение дел.

Братья Маццани подхватили свои тюки, а Форсетта молча подошел к Долорес и пристально посмотрел на нее. Даже полуприкрытые веки не могли скрыть блеск его глаз. На лице было написано с трудом скрываемое яростное желание схватить ее прямо сейчас и увезти, сделав своей добычей, но на это он не решился.

Он отвел взгляд, поднял свой мешок и удалился вместе со своими приятелями.

Симон безмолвно наблюдал за происходящим. Он встретился взглядом с Долорес, и она, едва заметно покраснев, произнесла:

— Когда-то Форсетта считался надежным товарищем. Но дух диких прерий, как известно, действует на всех, и он не исключение.

Они шли по холмистой равнине, покрытой слоем засохших водорослей, растянувшимся на несколько километров и скрывавшим под собою кабель. Наконец Долорес предложила сделать привал и увела в сторону лошадей, чтобы они не мешали отдыхать Симону.

Он растянулся на земле и уже погружался в сон, как вдруг на него набросились, связали его по рукам и ногам и заткнули кляпом рот. Противостоять нападавшим он никак не мог и остался лежать совершенно беспомощный. Нападали же трое — коварно вернувшиеся индейцы.

Форсетта завладел его бумажником и часами, еще раз проверил надежность веревок, и, вдвоем с братьями Маццани, они, зарываясь в водоросли, поползли туда, где Долорес осталась приглядывать за лошадьми.

Симону оставалось только беспомощно наблюдать, как, позмеиному извиваясь, они приближались к Долорес, которая, повернувшись к ним спиной, рылась в дорожных сумках. Она и не подозревала об опасности. Напрасно Симон силился освободиться от стягивающих его веревок, напрасно пытался кричать — кляп не пропускал ни звука. Теперь ничто не могло помешать индейцам добиться желанной цели.

Младший из братьев оказался самым проворным, он ловко набросился на Долорес и сбил ее с ног. Маццани-старший вскочил верхом на одну из лошадей, другую схватил под узцы Форсетта и хрипло скомандовал победным тоном:

— Подними-ка ее, только карабин отбери... Вот так... Тащи сюда. Будем вязать...

Долорес перекинули через седло, но, как только Форсетта принялся отвязывать веревку, которая была намотана у него вокруг пояса, девушка уперлась в шею лошади, выпрямилась и, высвободив руку, со всей силы вонзила кинжал в грудь младшего Маццани. Тот обмяк и завалился на Форсетту, который, очутившись, собрался было принять бой, но перед ним уже стояла Долорес, целясь в него из своего карабина, который успела подобрать.

— Убирайся! — сказала она. — И тебя, Маццани, чтоб здесь больше не было.

Маццани повиновался и пустил лошадь во весь опор. Форсетта со злобным выражением лица медленно пятился назад, уводя с собой вторую лошадь.

— Отпусти коня, Форсетта, — приказала Долорес. — И живо... Иначе застрелю.

Он выпустил повод из рук, а пройдя еще шагов двадцать, развернулся и пустился бежать что есть мочи.

Симон был поражен, правда, не столько самим нападением — рядовым происшествием в череде многих других в теперешних обстоятельствах, — сколько необычайным хладнокровием своей спутницы. Когда она подошла, чтобы развязать его, руки ее были холодны, а губы чуть дрожали.

— Он мертв, — едва слышно повторяла она, — младший Маццани мертв.

— У вас не было выхода, вы должны были защищаться, — сказал Симон.

— Да... конечно, но убить человека — это ужасно! Я ударила машинально... будто в кино. Ведь все мы — братья Маццани, Форсетта и я — проигрывали эту сцену раз сто или больше. И сейчас все было, как на съемках: те же жесты, слова... все, вплоть до удара ножом! Маццани-младший сам меня обучал, он все время повторял: “Браво, Долорес, если когда-нибудь тебе придется играть сцену похищения в реальной жизни, не забудь твоему противнику!”

— Давайте поторопимся, — сказал Симон, — старший Маццани, возможно, захочет вернуться и отомстить за брата, да и Форсетта не привык отступать.

И снова они двинулись в путь вдоль кабеля. Долорес верхом, Симон рядом с нею пешком. Чуть повернув голову, он мог видеть ее смуглое лицо и копну иссиня-черных волос. Широкополая шляпа ее пропала, а болеро осталось привязанным к седлу той лошади, которую увел Маццани. На ней была облегающая грудь шелковая блузка. За спиной висел карабин.

Они двигались по пустынной каменистой равнине, которая тянулась до самого горизонта. Однообразие пейзажа нарушали лишь силуэты затонувших кораблей да шныряющие то тут, то там разбойники. Над головами висела густая пелена облаков. Иногда доносился гул самолета.

В полдень Симон прикинул, что пройти осталось не более пяти-шести миль, так что они вполне могут добраться до Дьешпа засветло.

— Мы-то дойдем, а вот лошадь — нет. Падет раньше, — сказала Долорес. К тому времени она давно уже спешила.

— Не важно! — ответил Симон. — Главное, мы дойдем.

Теперь скалистая почва под ногами перемежалась с песчаными участками, на которых были видны многочисленные следы. Среди них выделялись отпечатки копыт двух лошадей, которые двигались вдоль кабеля им навстречу.

— Однако мы не видели всадников, — заметил Симон. — Почему же?

Долорес не ответила, но вскоре, когда они поднялись на вершину холма, указала Симону на широкую, доходящую до горизонта реку, которая преграждала им путь. Подойдя ближе к берегу, они увидели, что вода течет справа налево, а спустившись еще ниже, поняли, что это та самая река, на берегу которой они стояли утром: те же извивы берегов, тот же цвет воды. Симон в замешательстве разглядывал окрестности в надежде найти хоть какие-то отличия, однако картина повторялась и в общем виде, и в деталях.

— Что все это значит? — прошептал Симон. — Это какой-то странный мираж? Не могли же мы ошибиться!

Но доказательства ошибки только множились. Следы двух лошадей стали отдаляться от кабеля и привели их к самому берегу реки, там, на ровной площадке они разглядели следы лагерь и наконец узнали место собственной вечерней стоянки!

Значит вышло так, что, растревоженные и сбитые с толку после нападения индейцев, они выбрали кабель единственным ориентиром и двинулись вдоль него. Но ничто в окружающем ландшафте не подсказало им, что они идут в обратном направлении, и в результате после долгого изнурительного пути они оказались в той же точке, откуда вышли несколько часов назад.

Симон был в отчаянии. Досадное промедление показалось ему непоправимой катастрофой. После катаклизма 4 июня в этих местах воцарились хаос и варварство, и, чтобы противостоять им, требовались качества, какими он не обладал. В то время как всякий сброд и бандиты, рыскавшие по окрестностям, чувствовали себя как рыба в воде, Симон тщетно искал выхода из ситуаций, с которыми никогда раньше не сталкивался. Куда идти? Что делать? Кого опасаться? Как спасти Изабель?

На просторах этой новой земли он чувствовал себя потерянным, словно щепка в водах безбрежного океана. Он пошел вверх по течению реки, рассеянно рассматривая следы, сохранившиеся кое-где на мокром песке. Среди них он различил отпечатки сандалий Долорес.

— Нет смысла идти в ту сторону, — сказала она, — я уже все осмотрела там с утра.

Однако Симон не послушал ее и продолжил путь, с одной лишь целью — не сидеть на месте и хоть что-то делать. Через четверть часа он вышел туда, где илистый берег был истоптан, будто кто-то здесь переходил реку вброд.

Он резко остановился. Здесь прошли лошади. Он отчетливо видел следы копыт. И не только...

— Но это следы Ролстона! — пробормотал он озадаченно. — Отпечатки его каучуковых подошв! Невероятно!

Все стало проясняться. Пройдя еще пятьдесят метров вверх по течению, он обнаружил следы недавней стоянки.

— Ну конечно. Теперь все понятно. Они дошли сюда вчера вечером. Как и нам, им пришлось спастись от внезапного подъема воды и разбить лагерь за холмом. Нас разделял какой-нибудь километр или чуть больше! — прибавил он с досадой. — Ночью мы могли бы застать их врасплох! И упустили такой шанс! Ах, если бы знать!

Он присел и несколько минут изучал почву. А когда поднялся, встретился взглядом с Долорес и тихо спросил:

— Тут что-то странное. Можете мне объяснить?

Краска залила смуглое лицо девушки, и он сразу же понял: она догадалась, о чем речь.

— Вы ведь были здесь сегодня утром, Долорес, пока я спал. Ваши следы в нескольких местах перекрывают следы ваших врагов, а значит, вы пришли сюда после того, как они снялись с места. Почему же вы ничего мне не сказали?

Она не ответила и продолжала в упор смотреть на Симона. В ее взгляде читались вызов и страх одновременно. Симон резко схватил ее за руку.

— Как же так! Значит, вы знали правду! С самого утра знали, что они ушли вверх по реке. Вон там видны их следы... они ведут на восток. И вы ничего мне не сказали? А кабель? Ведь это вы его нашли и увели меня на юг, в сторону Франции. Это из-за вас мы потеряли целый день!

Не отрывая от нее взгляда и крепко сжав ее пальцы, он продолжал:

— Зачем вы это сделали? Это же страшное предательство. Скажите, зачем? Вы ведь знаете, что я люблю мисс Бейкфилд, знаете, что она находится в страшной опасности и день промедления может стоить ей чести и жизни. Так зачем же, зачем вы это сделали?

Больше он не сказал ни слова. Долорес, несмотря на свой обычный невозмутимый вид, была, как он почувствовал, в смятении, а он обрушился на нее по-мужски сурово и неумолимо. И вдруг она обмякла. Мятежный дух покинул ее, и в приливе нежности она, не в силах сдержаться, во всем призналась:

— Простите меня! Я не понимала, что делаю, я думала только о вас... и о себе... С первой минуты нашей встречи меня охватили чувства, над которыми я не властна. Сама не знаю почему. Ваши манеры, ваше внимание, то, как вы накинули пиджак мне на плечи. Никто еще так не заботился обо мне. Вы мне показались непохожим на других. В тот вечер, в казино, ваш триумф окончательно вскружил мне голову. С тех пор я думала только о вас. Такого со мной еще никогда не случалось. Мужчины всегда жестоки со мной, они мне отвратительны, они преследуют меня, как дикие звери. Я ненавижу их! А вы... вы совсем другой. Вам я готова покориться и хочу вам нравиться. Меня все в вас восхищает, я счастлива, как никогда прежде.

Она стояла перед ним, опустив голову. Такое робкое и вместе с тем пылкое признание в любви, о которой Симон даже не подозревал, привело его в полное замешательство. Его нежные чувства к Изабель, казалось, были унижены, как будто одно то, что он выслушал откровения молодой женщины,

уже было грехом. Однако она говорила о своей любви так смиренно, да и не каждый день ему случалось видеть такую гордую красавицу у своих ног, так что он не мог не поддаться нахлынувшим эмоциям.

— Я люблю другую, — сказал он со всей твердостью, давая понять, что между ними любви быть не может, — и с ней нас ничто не может разлучить.

— Конечно, — ответила она, — и все же я надеялась... сама не знаю, на что. У меня не было злого умысла. Я промолчала просто потому, что хотела побыть наедине с вами — только вы и я, и чтобы это длилось как можно дольше. Но теперь кончено. Клянусь вам! Мы догоним мисс Бейкфилд. Позвольте я поведу вас. Кажется, я лучше ориентируюсь.

Искренне ли она говорит? Можно ли верить в бескорыстие женщины, только что признавшейся в неистовой страсти?

— Как я могу быть уверен... — начал он.

— Как вы можете быть уверены в моей преданности? — договорила за него Долорес. — Ее подтверждает мое искреннее раскаяние в том, что я причинила вам столько зла, и мое желание это зло исправить. Когда я пришла сюда утром одна, то тщательно обыскала все вокруг, надеясь найти хоть что-то, за что можно зацепиться, и возле того камня нашла клочок бумаги, на котором было написано...

— Записка у вас? — вскричал Симон. — Это она ее написала? Она... мисс Бейкфилд?

— Да, она.

— Кому адресована записка? Очевидно, мне? — все больше и больше волновался Симон.

— Там нет адресата. Но она, очевидно, предназначена вам, как и другая, которую вы нашли вчера на судне. Вот, смотрите.

Она протянула Симону клочок бумаги, мятый и промокший, на котором рукой Изабель в спешке было написано следующее:

В Дьепп больше не идем. До них дошли слухи о золотоносном источнике, кажется, там настоящее золото. Направляемся к нему. Пока волноваться не о чем.

— Они вышли еще до рассвета и пошли вверх по течению. Если мы не ошиблись и эта река действительно Сомма, можно предположить, что им где-то пришлось ее преодолеть, и это замедлило их продвижение. Мы их догоним, Симон.

3. Плечом к плечу

[86]

ИЛ 4/2024

Лошадь вконец выдохлась, толку от нее больше не было, и Симону с Долорес пришлось ее бросить. Они достали все из седельных тюков, сняли попону, которую девушка, свернув на манер солдатской скатки, перекинула через плечо, и отправились дальше.

Записка от Изабель успокоила Симона, и теперь он позволил Долорес пойти впереди, к тому же в ее прозорливости, здравомыслии и отменной интуиции он убеждался уже не раз.

Напряженность между ними начала спадать, Симон чувствовал, что его понимают, и разговорился, восторгаясь, как и накануне, этим чудом — новоявленной землей. Река нерешительно прокладывала себе путь между еще не оформившихся берегов, поток постоянно менял свой цвет, вода заполняла ложбины и обходила возвышения, линии рельефа были плавными, как черты детского личика, — всему этому Симон не переставал удивляться.

— Глядите, глядите! — восклицал он. — Земля будто не может поверить, что вышла на свет. Раньше она находилась под водой, в темноте, и под солнечными лучами ей словно делается не по себе. Теперь каждой части пейзажа нужно освоиться в новых условиях: отвоевать себе пространство, научиться жить по иным законам. Этой земле еще предстоит узнать ветер, дождь, холод, познакомиться с зимой и весной, с солнцем, великолепным и щедрым солнцем, которое сделает ее плодородной и придаст ей ярких красок. На наших глазах здесь рождается новый мир.

Долорес восхищенно слушала, радуясь, что Симон делится с ней своими мыслями. А он незаметно для самого себя становился более внимательным и любезным и теперь смотрел на случайную спутницу как на женщину. Иногда, вспоминая ее признание в любви, Симон задавался вопросом, не лукавит ли она. Не скрывает ли под маской преданности желание находиться рядом с ним, не хочет ли воспользоваться обстоятельствами, которые свели их вместе? Впрочем, он был настолько уверен в силе своей воли и любви к Изабель, что не особенно стремился постичь тайные помыслы чужой души.

Трижды у речной преграды Симону и Долорес встречались группки бродяг, трижды они видели, как завязывались смертельные схватки. Двое мужчин и женщина погибли на глазах Симона, а он даже не попытался их защитить или наказать виновных.

— Вот оно, право сильного. Здесь нет жандармов, судей, палачей! Нет гильотины! Так зачем церемониться? Все социаль-

ные и моральные устои, все завоевания цивилизации исчезли в одночасье. Остались лишь первобытные инстинкты: отбирать силой чужое, убивать в порыве гнева или ради наживы. Прочее неважно! Мы вернулись в каменный век, где каждый за себя!

Вдруг где-то впереди послышалось пение, над рекой звонким эхом разнеслись голоса. Симон и Долорес прислушались: это были протяжные французские напевы. Голоса приближались. Из завесы тумана выплыла большая лодка. Полная людей, нагруженная мебелью и домашним скарбом, она шла вперед благодаря мощным усилиям шести гребцов. Это покинувшие родные края моряки с семьями обследовали берега в поисках места для строительства своих новых домов.

— Вы из Франции? — крикнул им Симон, когда лодка проплывала мимо.

— Да, из Кайе-сюр-Мер, — ответил один из певцов.

— То есть эта река — Сомма?

— Точно, Сомма.

— Но течет она почему-то на север.

— В нескольких милях отсюда она делает крутой поворот.

— А не встречали вы, случайно, людей, которые везли на лошадях связанных старика и девушку?

— Нет, ничего такого не видели.

Парень вновь затянул песню, ее подхватили два женских голоса, и лодка уплыла.

— Наверное, Ролстон повернул в сторону Франции, — предположил Симон.

— Исключено, — возразила Долорес, — ведь ему рассказали о золотоносном источнике, и теперь он его ищет.

— Тогда куда они подевались?

Ответ на этот вопрос они получили спустя час изматывающего пути по земле, усеянной битыми ракушками — останками миллиардов моллюсков, которые веками формировали ландшафт морского дна. Ракушки хрустели под ногами, местами их было так много, что Симон и Долорес проваливались в них по щиколотку. Иногда на их пути оказывались обширные, простирающиеся на сотни метров участки, заваленные дохлой рыбой, источавшей невыносимую вонь. И тогда приходилось идти прямо по ней.

Наконец они ступили на твердую почву, и вскоре вышли на мыс, который заканчивался обрывом над рекой. Там они увидели дюжину грязных дикарей в лохмотьях, вероятно, мародеров, участников большого грабежа, которые осатанело отрывали куски мяса от лошадиной туши и жарили их на слабом костре из отсыревших досок. С ними была овчарка. Один из них рассказал, что видел, как утром какие-то вооруженные

люди наспех соорудили шаткий скат к затонувшей посреди Соммы лодке, и перебирались на другой берег.

— Это было там, на обрыве. Сначала с него спустили девушку, а следом связанного старика.

— А лошадей не переправляли на другой берег? — спросил Симон.

— Лошади были измученные — их бросили. Трех взяли мои товарищи и отправились на них во Францию — им сильно повезет, коли лошади сдюжат. А четвертая, так вот она, на вертеле, ее-то и жрем. Надо же чем-то брюхо набить.

— Ну а те люди с девушкой и стариком куда отправились?

— За золотом. Они говорили, есть какой-то источник, из которого сыплются монеты. Самые настоящие. Мы тоже туда идем. Вот только доброго оружия нам недостает.

Тут разбойники, не сговариваясь, поднялись, окружили Долорес и Симона, а тот, кто с ним разговаривал, положил руку на его ружье.

— Очень кстати! Хорошо иметь при себе такое оружие. На случай, если придется оборонять кошелек, небось, туго набитый. Но у нас с товарищами тоже кое-что есть, — добавил он устрашающим тоном, — палки да ножи.

— Пистолет надежнее, — сказал Симон, выхватив его из кармана.

Разбойники расступились.

— Ни с места! Вздумаете шевельнуться — пристрелю.

Симон попятился к обрыву, уводя с собой Долорес и продолжая держать на мушке мерзавцев. Те не двигались.

— Идем, — проговорил Симон, — нам их нечего бояться.

Полреки перегораживала лежащая кверху днищем массивная лодка, напоминавшая панцирь черепахи. После наводнения на берегу осталось много всяких балок и досок, уже полусгнивших, но еще достаточно крепких, чтобы люди Ролстона смогли соорудить из них мостки длиной метров двенадцать.

Долорес и Симон быстро их преодолели, без труда забрались на днище плоскодонки и, держась за якорную цепь, спустились на другой берег. Но только Долорес ступила на землю, как с противоположной стороны реки раздался выстрел, и цепь, которую она еще не отпустила, сотряслась от сильного удара.

— Ох и повезло же мне, — сказала Долорес. — Пуля попала в цепь.

Симон обернулся и увидел лишь разбойников, вереницей идущих к мосткам.

— У этих карабина нет. Кто же тогда стрелял? — недоумевал Симон.

Долорес резко оттолкнула его за лодку, чтобы уберечь от пуль.

— Кто стрелял, спрашиваете? Форсетта или Маццани.

— Вы их видели?

— Да, вдалеке на мысе. Как вы понимаете, им не пришлось долго уговаривать тех мародеров напасть на нас.

Симон и Долорес перебежали к другой стороне лодки, откуда была видна вся переправа, при этом сами они стали недосягаемы для пуль.

— Стреляйте же! — крикнула Долорес, увидев, что Симон колеблется.

Он выстрелил. Бандит, который шел первым, взыв от боли, упал и схватился за ногу. Другие отступили и уволокли за собой раненого, так что на обрыве больше не осталось ни души. Но даже если разбойники не рискнут снова сунуться на переправу, Симону и Долорес рано было покидать свое укрытие. Стоит им только показаться — тут же попадут под пули Форсетты и Маццани.

— Дождемся ночи, — решила Долорес.

Долгие часы с ружьем наготове они наблюдали за обрывом, на котором время от времени кто-то появлялся, размахивал руками и вскидывал карабин, что заставляло Симона и Долорес снова прятаться. Следы показывали, что Ролстон двигался вверх по Сомме, и, когда достаточно стемнело, они вновь отправились в путь.

Симон и Долорес шли быстро, так как не сомневались, что индейцы с разбойниками пустятся за ними в погоню: над рекой слышались их голоса, и были видны какие-то отблески на противоположном берегу.

— Они прекрасно знают, — сказала Долорес, — что Ролстон направился в эту сторону и мы его ищем, а значит, пойдем по его следу.

Симон и Долорес продвигались ощупью, время от времени ориентируясь по слабому мерцанию реки, и через два часа пути наткнулись на какой-то завал. Симон осторожно осветил электрическим фонарем: это были, как им показалось, огромные тесаные мраморные глыбы с какой-то затонувшей баржи. С одной стороны их омывало водой.

— Думаю, мы можем остановиться здесь, хотя бы до расвета, — сказал Симон.

— Хорошо, — откликнулась Долорес, — а на рассвете вы продолжите свой путь.

Ее ответ удивил Симона:

— Надеюсь, вы тоже, Долорес?

— Конечно, но не лучше ли нам разделить? Скоро след Ролстона отклонится от реки, станет менее заметным, зна-

чит, вы будете медленнее продвигаться вперед, и, если я не направлю Форсетту ложным путем, он неминуемо настигнет вас.

Симон не до конца понимал, что задумала девушка:

— А как же вы, Долорес?

— Пойду в другую сторону, отвлеку их на себя, ведь они ищут именно меня.

— Но тогда вы окажетесь во власти Маццани, жаждущего отомстить за смерть своего брата, во власти Форсетты...

— Я отделаюсь от них.

— От всех бандитов, которыми наводнены эти места, вы тоже отделаетесь?

— Сейчас речь не обо мне, вы должны догнать Ролстона, я же буду для вас обузой. Разделимся.

Симон запротестовал:

— Ну уж нет, нам никак нельзя разделяться. Я вас не брошу, даже не думайте.

Предложение Долорес весьма удивило Симона. Что двигало девушкой? Почему она была готова пожертвовать собой ради него? В ночной тишине он долго думал о ней и их невероятном приключении. Он бросился на поиски своей возлюбленной, а обстоятельства его связали с другой женщиной, которую преследовали злодеи, и ее спасение тоже зависело от него. Теперь их судьбы тесно переплетены. Однажды Симон уже уберег Долорес от смерти, но что ему было известно об этой девушке? Он знал лишь имя и то, что она стройна и хороша собой. Душа Долорес оставалась для него загадкой.

— Вы отказались от моего предложения, чтобы не дать Форсетте схватить меня, правда? — робко спросила Долорес, подойдя ближе к нему в темноте.

— Конечно, ведь он для вас ужасно опасен.

— Это не должно менять ваших планов, — тихо продолжила она задушевым тоном. — Меня не пугает то, что может случиться. Вы же ничего не знаете о моей жизни. Маленькой девочкой я продавала сигареты на улицах Мехико, а потом, повзрослев, танцевала в барах Лос-Анджелеса.

Симон прервал Долорес, поднеся ладонь к ее губам:

— Не говорите ничего, не надо откровений.

Но она не унималась:

— И все же вы прекрасно понимаете, что мисс Бейкфилд подвергается не меньшей опасности, чем я. Оставаясь рядом со мной, вы приносите в жертву ее.

— Да замолчите же, — рассердился Симон. — Быть рядом с вами в этих обстоятельствах — мой долг. Покинь я вас, мисс Бейкфилд мне бы этого не простила.

Долорес, как он догадывался, воображала, будто превзошла Изабель, и, чтобы утвердить это превосходство, уговаривала его разделиться. Это раздражало Симона: “Нет, я остаюсь не из-за нее. Я обязан остаться. Не может же мужчина бросить женщину в подобной ситуации. Вот только способна ли Долорес понять это?”

Около полуночи место их ночлега начала затапливать разлившаяся река, и им пришлось переместиться выше.

Остаток ночи выдался спокойным, однако в утренних сумерках их разбудил глухой лай. Собака неслась на них с такой скоростью, что Симон еле успел выхватить пистолет.

— Не стреляйте, — крикнула Долорес, держа в руках нож.

Но было слишком поздно. Собака упала, забилась в судорогах и испустила дух. Долорес склонилась над ней:

— Это собака тех разбойников. Они шли по нашим следам, а она бежала впереди.

— Но как можно идти по нашим следам? Их же едва видно!

— У Форсетты и Маццани, как и у вас, есть фонари. А теперь мы еще выдали себя этим выстрелом.

— Тогда надо бежать. И как можно быстрее.

— Встречи с ними нам все равно не миновать, если только вы не откажетесь от идеи преследовать Ролстона.

Симон взял ружье.

— Верно. Тогда остается одно: ждать здесь и перестрелять их всех.

— Да, — ответила она. — Но...

— Что?

— А вы зарядили ружье после того, как стреляли вчера в бандитов?

— Нет, и мой патронташ остался на песке, там, где я спал.

— Мой тоже, теперь их залило водой. Значит, шесть патронов в браунинге — это все, что у нас есть.

4. Сражение

По сути, самым верным шансом на спасение было бы переправиться на ту сторону и попытаться убежать по левому берегу реки. Но это значило бы отдалиться от Ролстона. Поэтому Симон откладывал такое решение на самый крайний случай. К тому же, как оказалось, Форсетта предусмотрел такой поворот событий: как только рассвело, на другом берегу Соммы вверх по течению они заметили двух бродяг. Так что этот план стал неосуществимым.

Прошло еще немного времени, и путники поняли, что их убежище раскрыто. А их нерешительность только сыграла

врагам на руку. Метрах в пятистах выше и ниже по течению виднелись оружейные стволы.

— Это Форсетта и Маццани, — сказала Долорес. — Нам угрожают и справа, и слева.

— Но прямо-то путь свободен.

— Там тоже засада.

— Я никого не вижу.

— Они там, поверьте. Спрятались в надежном укрытии.

— Набросимся на них и прорвемся.

— Для этого нужно преодолеть незащищенное пространство, под перекрестным огнем Маццани и Форсетты. Они меткие стрелки. И не промахнутся.

— И что же делать?

— Будем отбиваться здесь.

Это был хороший совет. Груда мраморных глыб, наваленных друг на друга, как детские кубики, образовывала настоящую крепость. Долорес и Симон, осмотревшись, выбрали ее своим укрытием, хорошо защищенным и позволяющим отслеживать передвижения противников.

— Они наступают, — внимательно всматриваясь вдаль, сообщила Долорес.

Весь крутой берег реки был завален стволами деревьев, огромные корни переплетались между собой. Прячась за ними и прикрываясь широкими досками, начали свое наступление Маццани и Форсетта. А тем временем по равнине на Долорес и Симона стали надвигаться, словно живые, какие-то обломки, мотки троса, части кораблей, куски палубы, листы котлов. Эти импровизированные щиты незаметно приближались к ним тяжелым и уверенным шагом, будто черепахи, что упорно следуют к своей цели по невидимому радиусу, ведущему точно в центр. А центром была крепость. Под командованием Маццани и Форсетты бродяги начали ее штурм. Время от времени из-за щитов появлялась чья-то нога или голова.

— Черт! — с бешенством воскликнул Симон. — Мне бы хоть немного патронов, уж я бы задал трепку этим слизнякам!

Долорес наставила на бродяг два бесполезных теперь карабина в надежде, что это отпугнет неприятеля. Но, поскольку осажденные ничего не предпринимали, это только прибавляло уверенности нападающим. Два индейца даже не пытались прятаться — видимо, замыслили какую-то хитрость.

Чтобы показать свою ловкость, один из них — Форсетта, как сказала Долорес, — подстрелил чайку над рекой.

Маццани выстрелил в ответ. Вдруг послышался рокот — в небе появился аэроплан. Он довольно низко пролетел над рекой и, заглушив мотор, спланировал на берег, едва не кос-

нувшись мраморных глыб. Когда он поравнялся с индейцами, Маццани вскинул ружье и медленно прицелился. Последовал выстрел. Подбитый самолет клюнул носом, затем стал заваливаться то в одну, то в другую сторону, казалось, что он вот-вот опрокинется, и петляя, как раненая птица, исчез из виду.

Симон попытался было высунуть голову, но тут же просвистели пули, выпущенные обоими индейцами, и с треском отскочили рикошетом от каменной загородки.

— Прошу вас! — взмолилась Долорес. — Не будьте безрассудны!

Капля крови стекала по лбу молодого человека. Она нежно промокнула ее платком и прошептала:

— Вот видите, Симон, они одолеют нас... Вы все еще отказываетесь оставить меня? Рискуете своей жизнью, хотя развязки не избежать.

Он резко оттолкнул ее:

— Моей жизни ничего не угрожает. И вашей тоже... Никогда эта горстка негодяев не доберется до нас.

Однако он ошибался. Некоторые бродяги уже подобрались совсем близко. Было слышно, как они переговариваются между собой. Алчные, заросшие щетиной лица выглядывали из-за укрытий, словно многоликий дьявол.

Форсетта командовал:

— Вперед! Бояться нечего! У них нет патронов! Наступайте же! У француза карманы набиты деньгами!

Тут разом семеро бродяг бросились вперед. Симон выхватил револьвер и выстрелил. Они остановились. Никого из них не ранило. Форсетта торжествовал.

— Им крышка! Кроме браунинга, у них нет оружия, да и стрелок не слишком меткий! В атаку!

И он сам кинулся вперед, выставив перед собой железный лист. Маццани и бродяги взяли их в кольцо.

— Ножи к бою! — прорычал Форсетта.

Долорес крикнула Симону, что нужно укрыться получше, поскольку враги, лавируя между мраморными глыбами, могли уже незаметно подобраться к подножию крепости. И правда, бандиты скатились вниз по желобу, который наподобие печной трубы шел сверху вниз.

— Вот они! Вот они! — вскричала Долорес. — Стреляйте! Отсюда, из расщелины!

Через эту расщелину Симон заметил двух громил, которые шли впереди остальных. Прогремело два выстрела. Громилы повалились на землю. Банда во второй раз остановилась в нерешительности.

Долорес и Симон воспользовались замешательством, чтобы отступить к берегу реки. Они укрылись за тремя отдельно лежащими мраморными глыбами, перед которыми было пустое пространство.

— В атаку! — приказал Форсетта, догоняя бродяг. — Они сдрейфили! Мы с Маццани держим их на мушке. Если француз шевельнется, стреляем.

Чтобы отразить нападение, Симону с Долорес пришлось встать на ноги и высунуться из укрытия. Угроза индейца напугала Долорес, она вышла вперед и своим телом закрыла Симона.

— Стойте! — приказал Форсетта, делая знак бандитам. — А ты, Долорес, отпусти своего француз. Я гарантирую ему жизнь, если бросишь его. Пусть убирается! Мне нужна только ты!

Симон схватил девушку и резко притянул к себе.

— Не двигайтесь, — проговорил он. — Я запрещаю вам отходить от меня. Я отвечаю за вас. И, пока я жив, эти мерзавцы вас не получат.

И, крепко прижимая девушку к своей груди левой рукой, он правой наставил на бандитов браунинг.

— Bravo, месье Дюбоск! — издевательски расхохотался Форсетта. — Кажется, вы завладели прекрасной Долорес и не собираетесь с ней расставаться. Ох уж эти французы, всегда одинаковы. Настоящие рыцари!

Жестом он собрал бродяг для последней атаки.

— Вперед, друзья! Последнее усилие, и все деньги ваши! А нам с Маццани оставьте девчонку. Маццани, ты готов?

Вся орава ринулась в атаку. По приказу Форсетты бандиты дружно принялись бросать, словно метательные снаряды, доски и листы железа, служившие им щитами. Долорес они не задели, а вот Симон получил удар в руку и выронил свой браунинг, но успел выстрелить и попасть в Маццани. Один из бродяг подобрал с земли пистолет, а Форсетта набросился на Долорес и, уворачиваясь от ее ножа, обхватил ее обеими руками.

— Я пропала! — бормотала девушка, цепляясь за Симона.

Безоружный, с голыми руками, Симон вступил в схватку сразу с пятью бродягами, три раза в него стреляли из его же браунинга, но впустую истратили последние патроны. В конце концов мерзавцы впятером свалили его на землю. Двое схватили его за ноги. Двое других сжимали ему горло. А пятый целился из разряженного пистолета.

— Симон, спасите! Спасите меня! — закричала Долорес.

Форсетта тащил свою добычу, завернув в тряпье и связав веревкой. Симон отчаянно собрался с силами, за несколько мгно-

вений раскидал своих обидчиков и по внезапному озарению, пока те не успели опомниться, швырнул им свой бумажник:

— Руки прочь, отродье! Вот вам! Здесь тридцать тысяч! — прорычал он.

Кипа банкнот высыпалась из бумажника и разлетелась в разные стороны. Бродяги, забыв о Симоне, принялись ползать по земле.

Форсетта со своей жертвой на плечах был уже в пятидесяти метрах от него. Он бежал вдоль реки. Двое бродяг, которые караулили на противоположном берегу, отыскивали где-то плот и сейчас спешили к нему на подмогу, отталкиваясь от дна жердями. Если Форсетта успеет добраться до них, его уже не догнать.

“Не успеет”, — решил Симон, измерив взглядом расстояние.

Одним махом он вырвал нож у одного из бандитов и бросился вдогонку.

Форсетта между тем был уверен, что Симон дерется с грабителями, и совсем не торопился. Он тащил связанную Долорес на спине, перекинув вперед ее голову, руки и ноги и прижимая их ружьем. Чтобы подстегнуть гребцов, он крикнул:

— Девчонка — моя добыча! А вам достанутся все ее побрякушки.

— Осторожно! — предупреждая закричали гребцы.

Индеец обернулся и в двадцати шагах от себя увидел Симона. Одним движением плеч он сбросил Долорес на землю, но девушка ухитрилась освободить руки, и, падая, схватиться за ствол ружья, и увлечь за собой похитителя.

Несколько секунд, которые понадобились индейцу, чтобы подобрать свое оружие, погубили его. Симон бросился на него, прежде чем тот успел прицелиться. Форсетта снова споткнулся, получил удар ножом в бедро и униженно взмолился о пощаде.

Симон освободил Долорес, затем резко окликнул двух бродяг, которые только что причалили, а теперь в испуге пытались оттолкнуть от берега плот. Он приказал им:

— Позаботьтесь о раненом. И там еще другой индеец. Он не должен умереть. Позаботьтесь и о нем, и я сохраню вам жизнь.

Тех бандитов, что подобрали банкноты, уже и след простыл, и Симон отказался от преследования.

Так он остался полновластным хозяином поля битвы. Противники — погибшие, раненые, или бежавшие — были побеждены. Необычайное приключение в стране варваров продолжалось при самых непредсказуемых обстоятельствах.

В глубине души он понимал, что переживает удивительные минуты своей жизни, здесь, на дне Ла-Манша, между Франци-

ей и Англией, в самом сердце края, который стал местом смерти, преступления, коварства и насилия. И он победил!

Он не мог не улыбнуться и, опершись двумя руками о ружье Форсетты, обратился к Долорес:

— Это настоящая прерия! “Прерия” Фенимора Купера. Диккий Запад! Все в точности как там: нападение племени сиу, са- модельные укрепления, похищение, сражение, в котором победу одерживает вождь бледнолицых...

Она стояла перед ним очень прямо. Ее тонкий шелковый корсаж, растерзанный в схватке в клочья, обнажал грудь.

— А вот и прекрасная индианка, — добавил Симон уже менее уверенно.

То ли от избытка чувств, то ли от переутомления после столь тяжелых испытаний, Долорес вдруг покачнулась, и казалось, вот-вот упадет. Он поддержал ее, заключив в объятия.

— Вы не ранены?

— Нет... просто голова закружилась. Я очень испугалась. Мне не следовало бояться, поскольку вы были рядом, вы же обещали спасти меня. Ах, Симон! Как я вам благодарна!

— Любой другой на моем месте поступил бы так же. Не благодарите меня, Долорес.

Он хотел было отстраниться. Но она удержала его. И помолчав, спросила:

— Та, кого вы называли прекрасной индианкой, имеет в своей стране и другое имя. Сказать вам, какое?

— Какое же, Долорес?

— Награда Вождя.

Что ж, в глубине души Симон не мог не согласиться, что такое имя вполне подходило прекрасной смуглолицей Долорес: она в самом деле была желанной добычей для похитителя, пленницей, которую нужно освободить любой ценой, для спасителя, и лучшей из всех наград на свете.

Девушка нежно обвила его шею руками, мгновение они оставались неподвижными, не зная, что произойдет в следующее мгновение.

Но образ Изабель промелькнул в голове у Симона. Он вспомнил свою клятву и ее слова: “Никаких послаблений. Я ничего не прощу”. Он встрепенулся, стряхнул с себя наваждение и сказал:

— Вам нужно отдохнуть, Долорес. Нас еще ждет долгий путь.

Она тоже очнулась и пошла к реке. Умыла лицо прохладной водой и сразу принялась за дело. Собрала все патроны и провизию, которую смогла найти у раненых.

— Ну вот, — сказала она, когда все было готово. — Маццани и Форсетта будут жить, но вреда нам больше не причинят. Ос-

тавим их под охраной двух бродяг, вчетвером они сумеют постоять за себя.

Не обменявшись больше ни словом, они тронулись в путь. Целый час шли вверх по течению и очутились в том месте, где, как и говорили люди из Кайо, текущая из Франции Сомма делала крутой поворот. Там, в начале этой излучины, они обнаружили на покрытом тиной песке следы Ролстона и его спутников. Следы удалялись от реки и, следовательно, вели на север.

— Видимо, там и находится золотой источник, — заключил Симон. — Думаю, Ролстон, опережает нас на один день.

— Да, — сказала Долорес, — но у него большой отряд, лошадей больше нет, зато с ними два пленника, так что они продвигаются медленно.

Множество бродяг попались на пути Симона и Долорес. Все были взбудоражены слухами о золотом источнике, и все его искали. Но никто не имел понятия, где же он находится.

Наконец путешественникам повстречалась одна старуха. Она была похожа на ведьму, хромала, опираясь на клюку, и несла с собой холщовую котомку, из которой торчала голова маленькой собачки.

Собачка яростно лаяла. Ведьма что-то напевала себе под нос дребезжащим голоском.

Долорес стала ее расспрашивать. Она отвечала короткими ритмичными фразами, которые казались продолжением ее песни. Мол, она шла дня три, износила башмаки, а когда устала, ее несла собака.

— Да, моя собачка! Правда, Дик?

— Она безумна, — пробормотал Симон.

Старуха кивнула. И заговорщицким тоном зашептала:

— Да, безумна. Я такой не была... это золото... золотой дождь свел меня с ума... сначала бьет фонтан... из золотых монет и красивых камней... а потом они падают ливнем на землю. Подставишь шапку или сумку и лови... Моя сума полным-полна. Хотите посмотреть?

Старуха тихонько засмеялась, поманила их к себе, схватила собаку за шкуру и, выкинув ее прочь, приоткрыла котомку. И снова принялась напевать:

— Вы ведь славные люди? От вас зла мне не будет... А другим бы я не показала...

Долорес и Симон с любопытством заглянули в котомку. Своими костлявыми пальцами старуха сняла тряпицу, на которой лежал Дик, и отодвинула в сторону несколько крупных, красных и желтых, словно огненных, камней. Под ними были старинные золотые монеты с разными изображениями

и разного достоинства. Она зачерпнула горсть, и они зазвенели у нее в ладонях.

— Она и правда была там! — изумленно вымолвил Симон и, встряхнув безумную старуху, стал допытываться: — Где это? Сколько часов вы идете? Не видели отряд с двумя пленниками, стариком и девушкой?

Но старуха не желала отвечать. Она подобрала свою собаку, запихнула ее обратно в котомку и собралась уходить. Однако напоследок пропела на манер романса, которому собака вторила своим лаем:

— Это было вчера... Всадники проскакали... А с ними белокурая красотка...

Симон пожал плечами.

— Она бредит. У Ролстона больше нет лошадей.

— Да, но у мисс Бейкфилд белокурые волосы, — заметила Долорес.

А немного погодя они с удивлением увидели, что след отряда Ролстона соединился с другими следами, которые шли из Франции и, без сомнения, принадлежали лошадям — по мнению Долорес, лошадей было не меньше дюжины, — причем следы копыт появились раньше, чем человеческие. Их явно оставили те самые всадники, которых видела безумная старуха.

Долорес и Симону ничего не оставалось, кроме как следовать по дороге из утоптанного влажного песка. Ракушки закончились. Там и тут возвышались гладкие круглые камни, состоящие из смеси гальки с известковой глиной, — огромные шары, отполированные подводными течениями. Чем дальше, тем плотнее друг к другу они стояли, так что в конце концов образовали непреодолимый барьер, который сначала всадники, потом пеший отряд были вынуждены обойти.

Миновав это препятствие, Симон и Долорес оказались на краю обширной впадины. Вниз вели закругленные ступенчатые террасы, а на дне возвышалось еще несколько валунов.

Между ними лежали трупы. Пять трупов молодых людей, изящно одетых, в сапогах со шпорами. Четверо были убиты пулями, пятый ударом в спину, между лопатками.

Симон и Долорес переглянулись, и оба продолжили осматривать место происшествия.

На песке валялись поводья, подпруга, две торбы с овсом, початые консервные банки, одеяла и спиртовка.

Карманы жертв были опустошены. Но Симон все-таки нашел в жилетном кармашке у одного убитого листок с десятком имен: Поль Кормье, Арман Дарно и т. д. — и припиской:

“Охотничий отряд леса Э”.

Долорес обследовала ближайшие окрестности. Сопоставив ее наблюдения с соображениями Симона, они смогли восстановить всю картину произошедшего. Группа всадников, членов нормандского охотничьего клуба, разбила в этом месте лагерь позапрошлой ночью, а утром на них напали бандиты Ролстона и убили несколько человек.

Такие, как Ролстон и его подручные, не могли не ограбить жертв, но главной их целью было завладеть лошадьми. Сделав это, они помчались дальше верхом.

— Трупов только пять, — сказала Долорес, — а имен в списке десять. Где же еще пятеро?

— Убежали, лежат раненые, при смерти — не знаю! — ответил Симон. — Возможно, мы могли бы отыскать их где-нибудь неподалеку. Но разве мы имеем право задерживаться, когда речь идет о спасении мисс Бейкфилд и ее отца! Подумайте, Долорес, Ролстон опережает нас на тридцать с лишним часов, он и его люди скачут на отличных лошадях, а мы... Да и где, где их искать? — Он в бешенстве сжал кулаки. — Эх, знать бы, где находится этот золотой источник! Как далеко мы от него? Сколько еще времени до него добираться? День? Или два? До чего же мучительно ничего не знать и брести наугад по этому проклятому краю!

5. Награда Вождя

За два часа пути они заметили вдалеке еще три трупа. Время от времени откуда-то доносились звуки выстрелов. Одинокие путники теперь встречались все реже; люди, кто бы и откуда они ни были, предпочитали сбиваться в группы — так проще защищаться. Но, как только возникала хоть малейшая возможность чем-нибудь поживиться, даже внутри этих групп сразу же возникали потасовки. А власть здесь признавали только одну — власть силы.

Когда какая-нибудь шайка подходила слишком близко, Симон сразу же вскидывал ружье, делая вид, что вот-вот выстрелит. Говорить с ними он предпочитал на расстоянии, принимая самый что ни на есть суровый и угрожающий вид.

Долорес с беспокойством наблюдала за Симоном, но не говорила ни слова. Только один раз указала, что он идет не в ту сторону, и принялась объяснять почему. Однако эти доводы лишь рассердили Симона, и он раздраженно прервал ее:

— Ну и что? Какая разница, куда мы пойдем, направо или налево? Нам ничего не известно. Мы даже не знаем, взял ли Ролстон с собой мисс Бейкфилд в поход за золотом. Может

быть, он оставил ее где-то под охраной, чтобы после за ней вернуться, так что, гоняясь за ним, я лишь удаляюсь от нее.

Однако же, хотя он прекрасно осознавал, что главная цель — найти мисс Бейкфилд, жажда действий неудержимо гнала его вперед. И он не мог противиться этому порыву, даже для того, чтобы остановиться и поразмыслить.

Долорес шла вперед без усталы, не отставала от него ни на шаг, а временами даже обгоняла. Тогда он наблюдал, как ее босые ноги оставляют чуть заметные следы на песке — она уже давно скинула чулки и обувь и теперь шла энергичной и свободной походкой молодой американки. Сколько было в ее походке силы, гибкости, грации!

Ни на что не отвлекаясь, она пристально вглядывалась в даль. И вдруг вскрикнула, указывая на что-то рукой:

— Смотрите, там аэроплан!

Перед ними лежала обширная равнина, плавно поднимавшаяся к линии горизонта, — там, в туманной пелене, они различили очертания аэроплана. Он висел между небом и землей, словно корабль в открытом море. Парил ли он в белой вышине или катился по суше? Постепенно картина начала проясняться: аэроплан был неподвижен и лежал на земле.

— Судя по всему, это тот самый, который пролетал над рекой, — заключил Симон. — Хоть Маццани и подбил его, но он смог долететь сюда и как-то приземлиться.

Вскоре они уже различили в кабине сгорбленный силуэт — это пилот неподвижно сидел, уронив голову. Одно колесо аэроплана было сильно повреждено, но сам корпус остался цел. Так почему же пилот сидит, не шевелясь?

Симон и Долорес окликнули сидящего в кабине. Тот ничего не ответил и даже не повернулся в их сторону, а когда они подошли ближе, то увидели, что он лежит грудью на штурвале, свесив руки. Капли крови стекали под сиденье.

Симон забрался внутрь и сразу все понял:

— Он мертв. Пуля Маццани прошла по касательной и лишь чуть задела затылок. Рана неглубокая, он мог заметить ее не сразу, а только когда потерял много крови. Ему удалось посадить самолет, а потом... наверное, усилилось кровотечение или образовался тромб.

Долорес вошла в кабину вслед за Симоном. Вдвоем они посадили летчика ровно. Мародеры здесь еще не побывали: документы, часы и бумажник были при нем.

В документах не нашлось ничего интересного, но на штурвале была закреплена карта бывшего пролива Ла-Манш и побережья, а на ней красным карандашом отмечена точка с надписью “Золотой дождь”.

— Он тоже туда летел. Во Франции уже знают. А вот и точное место... сорок километров отсюда, между Булонью и Гастингсом, рядом с банкой Бассюрель.

— Если я смогу поднять в воздух этот аэроплан, то через полчаса уже буду на месте и освобожу Изабель, — с надеждой в голосе добавил он.

Со свойственной ему энергией Симон сразу же принялся за дело. Повреждения у аэроплана были незначительные: погнутое колесо, сломанный руль да порванная топливная трубка. Беда в том, что на борту не оказалось запасных частей, а тех инструментов, что удалось найти, было явно недостаточно. Однако Симона это совершенно не смутило: кое-как подправил, кое-что подвязал, не особо заботясь о надежности — лишь бы самолет смог дотянуть до цели.

— Судя по всему, нам нужно пролететь минут сорок, не больше, — объяснял он Долорес, которая изо всех сил ему помогала. — Я уверен, что дотянем, если мне, конечно, удастся взлететь... А ну-ка, я еще и не такое делал!

Радость переполняла его, он разговорился и принялся тихонько напевать, смеяться, шутить над Ролстоном — представил себе, какое будет лицо у этого бандита при виде него, неумолимым архангелом спускающегося с небес. Хоть работа и спорилась, но к шести часам вечера Симон все же понял, что до ночи не управится и полет лучше отложить до утра. Он закончил последние приготовления и еще раз тщательно осмотрел аэроплан, а Долорес тем временем занялась обустройством места для ночлега. К наступлению темноты все было готово. Довольный, с улыбкой на лице, он вылез из кабины и пошел к Долорес.

Аэроплан возвышался на гребне холма с пологим склоном. Симон спустился между двух дюн в круглую, как блюдце, низину, в центре которой сформировался водоем с такой прозрачной водой, что хорошо просматривалось черное каменистое дно.

Впервые за время путешествия он увидел такой приятный человеческому глазу, изумительной красоты пейзаж. На краю озера, там, где еще совсем недавно плескались морские воды, его взору открылся удивительный грот, будто созданный руками человека. Грот этот подпирали колонны, украшенные изящной резьбой.

Из-за колонн показалась Долорес: высокая и стройная, она неспешно зашла в озеро, обходя лежащие на дне валуны, набрала в стакан воды и принялась пить маленькими глотками. Она уже успела разжечь спиртовку и в котелке вскипятить воду — вверх поднимались струйки пара.

Заметив Симона, она улыбнулась и сказала:

— Все готово. Сегодня у нас к чаю белый хлеб с маслом.

— Откуда это? — рассмеялся он. — Неужели на дне морском кто-то жил и выращивал пшеницу?

— Конечно нет. Но в сумке убитого пилота нашлись кое-какие запасы.

— Хорошо, а это что за конструкция? Что за первобытный дворец?

Дворец был довольно грубой работы: на стенах, сложенных из огромных толстых глыб, подпирающих одна другую, сверху лежала тяжелая плита, похожая на те, что встречаются на древних дольменах. Все это выглядело грубым и бесформенным, а резьба при ближайшем рассмотрении оказалась тысячами маленьких отверстий — подводными обиталищами моллюсков.

— Моллюски-литофаги, как сказал бы старик Мезозой. Ах, как бы он обрадовался, увидев остатки этого дворца, что простоял здесь сотни тысяч лет! А рядом под слоем песка, возможно, погребена целая деревня. Не это ли свидетельство того, что, прежде чем эти земли оказались под водой, здесь жили люди? Это перевернет все существующие теории и, возможно, докажет, что первобытный человек появился гораздо раньше, чем мы когда-либо предполагали. Что вы скажете на это, Мезозой?

Антропологические гипотезы сейчас мало занимали Симона. Ему было не до научных объяснений, но он осознавал уникальность этой находки и был тронут до глубины души! Они с Долорес будто оказались в далекой эпохе, увидели ее своими глазами, да и жизнь их теперь вполне походила на ту, что вели их древние предки. Вокруг них была та же пустыня, то же варварство, те же опасности и ловушки. Но и те же радости: если встать у входа в грот, то взору открывался пейзаж, преисполненный спокойствия — песок под ногами, вода и висящий над ней туман. Только тихое журчание речушки, питающей озеро, нарушало эту бесконечную тишину.

Симон взглянул на свою спутницу. Вряд ли кто-то, кроме нее, смог бы так гармонично вписаться в окружающий ландшафт. Она обладала почти первозданной красотой, немного грубой и диковатой, но такой поэтичной и загадочной.

Ночь опустилась темным покрывалом на озеро и его берега.

— Зайдем внутрь, — предложила Долорес, когда они закончили трапезу.

Симон согласился.

Она пошла впереди, потом, обернувшись, подала ему руку и увлекла под каменную крышу.

Внутри, на выступе стены, уже висел фонарь Симона. Под ногами был мягкий ковер из песка, на нем лежали две попоны.

Симон остановился в нерешительности, но Долорес еще сильнее сжала его руку, и он невольно поддался натиску. Она тут же погасила свет, и его окутала плотная тишина — мир вокруг него исчез, лишь с озера доносился легкий плеск волн, ласкающих прибрежные камни.

Только тогда он осознал, в какую ловушку его завели события последних трех дней, так сблизившие его с Долорес. Красота молодой женщины никак не влияла на его решения и не прибавляла ему храбрости. Он все равно защищал бы ее, как сделал бы любой мужчина на его месте. Будь она старухой или дурнушкой, она точно так же могла рассчитывать на его защиту.

Но теперь он вдруг понял, что воспринимает Долорес не как боевую подругу и напарницу, а видит в ней самое прекрасное и соблазнительное создание. Он думал, что и ей сейчас не по себе, она тоже не может уснуть и ищет его глазами, вглядываясь в непроницаемый мрак. Она лежала неподвижно, а тонкий аромат духов от ее волос распространялся вокруг с теплыми потоками воздуха.

— Симон... Симон, — прошептала она.

Сердце его сжалось, но он не ответил. Она еще несколько раз позвала его и, видимо, решив, что он спит, встала, бесшумно прошла по песку и вышла наружу.

Что она задумала? Прошла минута. Послышался шорох ткани, затем шаги по каменистому берегу и плеск потревоженной воды. Долорес купалась в ночи.

Вскоре наступила полная тишина — так лебедь бесшумно скользит по водной глади озера, ни единым звуком не нарушая окружающего покоя и безмолвия. Долорес, должно быть, уже уплыла далеко на середину озера, а чуть позже Симон снова услышал, как шуршит ткань, — похоже, девушка вышла на берег.

Он быстро встал, рассчитывая уйти, пока она не вернулась. Но Долорес оказалась проворней, и они столкнулись на выходе из грота. Это было так неожиданно, что Симон отпрянул.

— Вы уходите?

— Да, — судорожно ища предлог, ответил он, — хотел проверить аэроплан. Вдруг какие-нибудь мародеры...

— Ну да... конечно, — неуверенно произнесла она. — Но прежде чем вы уйдете, я хотела бы... вас поблагодарить.

Их голоса выдавали смущение и глубокое замешательство. До этого они едва различали друг друга в темноте, но теперь она стояла прямо перед ним, и он видел ее отчетливо.

— Я вел себя по отношению к вам так, как велел мне долг.

— И этим вы отличаетесь от других мужчин. Именно это и покорило меня... с самого начала.

Возможно, интуиция подсказала ей, что нежные признания лишь ранят его, и не стала продолжать в том же духе. И все же через мгновение прошептала:

— Сегодня последняя ночь, когда мы вдвоем. Вскоре жизнь и обстоятельства разлучат нас. Ведь у нас так мало общего. Обнимите меня хоть ненадолго, пока мы вместе...

Симон не двинулся с места. Он не решался исполнить ее просьбу, боялся, что не устоит перед искушением, тем более что его распаляло желание и подталкивали предательские мысли. Зачем противиться? То, что в обычной жизни сочли бы грехом и изменой, не может считаться преступлением в период потрясений, когда силы природы и воля случая разрушают все привычные нормы и устои. Насладиться поцелуями Долорес в такое время было не большим злом, чем сорвать садовый цветок, специально для этого и выращенный.

Сумерки окутали их своим покрывалом. В этот миг они были одни в целом свете, оба такие молодые и свободные. Долорес отчаянно протянула к нему руки. Неужели он не ответит на ее чувства и не поддастся сладостному головокружительному порыву, который уже охватил его?

— Симон... — взмолилась она. — Симон, я не так много прошу! Не отказывайте мне. Разве вы можете отказать? Когда вы рисковали жизнью ради меня, в вас ведь проснулись чувства ко мне... ведь что-то же было. Я не могла ошибиться!

Симон молчал. Он не хотел упоминать Изабель, не хотел, чтобы ее имя звучало в этой своеобразной дуэли.

Долорес не отступала:

— Симон, кроме вас, я никогда никого не любила. А другие... Они не в счет. Один ваш взгляд изменил мою жизнь. Вы осветили ее солнечным светом. И я была бы безмерно счастлива... я бы хотела, чтобы осталось воспоминание. Вы, конечно, все забудете. Но это не важно. Зато моя жизнь изменится, преобразится, я сама стану другой. Прошу вас, дайте мне руку. Обнимите меня.

Симон стоял как вкопанный. Слово, данное Изабель, его любовь к ней, оказались сильнее искушения, которому он чуть было не поддался. И хотя образы Долорес и Изабель уже почти смешались в его затуманенном сознании, он не сдавался.

Долорес ждала, опустившись на колени, что-то шептала на непонятном ему языке. Он чувствовал все ее отчаяние, слышал ее страстный призыв, она с мольбой взывала к нему. На-

конец она с рыданиями кинулась к его ногам, но Симон, выйдя из оцепенения, ушел, не прикоснувшись к ней.

Прохладный ночной воздух обдувал его лицо. Быстрым шагом он удалялся от грота, повторяя имя Изабель со страстью верующего, что твердит слова молитвы. Он возвращался на плато, но, не дойдя до него, прилег на землю у подножия холма и, засыпая, еще долго думал о Долорес, но уже как о каком-то далеком воспоминании. Она постепенно отдалялась от него, и теперь он уже никогда не узнает, почему она так страстно, с первого взгляда его полюбила и почему в ее душе, где властвуют инстинкты, вдруг зародилось благородное чувство преданной, нежной и жертвенной любви.

На рассвете он еще раз проверил аэроплан, попытался его несколько раз завести и убедился, что мотор работает. Затем вернулся к гроту на озере, но Долорес там не было. Целый час он искал ее, звал, но все тщетно. Она исчезла, не оставив даже следов на песке.

Аэроплан поднялся над облаками, и Симон очутился в бескрайних просторах голубого неба, залитого ярким солнечным светом. Крик радости вырвался из его груди! Загадочная Долорес больше не значила ничего, забылись трудности и опасности, которые они преодолевали вместе, да и те, что ждут впереди, отошли на второй план. Он победил во всем, и, пожалуй, самой славной победой была победа над чарами Долорес.

Все позади. Изабель одержала верх, и теперь их с Симоном больше ничто не разделяло. Он крепко держался за штурвал. Мотор исправно гудел. Перед глазами у него были карта и компас. Он должен был приземлиться ровно в то место, которое отмечено на карте — в круг радиусом сто метров, не отклонившись ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад.

Полет не продлился и тех сорока минут, на которые он рассчитывал. Ему удалось добраться всего за полчаса. Внизу не было видно ничего, кроме бескрайнего моря белоснежных облаков, набегающих друг на друга, словно волны. И в эти волны ему предстояло нырнуть. Он выключил мотор и принялся планировать широкими кругами, все ближе и ближе спускаясь к облакам. С земли доносились крики и вой, как будто там, внизу, собралось множество людей. Погрузившись в туманную зыбь, он продолжил кружить, словно орел, высматривающий добычу.

Симон ни секунды не сомневался, что встретит Ролстона и даст ему бой, из которого выйдет победителем и освободит Изабель. Единственное, в чем он не был уверен, так это в своих способностях удачно посадить самолет.

Когда туман рассеялся и показалась земля, Симон немного успокоился. Внизу простиралась обширная равнина — почти плоская, похожая на цирковую арену. На ней отчетливо выделялись четыре песчаные площадки, на которых возвышались холмики, которые, впрочем, было несложно обогнуть. Вокруг этой арены сгрудилось много народу, а внутри суетились лишь несколько человек, они активно размахивали руками.

Спустившись ниже, он разглядел, что поверхность не такая уж ровная, но покрыта множеством мелких камней песочного цвета, которые местами образуют небольшие бугры. Но Симон, сосредоточившись, обошел все препятствия и спокойно вырулил до полной остановки.

Люди подбежали и окружили аэроплан со всех сторон. Симон подумал было, что они хотят помочь ему выйти из кабины, но тут же понял, что ошибся. Через несколько секунд аэроплан уже брали штурмом два десятка человек, наставив на него пистолеты, и не успел он даже начать сопротивление, как его связали по рукам и ногам, в рот затолкали кляп, а для пущей верности с головой замотали в какое-то покрывало.

— В трюм его, ко всем прочим, — приказал хриплый голос. — А будет рыпаться, пристрелите!

Но стрелять бы и не пришлось: Симона связали так крепко, что он и пальцем не мог пошевелить, с этим пришлось смириться. Он прикинул, что его пронесли примерно шагов на сто, в ту сторону, где стояла гомонящая толпа.

— Что разорались? — рявкнул один из тех, кто его нес. — А ну, посторонись! Или разогнать вас пулеметом...

Бандиты вскарабкались вверх по лестнице, а Симона подтянули за веревки. Чьи-то руки грубо обыскали его карманы, вытащили оружие и документы. Затем он почувствовал, что его снова тащат наверх, а потом полетел в пустоту.

Падение было недолгим, он мягко приземлился на дно трюма, там вповалку лежали такие же узники, от удара они разразились проклятиями.

Извиваясь всем телом, Симон все же смог освободить себе местечко на полу. Оказавшись там около девяти часов утра, он вскоре совсем потерял счет времени, поскольку занимался исключительно охраной завоеванного пространства от тех, кто пытался потеснить его. Отбиваться приходилось как от старых обитателей трюма, так и от вновь прибывших. Злобное ворчание и стоны этих изможденных, задыхающихся людей не могли заглушить даже плотные кляпы. Это был сущий ад. Кругом кровь, липкие от грязи лохмотья, тошнотворный запах разлагающейся плоти, повсюду трупы и корчившиеся в агонии люди, что-то бормочущие по-английски или по-французски.

На исходе дня, а может, уже и вечером, вдруг раздался оглушительный взрыв, похожий на залп мощного фейерверка, за которым послышался рев обезумевшей толпы. Вдруг откуда-то сверху, перекрывая эту какофонию, прозвучали властные окрики. На миг воцарилась мертвая тишина, а затем прозвучали отдельные короткие выстрелы, за которыми последовали пулеметные очереди.

Через пару минут толпа вновь заголосила, а потом все стихло — не было слышно ни треска пулеметных очередей, ни грохота взрывов. Но бойня, кажется, продолжалась: добивали раненых; их стоны и проклятья слышались отовсюду, а мертвых бросали в канаву. Дело близилось к рассвету. Это была мучительная ночь: целый день, с того самого ужина с Долорес на берегу озера, у него и крошки во рту не было; грудь сдавливала гора наваленных на него человеческих тел — раненых и мертвых; покрывало, в которое его завернули с головой, не давало дышать, а челюсть затекла от плотного кляпа. Неужели ему суждено умереть от голода и удушья, под грудой скользкой разлагающейся плоти, здесь, где стоит смертельный стон?!

Несмотря на завязанные глаза, он ощутил начало нового дня. Сонные соседи проснулись и закопошились, как черви в банке. А затем откуда-то сверху послышался недовольный голос:

— Да как же мы его тут найдем? Атаман просто издевается над нами! Хорошенькое дело! Это все равно что опарыша в навозе искать.

— Держи багор, — произнес другой голос, — будешь им трупы переворачивать — как старьевщик, в тряпье копать. И ты вот что, копай глубже! Со вчерашнего утра на него, наверное, кучу тел навалили.

— Да вот же он! — вскричал первый. — Взгляни-ка, вон там, левее! Это точно он, гляди, моей веревкой обвязан. Погоди-ка, сейчас подцеплю...

Симон почувствовал, что в него тычут какой-то палкой, наверное тем самым багром. Потом его подцепили за веревки и, перекатывая по трупам, вытянули наверх. Кто-то развязал ему ноги и прикрикнул:

— Давай, вставай, артист!

Его, с завязанными глазами, взяли под руки и спустили с корабля. Почувствовав каменистый грунт под ногами, он понял, что пересекает ту самую площадку, на которую посадил аэроплан. Затем его подняли по какой-то лестнице на палубу другого судна и оставили там.

Когда Симону развязали глаза и вытащили кляп, он успел разглядеть, что вокруг площадки сооружены баррикады из всего, что попало бандитам под руку: в ход пошли шлюпки, ящи-

ки, тюки, груды камней и кучи песка. Остатки миноносца перешагивали в нагромождение чугунных труб, дальше торчал корпус подводной лодки, за ней виднелся ряд окопов. Вдоль всего периметра баррикад стояли вооруженные часовые, а чуть поодаль, метрах в ста от них, под прицелом винтовок и пулемета суетилась и шумела оттесненная толпа бродяг. Земля вокруг была сплошь усеяна камнями красновато-желтого цвета — цвета серы, точь-в-точь как те, что лежали в кошелке у безумной старухи. Неужели в этих камнях были вкрапления золотых монет, а вооруженные, на все готовые бандиты оказались здесь, чтобы разрабатывать это месторождение? Кое-где на поверхности виднелись конусообразные холмики, напоминающие маленькие потухшие вулканы.

Чтобы привязать Симона к основанию сломанной мачты, стражники развернули его на сто восемьдесят градусов, и прямо перед собой он увидел других узников, которых, словно животных, держали на цепи или на привязи.

Поодаль располагался штаб бандитов, который сейчас выполнял функции трибунала.

В центре площадки был сооружен высокий помост. Вокруг него громоздились десяток убитых и недобитых пленников — некоторые корчились в страшных предсмертных судорогах. На помосте, в массивном кресле, больше похожем на трон, восседал человек. Он что-то пил прямо из бутылки. Рядом стоял табурет, сплошь заставленный бутылками из-под шампанского, подле них лежал нож с окровавленным лезвием. Вокруг кресла толпилась вооруженная охрана. Человек в кресле был одет во все черное и с ног до головы увешан бриллиантами и драгоценными камнями, на шее множество изумрудных ожерелий, а на лбу золотая диадема с рубинами и сапфирами.

Прикончив бутылку, атаман выпрямился. Симон вздрогнул. Лицо этого человека сильно напоминало его друга Эдварда. Перед ним был не кто иной, как Уилфред Ролстон. А среди коле и драгоценностей, которыми тот был обвешан, Симон сразу же заметил миниатюру в жемчужной оправе, ту самую, которая принадлежала мисс Бейкфилд.

6. Преисподняя

В лице Уилфреда Ролстона, прохвоста и пьяницы, узнавались благородные черты его кузена Эдварда, но на нем оставили отпечаток пагубные пристрастия. Маленькие, глубоко посаженные глазки неестественно блестели. Он все время скалил-

ся, выпятив челюсть, отчего походил на гориллу. При виде Симона он залился смехом:

— Месье Дюбоск? Пусть месье Дюбоск меня простит. До него я должен отправить в лучший мир еще несколько парнишек. Три минуты, а там и ваш черед, месье Симон Дюбоск.

Он повернулся к своим приспешникам:

— Давайте первого!

Вперед вытолкнули какого-то бедолагу, он дрожал, как осиновый лист.

— Сколько золота он украл? — спросил Роллстон.

— Два соверена, милорд, которые упали по ту сторону баррикады.

— Убей его.

Раздался выстрел. Приговоренный упал мертвым.

Затем последовали еще три столь же скорых расправы, и каждый раз все, от палачей до зевак, хохотали, кричали “Гип-гип-ура!” и прыгали от радости.

Но на четвертом приговоренном — этот ничего не украл, его лишь подозревали в краже — револьвер палача не сработал. Роллстон вскочил на ноги, кинулся к несчастному, который был на голову ниже его, и, изогнувшись, вонзил нож ему в спину. Это вызвало иступленный восторг. Почетный караул с радостными воплями отплясывал на помосте джигу. Роллстон вернулся на трон.

После этого в ход пошел топор — два взмаха, две скатившиеся головы.

Это сборище походило на дикарей из какого-нибудь африканского племени. Все эти негодяи были здесь предоставлены сами себе — ни одного жандарма поблизости, делай что хочешь, — отчего утрачивали человеческий облик. Всем заправляли проснувшиеся в них животные инстинкты, дикие и кровожадные. Пьяница Роллстон, вождь дикарей, убивал, чтобы убивать, такого удовольствия он не мог себе позволить в повседневной жизни, а вид крови пьянил его больше, чем шампанское.

— Теперь очередь француза! — воскликнул он и расхохотался. — Очередь месье Дюбоска. А займусь им я сам!

Он слез с трона и встал перед Симоном, держа в руке окровавленный нож.

— Что же, месье Дюбоск, — глухо проговорил он, — в прошлый раз, в отеле “Гастингс”, вы от меня ускользнули, и мой удар принял на себя кто-то другой. Вам повезло. Но я не пойму, почему вы никак не успокоитесь и преследуете меня и мисс Бейкфилд?

Произнеся это имя, он вдруг расхохотался:

— Мисс Бэйкфилд! Моя невеста! Вы, стало быть, не знаете, что я ее люблю? Мисс Бэйкфилд! Но я поклялся преисподней, ежели у меня появится соперник, вонзить ему нож в спину. Так значит, это вы, месье Дюбоск? Надо было вести себя умнее, чтобы вас не сцапали.

В его взгляде читались торжество и ненависть. Он медленно занес руку, ища в глазах Симона страх смерти. Но вдруг передумал, опустил руку и пробормотал:

— У меня идея... недурная, да-да, отличная идея! Пригласим-ка месье Дюбоска на скромную церемонию. Пускай порадует, что судьба его дорогой Изабель в надежных руках. Потерпите немного, месье Дюбоск!

Он сказал своим охранникам что-то, что привело их в буйный восторг, они даже откупорили шампанское по этому поводу. Потом начались приготовления. Трое охранников отошли в носовую часть судна, в то время как другие прислужники рассаживали трупы, словно зрителей, вокруг небольшого стола на помосте.

Симон тоже попал в число этих зрителей. В рот ему снова вставили кляп.

Происходящее походило на сцену из абсурдного спектакля, который поставили и играют сумасшедшие. Смысла в нем было не больше, чем в фантазмагорическом ночном кошмаре, и Симон не испытывал ни особого страха, ни радости от того, что исполнение приговора отсрочено. Все это напоминало наваждение, плод больного воображения.

Почетный караул выстроился в шеренгу с ружьями наизготовку. Ролстон снял свою диадему, как снимают шляпу в знак приветствия, и бросил на палубу усыпанный бриллиантами мундир, как бросают цветы к ногам королевы. Трое подручных вернулись, по-видимому, выполнив данное им поручение. Вслед за ними шла женщина под конвоем двух громил с красными физиономиями.

Симон содрогнулся — он узнал Изабель, но как же она изменилась, какая она бледная! Она шла, пошатываясь, как будто ноги ее не слушались, а полные скорби глаза смотрели куда-то в пустоту. Но от помощи конвоиров она отказывалась. Вслед за ней шел седовласый пастор, которого, как и остальных пленников, держали на веревке.

Ролстон бросился навстречу той, которую назвал своей невестой, подал ей руку и проводил к креслу, а сам уселся рядом. Один из головорезов, грозя пастору револьвером, велел ему встать рядом со столом.

Церемония, детали которой, видимо, были согласованы заранее, оказалась краткой. Пастор пробормотал приличест-

вующие случаю слова. Ролстон объявил, что берет Изабель Бэйкфилд в жены. Изабель в ответ на вопрос пастора обреченно кивнула. Ролстон надел ей на палец обручальное кольцо, потом отцепил от своего мундира украшенную жемчугом миниатюру и приколот ее к корсажу новобрачной.

— Мой свадебный подарок, — с издевкой проговорил он и поцеловал Изабель руку.

Она покачнулась — видимо, ей стало дурно, — но удержалась на ногах.

— До вечера, дорогая, — сказал Ролстон. — Ваш любящий супруг нанесет вам визит и предъявит свои права. До вечера!

Он подал знак двум громилам увести пленницу.

В честь торжества откупили несколько бутылок шампанского, пастора отблагодарили ударом кинжала, а Ролстон поднял бокал и заплетающимся языком произнес:

— За здоровье моей жены! Ну, что скажете, месье Дюбоск? Малышка будет счастлива, а? Сегодня вечером она станет супругой короля Ролстона! Теперь вы можете умереть спокойно.

Ролстон двинулся было к Симону с ножом в руке, но вдруг совсем рядом послышался какой-то грохот. Опять, как и накануне, начался фейерверк. Все резко изменилось, словно на сцене начала разыгрываться другая пьеса. Ролстон, разом протрезвев, перегнулся через борт и стал выкрикивать команды:

— На баррикады! Все по местам! Стрелять на поражение! Никого не щадить!

Приспешники Ролстона, все, кроме нескольких охранников, рванули к лестницам, громко топая. Оставшиеся пленники были связаны друг с другом, а Симона крепко-накрепко привязали к подножию мачты. Но ничто не мешало ему крутить головой, и он смог как следует рассмотреть безлюдную песчаную площадку рядом с кораблем. Из одного кратера в центре (всего их было четыре) вырывался огромный столб воды, пара, песка, серно-желтых камней, и все это рассыпалось по земле. Вместе с камнями из кратера вылетали золотые монеты.

Невероятное зрелище напомнило Симону исландские гейзеры. Это явление наверняка тоже можно было объяснить естественными причинами, поразительно лишь то, что по стечению обстоятельств сокровища с нескольких затонувших галеонов оказались именно там, где случилось вулканическое извержение. Они собрались на дне, как дождевые капли, и вскоре стекли на дно глубокой воронки, где теперь бурлили силы, разбуженные грандиозным катаклизмом.

Симону показалось, что вокруг него нагрелся воздух. Вероятно, от водяного столба исходил жар, кроме того, из него

во все стороны разлетались камни, поэтому никто не осмеливался к нему приблизиться.

Между тем люди Ролстона, занявшие позиции по всей линии баррикад, вели беспощадную стрельбу. Как только началось извержение, бродяги, столпившиеся в сотне метров от этой линии, пришли в смятение, а самые отчаянные бросились на приступ. Все они были мгновенно застрелены, но на смену убитым с дикими воплями бежали другие, обезумевшие от вида чудесного золотого дождя. Отдельные монеты перелетали через заграждение и падали у их ног.

Почти все эти смельчаки тоже распростились с жизнью, а те, в кого не угодили пули, очень скоро стали пленниками, их связали и оставили дожидаться казни.

И вдруг все прекратилось. Золотоносный фонтан стал быстро ослабевать и совсем иссяк, как струя воды из шланга. Защитники баррикад усилили огонь, отгоняя осаждающих, а охранники принялись собирать золото в плетеные корзины, сложенные у корпуса судна. Ролстон метался и отдавал команды. Урожай был собран за несколько минут, и началась дележка, отвратительная и смехотворная. Глаза бандитов алчно блестели. Руки тряслись. Вид золота, блеск и звон монет, прикосновение к ним — все это сводило всю ораву с ума. Голодные хищники, оспаривающие друг у друга кровавую добычу, и те не доходили до такого злобного ожесточения. Каждый совал монеты себе в карманы или в узелок из носового платка. Ролстон упикивал золото в холщовый мешок, который прижимал к себе обеими руками. Казалось, он снова захмелел и выкрикивал в угаре:

— Прикончить всех пленных — и старых, и новых! Казним их, а трупы повесим на всеобщее обозрение, чтоб никто больше не смел к нам соваться! Убивайте их, братцы! И первым — месье Дюбоска! Ну? Кто займется Дюбоском? У меня уже нет сил.

Желающих нашлось много. Самый проворный схватил Симона за горло, прижал его голову к мачте, приставил к виску револьвер и выстрелил четыре раза.

— Bravo! Bravo! — завопил Ролстон.

— Bravo! — в раже подхватили бандиты, окружавшие палача.

А тот накинул на лицо Симона какую-то тряпку, уже выпачканную кровью, обмотал ее вокруг мачты и завязал концы над головой, так что они торчали наподобие ослиных ушей. Толпа покатилась со смеху.

Симон ничуть не удивился тому, что остался в живых после четырех выстрелов в упор, сочтя это продолжением кошмарного сна, в котором беспорядочно громоздились непо-

стижимые, лишённые всякой логики и смысла эпизоды. Вместо того чтобы умереть, он спасся в силу столь же абсурдного стечения обстоятельств, как и то, что привело его на грань смерти. Что это было: незаряженное оружие или приступ жалости у палача? Никакого внятного объяснения.

Как бы то ни было, он стоял, не шевелясь, чтобы никто не заподозрил, что это живой, целехонький человек, а не привязанный к мачте труп с разможенным, прикрытым тряпкой лицом.

Адский трибунал выносил и тут же приводил в исполнение один приговор за другим, сопровождая каждое убийство обильными возлияниями. Агония за агонией, стакан за стаканом. Мерзкие шуточки, богохульства, пение, гогот, и все это перекрывал визгливый голос Ролстона:

— А теперь всех повесить! Живее, братцы! Я хочу увидеть, как трупы болтаются на веревках, когда встану с брачного ложа! Меня ждет королева. Выпьем же за ее здоровье!

Бандиты опрокинули еще по стакану, громкими песнями проводили Ролстона до самой каюты, потом вернулись на палубу и споро взялись за дело, которое он им поручил, — жуткое зрелище должно было издали отпугивать охотников до наживы. Симон следил за этой адской работой по доносившимся до него репликам и взрывам хохота. Трупы вешали то за голову, то за ноги на чем попало, лишь бы повыше, и засовывали им в руки древки с окровавленными лоскутами, которые трепал ветер.

Приближался черед Симона. Еще несколько трупов, и палачи примутся за него. На этот раз ничто его не спасет. Заколют ли его кинжалом, обнаружив, что он жив, или повесят — так или иначе его ждет конец.

Он и не попытался бы отвратить неизбежное, если бы не бесился при мысли об Изабель и об угрозах Ролстона. Подумать только, прямо сейчас это пьяное чудовище, этот одержимый давней похотью Ролстон наедине с несчастной обреченной девушкой! Запертая, связанная, она в его полной власти.

Симон взвыл от ярости и судорожно напрягся в тщетной надежде разорвать узы. Он больше не мог беспомощно ждать. Лучше уж разозлить эту свору зверей и даже схватиться с ними — по крайней мере, у него будет хоть какой-то шанс спастись. А спастись самому значило освободить Изабель!

Вдруг он почувствовал прикосновение, причем не грубое, а, напротив, легкое и осторожное, и затих. Кто-то распутывал руки у него за спиной и сбрасывал веревки, которыми он был привязан к мачте, и еле слышный голос шепнул:

— Спокойно! Ни звука!

Тряпку медленно стянули с его лица, и тот же голос приказал:

— Притворитесь, что вы тут свой. Никому нет до вас дела. Делайте то же, что все. И главное, без колебаний!

Симон, так и не обернувшись, повиновался. Рядом с ним двое головорезов поднимали труп. Если он хочет освободить Изабель, то не должен брезговать ничем, — внушая себе эту мысль, он присоединился к ним, помог им перетащить труп и подвесить к одной из железных штанг, на которых раньше закреплялись спасательные шлюпки.

Однако он быстро выдохся. Голод и жажда изнурили его. У него закружилась голова. Он стал искать, на что бы опереться, и тут кто-то подставил ему плечо и бережно отвел к помосту.

То был босоногий матрос в синих фланелевых штанах и робе, за спиной у него висел карабин, лицо наполовину закрыто повязкой.

— Антонио! — прошептал Симон.

— Пейте, — сказал индеец и протянул ему бутылку с шампанским. — И вот возьмите, коробка сухарей. Вам надо подкрепиться.

За последние полтора дня Симон пережил столько страшного и невероятного, что почти утратил способность удивляться. В конце концов, то, что Антонио удалось затесаться к дикарям, укладывалось в логику событий, ведь его целью было отомстить Ролстону.

— Так это вы стреляли в меня холостыми и спасли меня?

— Да, — ответил индеец. — Я прибыл вчера, когда Ролстон уже начал разгонять тысячи три или четыре молодчиков, сгрудившихся вокруг кратеров. Всех, у кого было огнестрельное оружие, он заманивал к себе, поэтому я здесь. И с тех пор шныряю всюду, осматриваю выкопанные траншеи, изучаю все уголки на судне. Когда Ролстону принесли бумаги, найденные у летчика, я как раз был рядом с ним и узнал в летчике вас. Ролстон тоже. Тогда я подгадал момент и вызвался прикончить вас. Но не рискнул предупредить вас у него на глазах.

— Он сейчас с мисс Бейкфилд? — тревожно спросил Симон.

— Да.

— Вам удалось поговорить с ней?

— Нет, но я знаю, где она.

— Идемте же скорее туда! — воскликнул Симон.

Антонио удержал его:

— Еще одно слово! Что случилось с Долорес?

Он смотрел прямо в глаза Симону.

— Долорес покинула меня, — ответил тот.

— Почему? — резко спросил Антонио. — Почему же? Женщина, совсем одна, в этих гиблых местах, — это же верная смерть. И вы ее отпустили?

Симон, не отводя глаз, возразил:

— Я сделал для Долорес все, что велел мне долг... и даже сверх того. Она ушла сама.

— Вот как. Понятно, — помолчав, сказал индеец.

Незамеченные никем из своры бандитов, они улизнули. Судно — а это был, судя по выцветшим буквам на борту, пароход “Виль-де-Дюнкерк”, тот самый, что затонул в начале катаклизма, — не очень сильно пострадало и стояло, накренившись на правый борт. На корме, за трубами никого не было. Симон и Антонио подошли к ведущей вниз лестнице.

— Логово Ролстона там, — сказал индеец.

— Тогда идем вниз! — Симон дрожал от нетерпения.

— Пока рано, — остановил его Антонио. — Там полдюжины охранников в коридоре и еще две женщины караулят лорда Бейкфилда и его дочь. Идем дальше.

Через несколько шагов он остановился перед еще не просохшим брезентовым чехлом, прикрывавшим металлические полки, на которые обычно ставят чемоданы и саквояжи пассажиров, приподнял брезент, влез под него и поманил Симона.

— Смотрите!

Полки стояли на застекленном переплете из толстых прутьев, сквозь стекло был виден внизу широкий коридор, проходивший под палубой, перед каютами. В коридоре сидел какой-то человек, рядом с ним — две женщины. Поначалу трудно было что-нибудь хорошо разглядеть, но, когда глаза Симона привыкли к полумраку, он узнал в сидящем человеке лорда Бейкфилда. Старый джентльмен был привязан к стулу, охраняли его две здоровенные бабы, им же Ролстон поручил поручил надзирать за Изабель. Одна из них держала в своей ручище концы затянутой на горле лорда веревки. Было ясно, что ей достаточно было дернуть веревку, чтобы задушить его в один миг.

7. Битва за золото

— Тише! — прошептал Антонио, понимавший, как неймется Симону.

— Почему? Они не могут нас услышать.

— Могут. Тут выбиты почти все стекла.

— Что с мисс Бейкфилд? — тоже шепотом спросил Симон.

— Утром я видел ее отсюда же: она сидела на втором стуле, связанная, как и ее отец.

— Где же она теперь?

— Не знаю. Полагаю, Ролстон увел ее к себе в каюту.

— А где его каюта?

— У него их три или четыре, вон там.

— Какой кошмар! — пробормотал Симон. — Неужели нет другого выхода?

— Нет.

— А если мы...

— Малейший шум, и мисс Бейкфилд конец, — предупредил Антонио.

— Но почему?

— Все подстроено, я уверен. Угроза ее отцу — это шантаж. Впрочем...

Одна из надзирательниц подошла к двери каюты, прислушалась, а, вернувшись, сказала с ухмылкой:

— Девчонка сопротивляется. Хозяину пора прибегать к сильным средствам. Ты готова?

— А как же! — сказала вторая, выразительно посмотрев на веревку в своей руке. — Нам пообещали по двадцать монет, и оно того стоит! Так что всего одно слово, и — хрусть! — дело сделано.

Лорд Бейкфилд даже не шелохнулся и не открыл глаза. Казалось, он спит. Симон был потрясен.

— Вы слышали? Изабель отбивается от Ролстона.

— Мисс Бейкфилд сумеет дать ему отпор. И приказа убить ее отца пока нет, — сказал Антонио.

Тут показался один из бандитов, охранявших вход в коридор, и, прислушиваясь, медленно прошел мимо. Антонио узнал его.

— Это приспешник Ролстона, он был с ним с самого начала, еще со времен Гастингса.

Бандит, подойдя к надзирательницам, покачал головой.

— Зря он занимается такими пустяками. Вожаку это негоже.

— Он ее любит.

— Ничего себе любовь. Мучает ее уже четыре дня.

— А чего она ломается? Она ж теперь его жена. Сама же сказала “да”!

— Сказала, но из-за того, что ее отцу угрожали расправой.

— Ну так и еще раз скажет, чтобы его не придушили.

Бандит наклонился.

— Как старикан?

— Кто его знает, — проворчала та, что держала веревку. — Велел дочери сопротивляться до последнего, сказал, что лучше умрет. Теперь вроде спит. Уж два дня как не ест.

— Чушь какая-то, — посетовал охранник, уходя обратно. — Ролстон должен быть на палубе. А если что-то случится? Вдруг на нас нападут?

— На этот случай у меня есть четкий приказ прикончить старика.

— Едва ли это поможет нам победить.

Время тянулось медленно. Надзирательницы тихонько переговаривались. Симону показалось, что он слышит голоса, доносящиеся из каюты.

— Это ведь голос Ролстона? — спросил он.

— Да, — подтвердил индеец.

— Надо действовать, нельзя больше ждать.

Вдруг дверь каюты резко распахнулась, и на пороге показался взбешенный Ролстон.

— Вы готовы? — крикнул он женщинам. — Ждем еще три минуты, потом удавите его.

— Ты все поняла, Изабель? — спросил он, повернувшись. — У тебя три минуты на размышления.

Симон, недолго думая, выхватил у Антонио карабин, но прицелиться не успел — Ролстон скрылся за дверью.

— Вы только все испортите! — Антонио вылез из-под чехла и отобрал у него оружие.

Симон вскочил на ноги, лицо его исказило страдание.

— Три минуты! Несчастная Изабель!

Антонио пытался его удержать.

— Мы что-нибудь придумаем. В каюте должен быть иллюминатор.

— Слишком поздно. К этому времени она уже покончит с собой. Надо действовать без промедления.

Симон на миг задумался и вдруг бросился к лестнице. Бегом спустился на нижнюю палубу и оказался на довольно большой площадке в начале коридора, где охранники играли в карты и выпивали.

Они вскочили, и один скомандовал:

— Стоять! Сюда нельзя.

— Все на палубу! Все по местам! — повторил Симон призыв Ролстона. — Живо! Никого не щадить! Начинается золотой дождь!

Все, как один, помчались вверх по лестнице. Симон побежал по коридору и столкнулся с одной из надзирательниц, которая вышла на шум.

— Золотой дождь! — повторил он. — Где Ролстон?

— В каюте. Скажите ему.

И она тоже поспешила на палубу. Но ее напарница, державшая веревку, колебалась, и Симону пришлось обезвре-

дить ее метким ударом в челюсть. Не взглянув на лорда Бейкфилда, он бросился к каюте. В эту самую секунду Ролстон распахнул дверь и крикнул:

— В чем дело? Золото?

Симон вцепился в дверь, чтобы Ролстон не мог ее захлопнуть, и увидел в глубине каюты Изабель, целую и невредимую.

— Кто вы такой? — вскричал бандит.

— Симон Дюбоск.

Повисла тишина, какая бывает перед, казалось бы, неминуемой схваткой. Но Ролстон попятился, глядя на него диким взглядом.

— Дюбоск... Дюбоск... Его же убили!

— Он самый, — подтвердил голос из коридора. — А убил его я, Антонио, друг Бадьяриноса, который пал от твоей руки.

— О нет! — застонал Ролстон, и ноги его подкосились. — Мне конец!

Он был до того пьян, напуган, да и природная трусость давала о себе знать, так что он буквально оцепенел и не оказал ни малейшего сопротивления, когда Антонио схватил его и обезоружил. Тем временем Симон с Изабель бросились в объятия друг друга.

— Что с моим отцом? — прошептала девушка.

— Он жив, не волнуйтесь.

Они вышли из каюты и освободили старого джентльмена. Тот совсем обессилел, он смог лишь с трудомжать руку Симону и поцеловать дочь, которая тоже еле держалась на ногах и дрожала от нервного потрясения.

— Ах, Симон, как вы вовремя! — слабым голосом сказала Изабель, прижавшись к нему. — Еще немного, и я бы покончила с собой! Какая низость! Смогу ли я когда-нибудь забыть этот кошмар?

Однако, несмотря на все пережитые беды, она нашла в себе силы перехватить руку Антонио, когда тот замахнулся на Ролстона.

— Нет, прошу вас! Симон, вы ведь думаете так же, как и я? Мы не имеем права...

Антонио возразил:

— Нет, мадемуазель. От этого чудовища надо избавиться.

— Умоляю вас!

— Хорошо. Но я найду его. У нас свои счета. Месье Дюбоск, помогите мне связать мерзавца.

Индеец спешил. Он помнил, на какую хитрость пошел Симон, чтобы избавиться от охранников, и понимал, что скоро они вернутся, на этот раз с подкреплением. Поэтому он поскорее отвел Ролстона в глубь коридора, запихнул в темный чулан и пояснил:

— Не найдя главаря в каюте, они побегут на палубу искать его там.

Грузную надзирательницу, которая стала приходить в себя, он тоже связал и повел измученных лорда Бейкфилда и Изабель к лестнице, но девушка так ослабла, что Симону пришлось нести ее на руках. Поднявшись на палубу, он не поверил своим глазам: из земли с грохотом вырывался водяной столп высотой до самых небес, и во все стороны летели камни. По счастливой случайности произошло ровно то, что он выдумал, и теперь надо было воспользоваться начавшейся суматохой. В этой части судна никого не было, и Изабель с лордом Бейкфилдом спрятались под брезентом. Антонио же с Симоном направились назад, к лестнице, чтобы разведать обстановку, и столкнулись с толпой головорезов:

— Ролстон! Ролстон! — кричали они.

Антонио изобразил растерянность:

— Ролстон? Я сам его везде ищу. Должно быть, он на баррикадах.

Бандиты развернулись и помчались обратно. Они остановились у помоста, посоветовались, и часть побежала к заграждениям, а остальные закричали по примеру Ролстона:

— Все по местам! Никого не щадить! Стреляйте!

Симон удивился:

— Что происходит?

— Они не знают, что делать, — ответил Антонио. — По ту сторону баррикад собралась целая толпа и пошла в атаку с нескольких сторон одновременно.

— Но они ведь открыли огонь.

— Да, но совершенно беспорядочный. Без Ролстона все идет наперекосяк. Что-что, а командовать он умеет. Видели бы вы, как он всего за несколько часов определял, кому что делать из двух или трех сотен новых бойцов, учитывая способности каждого! Так что его власть держалась не только на страхе.

Извержение было недолгим, а золотой дождь, на взгляд Симона, не слишком обильным. Но нападающие все равно бросились собирать монеты, а к ним присоединились некоторые из защитников баррикад, пользуясь отсутствием Ролстона.

— Натиск становится все яростнее, — сказал Антонио. — Противник чувствует, что оборона слабеет.

Стрельба чуть поутихла, это придало нападающим смелости, и они группами начали приступ с разных сторон. Их становилось все больше и больше. Пулемет замолчал — то ли кончились патроны, то ли его бросили. Оставшиеся у помос-

та бандиты, потеряв всякую надежду призвать товарищей к порядку, сами ринулись в окопы и принялись обороняться так решительно, что наступление замедлилось.

Следующие два часа удача сопутствовала то одним, то другим. Уже стемнело, а победитель так и не определился.

На судне никого не осталось, так что Симон и Антонио спокойно запаслись оружием и провиантом. Они планировали бежать глубокой ночью, если позволят обстоятельства, и, пока Симон охранял старого лорда с дочерью, совершенно измученных, индеец отправился на разведку.

Силы покинули лорда Бейкфилда, он уснул, но и во сне его мучили кошмары. Зато на Изабель одно присутствие Симона действовало исцеляюще, к ней вернулись бодрость духа и воля к жизни. Сидя рядом и держась за руки, они рассказывали друг другу, как провели эти страшные дни. Девушка поведала обо всех испытаниях, выпавших на ее долю: о жестокости Ролстона и его грубых ухаживаниях, угрозах убить ее отца, если она не покорится, ежевечерних попойках, нескончаемом кровопролитии, пытках, столах умирающих, гоготе пьяных бандитов...

От некоторых воспоминаний ее бросало в дрожь, и тогда она прижималась к Симону, словно боялась остаться одна. Вокруг сверкало и грохотало — стреляли с обеих сторон. Всеобъемлющий неясный гул, в котором сливались звуки боя, предсмертные хрипы и торжествующие крики, стоял над темной равниной. Понемногу начинало светать.

Час спустя вернулся Антонио и сказал, что бежать не удастся.

— Нападающие уже пробились за заграждения и захватили половину окопов. Ни они, ни обороняющиеся никого отсюда не выпускают.

— Почему?

— Боятся, как бы не вынесли золото. Похоже, в наступающих отрядах есть какое-то подобие дисциплины, и они подчиняются вожакам, цель которых — отобрать у банды Ролстона добычу. А поскольку нападающие численно превосходят противника в десять или двадцать раз, скоро здесь будет настоящая бойня.

Ночь была бурной. На небе, прежде затянутом облаками, начали появляться прорехи, сквозь которые виднелись звезды и струился бледный свет. Песчаную площадку пересекали темные силуэты. Сначала двое, потом уже целая толпа поднялась на “Виль-де-Дюнкерк” и спустилась с палубы вглубь судна.

— Бандиты Ролстона возвращаются, — тихо сказал Антонио.

— Зачем? Ищут своего главаря?

— Нет, они решили, что его убили. Но здесь спрятаны мешки с золотом, и всем хочется заграбастать побольше.

— Значит, золото где-то тут?

— Да, в каютах. Добыча Ролстона с одной стороны, его приспешников — с другой. Слышите?

Из коридора доносилась ругань, ссора перерастала в потасовку, сопровождавшуюся криками и столами. Победившие вылезали на палубу. Но всю ночь тени продолжали сновать туда и обратно, и вновь прибывшие громили каюты.

— Рано или поздно они наткнутся на Ролстона, — забеспокоился Симон.

— Ну и пусть, — ответил Антонио с еле заметной усмешкой, которую Симон в свое время еще вспомнит.

Индеец зарядил оружие и заготовил патроны. Незадолго до рассвета он разбудил лорда Бейкфилда и его дочь и дал им карабины и револьверы. Очевидно, штурм судна был не за горами, поэтому следовало поторапливаться.

Маленький отряд двинулся в путь с первыми лучами солнца. Не успели они ступить на песчаную площадку, как из остова подводной лодки донесся зычный голос и прозвучал приказ о наступлении. Осажденные, которые были лучше вооружены, уже приготовились отбиваться от противника, действовавшего более слаженно, но тут раздался страшный грохот, похожий на канонаду, и началось очередное извержение. В ту же секунду и нападающие, и обороняющиеся позабыли о сражении и, как загнанные звери, бросились на поиски надежного укрытия.

Дождь из обжигающе горячей воды и камней изливался на землю, но в центре оставался безопасный островок, куда все же решались проникнуть самые отчаянные охотники за золотом, и Симону на миг почудилось, что он увидел — но разве это возможно? — Мезозоя, который бежал со всех ног под зонтом из металлического диска с загнутыми вниз краями.

Захватчиков становилось все больше. Прибывали новые группы мужчин и женщин, вооруженных палками, старыми саблями, косами, садовыми ножами и топорами, и нападали на беглецов. Симону и Антонио дважды пришлось ввязаться в драку.

— Дело плохо, — сказал Симон, отведя Изабель в сторону, — но мы должны рискнуть. Попробуем пробиться на волю. Поцелуйте меня, Изабель, как тогда, перед кораблекрушением.

— Я верю в вас, Симон, — и она подставила губы для поцелуя.

С большим трудом, дважды схлестнувшись с негодяями, которые хотели их остановить, они добрались до баррикад и без особого труда их преодолели. Но с той стороны накатывали

все новые и новые орды озверевших бродяг: некоторые из них, скорее, спасались бегством, нежели охотились за добычей. Казалось, их преследует по пятам страшная опасность. Но все они, готовые убивать, шли по трупам и нападали на живых.

— Осторожно! — крикнул Симон.

Они увидели шайку бродяг, человек тридцать-сорок, а среди них — тех двоих, что преследовали их ранее. Заметив Симона, они вместе со своими товарищами двинулись к нему. Тут удача изменила Антонио, и он, поскользнувшись, упал. Лорда Бейкфилда тоже сбили с ног. Толпа окружила Симона и Изабель, они оказались в водовороте из человеческих тел. Симон успел притянуть к себе девушку и достать револьвер. Он трижды выстрелил, Изабель сделала то же самое. Два негодяя упали замертво. Толпа замерла, но уже через миг подхватила их и разлучила.

— Симон! Симон! — в ужасе закричала девушка.

— Хватайте девчонку, — скомандовал один из их бывших преследователей. — Мы выручим за нее кучу золота.

Симон попробовал прорваться к Изабель, но два десятка рук помешали ему, и, отбиваясь, он увидел, что двое громил тащат Изабель в сторону баррикад. Она споткнулась, конвоиры наклонились, чтобы поднять ее, как вдруг раздалось два выстрела, и они оба рухнули на землю.

— Симон! Антонио! — позвал чей-то голос.

Сквозь толпу Симон увидел Долорес на взмыленной лошади и с ружьем наперевес. Трое державших его злодеев упали замертво. Он вырвался, бросился к Изабель и вместе с ней присоединился к Долорес, рядом с которой уже стояли и Антонио с лордом Бейкфилдом.

Но за каждым из них гналась целая свора бродяг, а из тумана им на подмогу прибывало подкрепление: наверняка все полагали, что раз идет такая массовая облава на горстку людей, значит, на кону что-то очень ценное.

— Их больше сотни, мы пропали, — сказал Антонио.

— Мы спасены! — воскликнула Долорес, продолжая отстреливаться.

— Почему?

— Надо продержаться еще немного... всего минуту...

Ответ Долорес потонул в поднявшемся гвалте. Бродяги бросились в атаку. Четверо беглецов обступили лошадь Долорес и палили во все стороны. Левой рукой Симон стрелял из револьвера, а правой держал за ствол свое ружье и, размахивая им, не подпускал врагов.

Но как одолеть накатывающий на них людской поток, в который вливаются все новые силы? Наконец он поглотил

их. Старый лорд упал, оглушенный ударом палки. У Антонио отнялась рука, в которую попал камень. Сопротивляться было бесполезно. Сейчас их повалят на землю, затопчут, раздерут на куски.

— Изабель... — прошептал Симон, страстно прижав к себе девушку.

Они рухнули на колени. Хищники налетели на них, и вокруг сомкнулась тьма.

Вдруг где-то неподалеку послышались звуки военного горна. Ему ответил другой горн. Это был французский сигнал атаки.

Повисла тишина, ужас парализовал толпу. Симон, уже совсем выбившийся из сил, вдруг почувствовал, что давление ослабевает. Хищники пустились наутек.

Он привстал, поддерживая Изабель, и стал свидетелем поразительного поведения Антонио. С перекошенным лицом тот смотрел на Долорес. Медленно сделал несколько шагов по направлению к ней — так кот крадется к своей добыче — и вдруг, прежде чем Симон успел опомниться, одним махом вскочил в седло за спиной девушки, выхватил из ее рук повод, резко прищипорил лошадь и помчался прочь.

С противоположной стороны из завесы тумана стали появляться солдаты в голубых мундирах.

8. Верховный комиссар новых территорий

— Мой разлом! Ты ведь согласишься со мной, что это ответвление моего разлома? Оно оканчивается тупиком. Сила подземного извержения, зажатая в таком каменном мешке, вытолкнула часть морского дна на поверхность... и эта сила... Ты следишь за моей мыслью?

Симон все меньше вникал в путанные рассуждения Мезозоя, его внимание было поглощено Изабель, и слушал он только ее.

Все трое находились поодаль от баррикад, в армейском палаточном лагере, где бурлила жизнь: сновали туда-сюда солдаты в гимнастерках и синих кепи, кто-то готовил себе еду на огне. Изабель теперь выглядела спокойной, в ее взгляде больше не было тревоги. Симон с бесконечной нежностью смотрел на нее, не в силах оторвать взгляд. Утром туман рассеялся. Впервые с того самого дня, когда они с Изабель стояли на палубе “Королевы Марии”, небо наконец очистилось от облаков, сияло яркое солнце. Казалось, они не разлучались вовсе, и не было этих страшных событий последних дней. Все дурные воспоминания поблекли. Только порванное платье Иза-

бель, ее бледный вид и синяки на запястьях напоминали о злоключениях, оставшихся как будто в далеком прошлом, — ведь перед ними открывалось прекрасное будущее.

Одни солдаты убирали трупы прямо тут, вокруг баррикад, другие, подальше, снимали тела с виселиц. Рядом с подводной лодкой, на огороженной территории, чуть ли не целая рота часовых охраняла несколько десятков арестованных бандитов, время от времени туда приводили новых пленников.

— Конечно, — разглагольствовал Мезозой, — еще многое предстоит прояснить, и я намерен оставаться здесь до тех пор, пока не изучу все причины возникновения этого феномена.

— А мне, дорогой учитель, — смеясь, обратился к нему Симон, — не терпится узнать, как вам удалось сюда добраться?

Мезозой совсем не хотелось тратить время на подробный рассказ, и он ответил весьма расплывчато:

— Сам не знаю! Я просто последовал за группой отважных людей...

— Ну да, отважных мародеров и убийц...

— Ты думаешь? Впрочем, вполне может быть... временами я что-то такое подозревал. Но я был так увлечен исследованием! Так много объектов для наблюдения! И к тому же я был не один... по крайней мере, в последний день.

— Вот как! А с кем же?

— С Долорес. Мы вместе проделали последнюю часть пути, это она привела меня сюда и оставила, как только мы подошли к баррикадам. Чтобы изучить золотой источник, нужно было перебраться через них, но это оказалось совершенно невозможно. Стоило приблизиться, как ба-бах! — пулеметные очереди. В конце концов толпа все-таки прорвала ограждение. Но вот что меня теперь волнует: интенсивность извержений продолжает снижаться, и, по всей видимости, в скором времени они совсем прекратятся. С другой стороны...

Однако Симон уже не слушал его. Он заметил французского капитана, с которым не успел толком поговорить утром, поскольку тот ринулся в погоню за бандитами. Симон проводил Изабель в палатку, где уже отдыхал лорд Бейкфилд, и подошел к капитану.

— Дело идет на лад, месье Дюбоск! — воскликнул офицер. — Я послал несколько отрядов на север. Английские войска тоже на подходе, как мне докладывают. Все шайки разбойников будут схвачены, если не нами, то англичанами. Но какие варвары! И как я рад, что мы вовремя подоспели!

Симон поблагодарил его от себя, от имени лорда Бейкфилда и его дочери.

— Благодарить надо не меня, — ответил капитан, — а ту обыкновенную женщину, которая привела нас сюда. Я знаю только ее имя — Долорес.

Он рассказал, что его гарнизон стоял в окрестностях Булони, когда пришел приказ от нового военного губернатора выступать в сторону Гастингса и двигаться дальше, чтобы установить контроль над территорией от середины Ла-Манша до прежней линии французского берега и беспощадно пресекать возможные беспорядки.

— И вот сегодня утром, когда мы патрулировали местность в трех-четыре километрах отсюда и гнали шайки мародеров с нашей земли, прискакала верхом эта женщина. Она торопливо рассказала о том, что творится внутри баррикад, и о том, что там в смертельной опасности находится Симон Дюбоск. Сама она не смогла пробраться внутрь ограждения, но раздобыла лошадь и поспешила за помощью. Она умоляла меня помочь вам. Вы же понимаете, что, услышав ваше имя, я немедленно отправился на выручку. А когда она сама оказалась в опасности, я бросился в погоню за ее похитителем.

— И что было дальше, капитан?

— Она отделалась от индейца, скинув его с лошади и спокойно вернулась назад верхом. А его, сильно пострадавшего от падения, подобрали неподалеку мои люди. Он, кстати, требует встречи с вами.

Симон вкратце рассказал о роли, которую Антонио сыграл во всей этой истории.

— Наконец-то! — воскликнул офицер. — Вот она разгадка!

— Разгадка чего?

— О! Еще одного злодеяния.

Он подвел Симона к корпусу судна, и они вдвоем спустились на нижнюю палубу.

Широкий коридор был завален пустыми мешками и корзинами. Все золото пропало. Двери кают, которые занимал Ролстон, были выбиты. Миновав последнюю, они остановились около чулана, где накануне вечером Антонио запер Ролстона, офицер зажег электрический фонарь, и Симон увидел свисающее с потолка тело. Ноги мертвеца были согнуты в коленях и связаны так, чтобы они не могли коснуться земли.

— Вот этот мерзавец Ролстон, — сказал капитан. — Он, безусловно, заслуживает смерти, но чтобы так... Посмотрите...

Он осветил фонарем повешенного. Лицо бандита, покрытое запекшейся кровью, было не узнать. Его склоненная на грудь голова представляла собой одну сплошную отвратительную рану — с черепа были содраны волосы вместе с кожей.

— Это сделал Антонио, — произнес Симон, припомнив усмешку индейца, когда он предположил, что бандиты в конце концов найдут и выдадут своего главаря. По обычаю предков, он снял скальп своего врага. Настоящее варварство!

Несколько минут спустя они выбрались наружу и заметили Антонио с Долорес, стоявших неподалеку от подводной лодки, которая раньше служила бандитам оборонительным укреплением. Долорес держала свою лошадь под уздцы.

Индеец что-то взволнованно ей говорил, размахивая руками.

— Она собирается уехать, — сказал офицер. — Я подписал ей пропуск.

Симон подошел к девушке.

— Вы уезжаете, Долорес?

— Да.

— Куда направляетесь?

— Туда, куда понесет меня лошадь... и так далеко, насколько хватит ее сил.

— Вы не могли бы задержаться на несколько минут?

— Нет.

— Я хотел бы поблагодарить вас. Мисс Бейкфилд тоже.

— Пусть она будет счастлива! — сказала Долорес и запрыгнула в седло.

Тут Антонио шагнул вперед и резко схватил лошадь под уздцы, желая удержать девушку. Изменившимся голосом заговорил на непонятном Симону языке.

Долорес неподвижно сидела в седле, глядя вдаль. Ни один мускул не дрогнул на строгом лице красавицы. Она спокойно ждала. И когда индеец наконец выпустил из рук уздечку, усккала, так ни разу не обернувшись и не взглянув на Симона.

Она удалялась, таинственная и неразгаданная. Нет сомнений, что отказ Симона и то, как он повел себя в их последнюю ночь в гроте, глубоко оскорбили ее, и спешный отъезд без прощания был тому доказательством. Но все же, несмотря ни на что, какое невероятное мужество и стойкость она проявила, бросившись в одиночку в самое пекло, чтобы спасти мужчину, который пренебрег ею, и женщину, которую этот мужчина любил больше всех на свете!

Чья-то рука коснулась его плеча.

— Ах, это вы, Изабель!

— Да... я стояла там, недалеко, и видела, как уезжала Долорес.

Она как будто не решалась продолжить разговор. Потом пристально посмотрела на него и произнесла:

— А вы не говорили мне, что она так красива.

— Просто не было случая, — немного смутившись, но все же глядя прямо в глаза девушке, ответил Симон.

К пяти часам вечера наладили радиосвязь между британскими и французскими войсками, и было решено, что лорд Бейкфилд с дочерью вернутся в Гастингс под защитой английского конвоя, в распоряжении которого имелась карета скорой помощи. Симон, прощаясь с мисс Бейкфилд и старым лордом, попросил у него разрешения нанести визит в ближайшее время.

Симон чувствовал, что его миссия в эти дни исторических потрясений еще не завершена. И в самом деле, еще до ночи рядом с лагерем приземлился аэроплан — капитану французского отряда доставили приказ немедленно обеспечить подкрепление. Назревал конфликт между английскими и французскими военными из-за того, что обе стороны водрузили свои флаги на вершине холма, с которого как на ладони были видны все новые земли. Симон, ни минуты не колеблясь, занял место в аэроплане, возвращавшемся в расположение армии.

Теперь-то уже все знают, какую роль сыграл Симон в решении конфликта, который мог привести к весьма плачевным последствиям. Как он бросился между противостоящими сторонами, как упрашивал, грозил, и как, наконец, со всей своей убежденностью, решительно приказал французам отступить, — эти события уже вошли в историю. На заседании Палаты общин британский премьер-министр тогда сказал: “Я хочу выразить благодарность героическому Симону Дюбоску. Если бы не он, Британия могла бы запятнать свою честь, пролив кровь французов. Этот выдающийся человек, одним махом пересекший территорию, еще недавно покрытую водами Ла-Манша, понял, что нужно проявить терпение по отношению к великой нации, которая веками была окружена океаном, как надежной крепостной стеной, и внезапно ощутила себя беззащитной и безоружной. И давайте не будем забывать, что в то же самое утро Германия, со свойственным ей коварством, предложила Франции объединиться для вторжения на территорию Англии — ‘Delenda Britannia!’¹. Но тут возвысил голос Симон Дюбоск. И о чудо — французы отступают! Слава Симону Дюбоску!”.

Подвиг Симона высоко оценила и Франция — его тут же назначили Верховным комиссаром новых французских территорий. В следующие четыре дня ему пришлось буквально

1. “Британия должна быть разрушена!” — измененная латинская фраза “Carthago delenda est” — “Карфаген должен быть разрушен!”.

разрывать, облетая отвоеванные земли, восстанавливать там порядок и нормальную жизнь. Все банды грабителей и мародеров были пойманы и отданы под суд. Наладилось транспортное сообщение: небо бороздили аэропланы, грузовики перевозили людей и провизию. Жизнь постепенно возвращалась к привычному руслу.

И вот в назначенный день Симон стоял на пороге замка Баттл, неподалеку от Гастингса. Здесь тоже воцарился порядок, слуги вернулись к своим обязанностям. И только несколько трещин на стенах да провалы грунта посреди лужайки напоминали о недавних ужасах.

Лорд Бейкфилд, который, кажется, вполне поправился, встретил Симона в библиотеке и оказал ему такой же сердечный прием, как когда-то в Брайтонском гольф-клубе.

— Ну, молодой человек, что скажете?

— Скажу, что прошло ровно двадцать дней с того момента, как я попросил у вас руки мисс Бейкфилд. Именно столько времени вы отвели мне на мои подвиги, — весело ответил Симон. — И вот я пришел к вам в назначенный срок и хочу спросить: выполнил ли я, по-вашему, оговоренные условия?

Вместо ответа Лорд Бейкфилд предложил ему сигару и протянул зажигалку. Подвиги, совершенные молодым человеком, и спасение самого лорда Бейкфилда от неминуемой смерти — заслуги, несомненно, достойные награды в виде хорошей сигары, высокой государственной должности и, возможно даже, руки мисс Бейкфилд. Но требовать от лорда похвалы или многословных выражений признательности — это уже слишком. Лорд Бейкфилд оставался лордом Бейкфилдом, а Симон Дюбоск — безродным выскочкой.

— Всего хорошего, молодой человек... Ах да, кстати, я аннулировал брак, который негодяй Ролстон навязал Изабель. Этот брак и без того был недействителен, но я все же принял необходимые формальности. Мисс Бейкфилд сама расскажет вам об этом. Вы найдете ее в парке.

В парке ее не было. Она знала о визите Симона и ждала его на террасе. Он пересказал ей свой разговор со старым лордом.

— Да, — ответила она, — мой отец больше не упорствует и считает, что вы прошли испытание.

— А вы, Изабель?

Она улыбнулась:

— Я не должна быть к вам строже, чем мой отец. Но давайте не будем забывать, что, помимо его условий, было еще одно от меня.

— Какое условие?

— Вы разве не помните? Тогда, на палубе “Королевы Марии”?

— Так значит, вы сомневаетесь во мне?

Она взяла его руки в свои и произнесла:

— Симон, иногда мне делается грустно от мысли, что другая, не я, разделяла с вами все опасности в этом невероятном приключении, и ту, другую, вы защищали, а она спасла жизнь вам.

Он покачал головой:

— Нет, Изабель, во всех испытаниях только вы были моей спутницей, только вы. Все мои мысли были о вас, я шел к вам как к единственной цели, вы были моей надеждой, вы вели меня к победе.

Помолчав, она сказала:

— Я много говорила о ней с Антонио по дороге обратно в Англию. Эта молодая женщина не только очень красива, но и способна на возвышенные благородные чувства. И вы это прекрасно знаете. Что бы там ни было у нее в прошлом, а по словам Антонио, оно было довольно бурным и небезупречным, какие бы страсти ни кипели вокруг нее, она сохранила чистое сердце. Только вы по-настоящему тронули ее, Симон, разбудили ее чувства. Она полюбила вас с первой встречи и ради вас была готова пожертвовать жизнью, об этом мне с горечью поведал отвергнутый Антонио. Вы это знали, Симон?

Молодой человек хранил молчание.

— Я понимаю... вам трудно ответить. И все же прошу вас, поклянитесь, что ни разу, даже в мыслях вы не проявили слабость, ни разу не поддались соблазну. Что в глубине души вы не храните воспоминаний о другой женщине.

Он привлек ее к себе и, коснувшись губами ее губ, прошептал:

— Для меня есть только вы, Изабель, только вы — и в прошлом, и в будущем.

— Я верю вам, Симон.

Через месяц состоялась свадьба, и Симон с Изабель поселились на судне “Виль-де-Дюнкерк”, превращенном в официальную резиденцию Верховного комиссара Франции по новым территориям.

Там после изысканий, проведенных Симоном Дюбоском, был подписан проект устройства широкого канала, который перережет нормандский перешеек, оставив слева и справа обеим странам примерно равные участки земли. Там же была подписана декларация о вечной дружбе между Англией и Францией и заложены основы Соединенных Штатов Европы.

На судне родились четверо детей Симона и Изабель. Вдвоем, они частенько навещали Эдварда, добираясь до него вер-

хом или на аэроплане. Их друг, излечившись от ран, вернулся к работе — возглавил крупное рыболовное предприятие на новых английских берегах и взял на работу Антонио.

Эдвард женился. Индеец же долго жил один, в ожидании той единственной, от которой не было никаких вестей. Но однажды он получил письмо и внезапно уехал. Несколько месяцев спустя Антонио написал из Мексики и сообщил о своей свадьбе с Долорес.

Больше всего Изабель и Симон любили прогулки к старику Мезозой. Он жил на берегу озера в скромном деревянном домике недалеко от того самого грота и продолжал изучать новую землю. Загадка иссякшего золотого фонтана была решена и больше его не интересовала. Теперь предстояло разобратся, как могло в эпоху эоцена появиться невероятное каменное сооружение.

— Бесспорно, что в тот период на Земле уже жили обезьяны, — утверждал Мезозой. — Но люди?! Да еще способные строить и украшать свои жилища каменной резьбой! Признаюсь, этот факт сбивает меня с толку. А ты что думаешь, Симон?

Симон не думал об этом. Он вместе с Изабель садился в пришвартованную у берега лодку и беззаботно греб. И никогда не вспоминал тот волнующий вечер, когда в этих прозрачных водах купалась Долорес. В жизни Симона была лишь одна женщина. Он завоевал ее и оставался ей верен до конца своих дней.